

[Polaris]

Владимир Бабула

СИГНАЛЫ ВСЕЛЕННОЙ

Океан световых лет

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXII

Salamandra P.V.V.

**Владимир
Бабула**

СИГНАЛЫ ВСЕЛЕННОЙ

Океан световых лет
Том I

Salamandra P.V.V.

Бабула В.

Сигналы Вселенной (Океан световых лет. Том I). Пер. С. Гоголина. Илл. Ф. Шкоды. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 267 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXII).

Впервые на русском языке — космическая утопия чешского фантаста Вл. Бабулы «Сигналы Вселенной» (1954-55), один из первых послевоенных НФ-романов в чешской литературе. Возвращенный к жизни наукой будущего соратник великого полярного исследователя Амундсена знакомится в нем с Землей потомков, противостоит заговору последних империалистов и совершает путешествие к далеким звездным мирам.

© V. Babula, estate, 2015

© S. Gogolin, перевод, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Владимир Бабула

**СИГНАЛЫ
ВСЕЛЕННОЙ**

Илл. Ф. Шкоды

Своим детям: Митьке, Аленке, Томашу и всем другим путешественникам в третье тысячелетие от чистого сердца посвящает

АВТОР

Часть первая
ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава I

СЫН СЕВЕРА

Кабина межпланетного корабля, освещаемая только мягким, спокойным сиянием Земли, тонет в сумерках.

Мужчина сидит в кресле у круглого окна и не может оторвать глаз от необыкновенной картины. Его мечтательный взгляд блуждает по огромному шару, что плывет куда-то в извечной темноте.

Человек со своими радостями и заботами; человечество, увлеченное грандиозной борьбой с природой, города и леса, моря и суша — все это за несколько часов космического полета слилось в единое понятие: планета Земля. Сейчас она висит неподвижно среди бесчисленных звезд, а ее поверхность кажется мертвой, будто на ней угасла всякая жизнь.

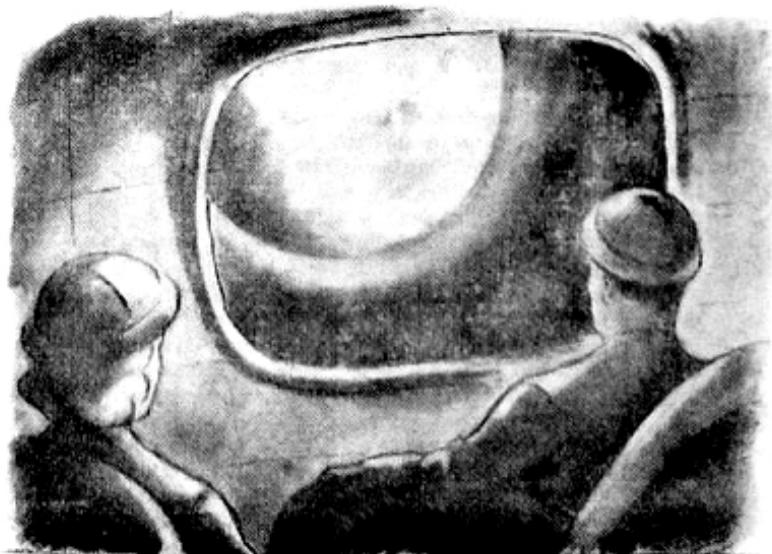
Плечи мужчины вдруг передернулись; он словно сбросил с себя тяжелую полудрему, отвернулся от окна и прошептал в полумрак кабины:

— Алена, вы спите?

— Нет, Северсон. Уже с час как проснулась, но не хотела вас беспокоить... Вы, должно быть, погрузились в воспоминания, и теперь вам грустно, правда? — Девушка с большими черными глазами немного наклонилась вперед. На ее лицо из окна упало серебристое сияние.

— То, что я сейчас чувствую, Алена, нельзя назвать грустью. Понимаете... — Северсон с большим усилием подыскивал нужные слова. — Понимаете, здесь человек... как ангел с огромными крыльями. Плывет в безграничном пространстве и со звездной высоты осматривает континенты. Это такое странное ощущение... Взгляните-ка на этот огромный глобус! Сколько мы, люди, на нем всего пережили! Сколько мог бы рассказать даже один я... Там бушует и бурлит жизнь; мне кажется, будто даже сюда доносится гул могучей энергии, которая покорно служит человеку. А что

такое, в конце концов, сам человек? Маленький муравей, если взглянуть издалека; он со своими великими делами — ничто!.. А впрочем... — Северсон смущенно улыбнулся. — Я так разболтался, что сам удивляюсь. Еще стану философом или поэтом.

— А почему бы и нет? Действительно, в Космосе у человека словно вырастают крылья. Но очень прошу, не будьте пессимистом и не сравнивайте людей с муравьями. Бессилен лишь тот, кто потерял веру в себя, а мал тот, кто стремится только к мелкой цели. А наша цель так грандиозна! Мы умеем мечтать и способны превратить мечты в действительность... — Алена склонилась к окну. — Посмотрите внимательно на Землю... Какого цвета побережье Африки?.. Зеленого! Разве это не прекрасное доказательство могущества человека?! Еще десять лет назад мы увидели бы там светло-желтое пятно, которое называлось пустыней Сахарой... Или Арктика... В то время, когда вы с Амундсеном завоевывали Северный полюс, лед занимал все Заполярье

от Азии до Америки. А теперь — остался только белый островок вокруг полюса... — девушка вдруг замолчала. — Простите, я так много говорю.

Северсон горько улыбнулся:

— Вы боитесь, что разговор об Арктике напомнит мне прошлое? Нет, не беспокойтесь. Я не ребенок, чтобы со мной так нянчиться... — Он удобнее устроился в кресле, погладил рукой подбородок, словно проверяя, хорошо ли выбрит. — Мы с вами знакомы уже довольно давно, но что вы про меня знаете? Ничего. «Для вас мое прошлое окутано мглой», — как сказал бы поэт.

— Это не совсем так, — загадочно улыбнулась Алена. — Кое-что о вас я все-таки знаю. Хотите меня проэкзэменовать?

— В таком случае, хорошая, милая ученица, расскажите что-нибудь про Северсона. Но очень прошу — из времен его первой жизни, когда он еще носил свое настоящее имя.

— Прошу, товарищ учитель. Северсон родился в тысяча восемьсот девяносто втором году в Норвегии. Там очень красиво: сквозь дымку туманов проступают вершины Хагенфильда, где, по преданиям древних викингов, жили боги ветров и бурь.

Когда Северсон стал юношей, родители послали его учиться в Англию. В те времена по всему миру разнеслась слава великого путешественника Руаля Амундсена. Молодой Лейф — так звали Северсона — с огромным интересом следил за его экспедициями. Человек беспредельной отваги, с решительным цельным характером и благородным сердцем, Амундсен был для него образцом во всем.

Когда Северсон вернулся из Англии, ему посчастливилось впервые увидеть Амундсена. Великий Орел Севера как раз прибыл на родину как бессмертный покоритель Южного полюса... Я не права, Северсон?

— Смотрю я на вас, Алена, и не верю собственным ушам. Откуда вы все это знаете?

— Подождите, товарищ учитель, я еще не закончила, — засмеялась Алена. — Вскоре после этого Северсон познакомился с Амундсеном лично. Если бы я была писательни-

цей, то описала бы вам и лицо Амундсена. Оно было обожжено полярными ветрами, с заостренными чертами, остро и четко очерченное. Амундсен умел вдохновить соратников на большие подвиги, а в несчастье — каждого подбодрить...

— А через минуту вы, наверное, расскажете и о моих прежних мыслях?.. Вы, никак, ясновидящая — или, может, тоже жили в те времена и проснулись вместе со мной через сто лет?

— Ни то, ни другое, Северсон. Разве так трудно зайти в университетскую библиотеку и просмотреть литературу об Амундсене? Ее там немало, и почти в каждой книге говорится и о вас, о вашем участии в его славных подвигах. Там прочитала я и о том, как вы полетели спасать Нобиле. Вот про конец этого полета не написано нигде ни слова. Пока что это известно только вам, Северсон...

Алена сняла с головы защитный шлем астронавта, положила его себе на колени:

— Знаю, что это нарушение инструкции, но он мне надоел! — сказала она, будто оправдываясь. — На этом отрезке траектории можно не бояться резкой смены курса нашей ракеты, я летаю здесь не впервые... Не сердитесь, что я напомнила вам печальное прошлое. Лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— Нет, нет, Алена, я уже давно хотел вам все рассказать... В самом деле, я встретился с Амундсеном и со временем стал его соратником. Но об этом — в другой раз. Я начну с той поры, когда после Первой мировой войны к нам пришел Эллсворт, сын американского миллионера. Его привела к нам жажда приключений, которыми он хотел заглушить скуку своей бесцельной жизни. А так как нам нужны были деньги, — государство выделяло слишком мало, — мы и приняли его в свое общество.

Эллсворт предложил Амундсену отправиться к Северному полюсу на дирижабле. Я возражал, потому что не очень верил в преимущества этого наполненного водородом мешка; напоминал о том, что среди северных торосов нет посадочных площадок; ссылаясь на то, что для урагана дирижабль будет не более как мыльный пузырь; приводил ис-

торию несчастного полярного исследователя Андре, который в тысяча восемьсот девяносто седьмом году пропал без вести со своим воздушным шаром. Но мне возражали, что аппарат с моторами — другое дело; что он может двигаться в заданном направлении, да и объем нашего дирижабля в сто раз больше, чем у шара Андре.

Эллсворт заказал дирижабль итальянцу Нобиле — неплохому конструктору, но излишне гордому и честолюбивому человеку.

Вся Италия, а вместе с ней и Нобиле были тогда охвачены лихорадкой фашизма. Завороженные фашистскими идеями, итальянцы настаивали, чтобы построенный ими дирижабль нес на себе их символ. Однако после длительных, неприятных переговоров с Нобиле воздушный корабль был назван «Норвегия».

Наконец, дирижабль стартовал и двенадцатого мая тысяча девятьсот двадцать шестого года достиг полюса. Мы сделали над ним два круга, и экипаж сбросил вниз флаги трех народов: норвежский, итальянский и американский. Итальянские шовинисты отличились и в этот торжественный момент: они извлекли из своего багажа несколько разных флагов, среди которых один был такой огромный, что его не смогли даже как следует развернуть и еле просунули в окно.

После того, как мы вернулись из путешествия, те противоречия, которые возникли между Амундсеном и Нобиле в начале их знакомства, еще более обострились. Нобиле клеветал на Амундсена, где только мог. Все достижения он приписывал только себе.

Позже Нобиле решил организовать новую экспедицию, но уже без Амундсена. Он построил дирижабль «Италия» и двадцать третьего мая тысяча девятьсот двадцать восьмого года вылетел из Кингсбей к Северному полюсу. «Италия» и впрямь достигла цели, но по дороге назад с ней случилось несчастье. Дирижабль пропал без вести.

Сотни радиостанций и десятки тысяч радиолюбителей пытались поймать сигналы дирижабля. Наконец поступило первое сообщение. Молодой российский радиолюбитель

Шмидт в одном из глухих уголков СССР услышал сигналы: «Италия, Нобиле, Франц-Иосиф, SOS, SOS, SOS».

Советское правительство сразу же сообщило об этом правительству Италии и со своей стороны немедленно начало готовить спасательную экспедицию.

Известие о катастрофе взволновало Амундсена. Он ментально забыл про прежние споры и обиды и решил помочь Нобиле.

Амундсен обратился по телеграфу к Эллсворту с просьбой помочь ему, но американский миллионер на этот раз не изъявил желания открыть свой кошелек. Зато помогло французское правительство, которое дало Амундсену самолет «Латам». Мы начали поспешно готовиться к вылету.

Дважды откладывали старт из-за неблагоприятной погоды, а когда стало ясно, что на ее улучшение нечего надеяться, решили рискнуть. Мы по собственному опыту знали, как трудно без помощи среди вечного льда.

В неприятный холодный день, восемнадцатого июня тысяча девятьсот двадцать восьмого года, мы вылетели из Тромсё. На меня были возложены обязанности наблюдателя. Управлял самолетом Гильбо, чудесный пилот, «Латам» был неплохим самолетом, и мы быстро продвигались вперед. Побережье Норвегии скоро исчезло из виду. И все бы хорошо, но вскоре мы вошли в сплошную непроходимую полосу тумана, а радист Валетт доложил, что радиостанция не работает.

— Тогда — по компасу, все время на север! — приказал Амундсен. Он надеялся найти Нобиле где-нибудь за Шпицбергом.

Пилот Гильбо повел самолет все выше и выше. Вскоре мы поднялись над туманной завесой. Невысоко над горизонтом нам улыбнулось солнышко, разрисовывая туман радужными красками. Все вздохнули с облегчением — теперь лететь станет легче.

— Вы уже не сердитесь на Нобиле? — спросил я Амундсена.

Он удивленно взглянул на меня:

— Разве я на него когда-нибудь злился?.. И вообще речь идет не о Нобиле. Надо думать о жизни людей.

Радист Валетт не выдержал:

— И о наших тоже! Не знаю, как повел бы себя Нобиле, если бы мы оказались на их месте!

Я тоже задумывался над этим вопросом. Провокационные выходки Нобиле во время первой экспедиции чуть не стоили всем жизни. Так, несмотря на то, что начальником был опытный Амундсен, Нобиле вмешивался не в свое дело, постоянно лез к приборам управления дирижаблем, дважды чуть даже не скинул нас на лед. А после окончания экспедиции Нобиле вел себя просто возмутительно...

От воспоминаний меня оторвало сообщение Валетта. Радист наконец восстановил связь и получил сообщение, что лед у острова Медвежьего ненадежен.

Место нашего старта, Тромсё, находится на маленьком островке у северного побережья Норвегии, почти на семидесятой параллели, а остров Медвежий мы должны были пролететь примерно на полпути к Шпицбергену.

— Мне кажется, ветер относит нас на восток, — сказал Амундсен.

Я молча взял секстант и попытался измерить высоту солнца, чтобы определить наши координаты. В самолете во время болтанки, а тем более в Заполярье, где преломление лучей очень большое, такие измерения не дают нужной точности. Однако при всем этом я убедился, что мы должны пройти восточнее острова Медвежьего.

Выслушав мои соображения, Амундсен задумался.

— Прошу, свяжитесь со Шпицбергенком.

Но передатчик снова молчал.

— Это все из-за спешки! — негодовал радист Валетт. — У меня не было даже времени более-менее внимательно осмотреть радиостанцию. Хорошо, хоть можем принимать радиограммы, иначе мы были бы совсем отрезаны от мира.

Я нерешительно предложил вернуться, чтобы отремонтировать передатчик в Тромсё или установить новый, — на этом мы потеряли бы максимум день. Однако Валетт уверенно заявил, что сумеет найти и устранить неисправность

самостоятельно. Я до сих пор жалею, что не смог тогда уговорить своих друзей. Но теперь об этом уже поздно говорить.

Итак, мы летели дальше. Хотя передатчик все еще молчал, нам, казалось, начало везти. Перед Шпицбергенем туман рассеялся, и мы сумели сориентироваться. Но вскоре нас снова окружила почти кромешная мгла. Начался дождь, который постепенно перешел в метель.

Тронув Гильбо за плечо, Амундсен показал ему рукой, что следует набирать высоту.

Самолет поднимался с трудом. Ветер швырял его во все стороны, залеплял снегом. Гильбо обернулся к Амундсену и крикнул:

— Начинается обледенение!.. Элероны уже еле двигаются!

Я предложил вылезти на крыло и оббить лед. Амундсен об этом и слушать не хотел. Однако, когда пилот сказал, что самолет теряет управление, я не послушался запрета Амундсена и вылез на левое крыло.

Работать в ледяных струях воздуха было очень трудно. Неуклюжие рукавицы мешали, их пришлось сбросить. Нелзя было терять ни минуты.

Кое-как держась за тросы-растяжки, я продвигался между крыльями, сбивая лед с плоскостей палкой. С этим я справился довольно быстро, потом перебрался на правое крыло самолета, сбил лед и там.

Гильбо подал мне знак, что хочет проверить, работают ли элероны. Самолет начал ритмично качаться в воздухе; это означало, что мои усилия не пропали даром.

Я осторожно пополз обратно к кабине. Вдруг самолет резко качнуло, и я потерял равновесие. Окоченевшая рука, которой я держался за растяжку, предала меня. Отчаянно цепляясь за скользкую плоскость крыла, я искал какой-нибудь опоры, но не находил и съезжал к краю. Мгновение я висел в воздухе. А потом самолет исчез у меня из глаз. Я падал.

Через несколько секунд я влетел во что-то мягкое, словно в перину, и, видимо, на некоторое время потерял сознание. Меня спас толстый слой снега.

Когда я очнулся, то сразу же начал выкарабкиваться из сугроба. Много усилий потратил я на это, но все-таки выбрался.

Все вокруг тонуло в белом тумане, сквозь который не было видно ничего уже за несколько метров.

Куда идти?.. Что делать?.. Самолет обязательно вернется, но меня все равно не увидят, да и приземлиться они не смогут.

Не оставалось ничего другого, как отправиться в безнадежное путешествие по мертвой ледяной пустыне. Сидеть на одном месте означало замерзнуть.

Вдруг издалека донесся рокот самолета. Звук мотора то усиливался, то затихал.

Я пошел в направлении спасительного рокота. Путь мне преграждали тысячи препятствий, но жажда жизни гнала меня все вперед и вперед. Я обходил огромные торосы и прыгал через трещины во льду, пока не дошел до полосы чистого моря. Сгоряча я прыгнул в воду и поплыл. К счастью, вскоре передо мной из тумана вынырнули скалы.

Из воды я кое-как вылез, но идти дальше уже не было сил. А мокрая одежда на мне мгновенно превратилась в ледяной панцирь.

«Отдохнуть!.. Хоть минуту отдохнуть!» — умоляло все мое тело.

Недалеко от себя я заметил нечто похожее на небольшую пещерку, образованную нагромождением льда.

«Там можно укрыться от ветра и немного согреться...» — промелькнула в моей голове коварная мысль.

Я забрался в пещеру. Сел. Мне было так уютно.

«Ни в коем случае не спать!.. Спать нельзя!» — приказывал я сам себе и, чтобы не заснуть, считал вслух. Помню, я досчитал почти до тысячи. Потом меня начала одолевать сладкая усталость. Вой ветра постепенно превращался в райскую музыку, которая все больше напоминала мне рокот

мотора. Мне снилось, что я снова сижу рядом с Амундсеном.

Рокот «Латама» непрерывно раздавался у меня в ушах, а я спокойно засыпал. И все эти годы я действительно спал спокойно...

Северсон замолчал. Наступила тишина.

Неожиданно в кабине вспыхнула красная предупреждающая лампочка, глухо загудели ракетные двигатели. Космический корабль шел на посадку.

Северсон не замечал этого, погрузившись в воспоминания. На него обеспокоенно и встревоженно смотрели большие черные глаза девушки.

...Кто же были эти двое?.. Куда направлялись?.. Каким образом соратник Амундсена, проспав десятки лет во льдах Арктики, снова вернулся к жизни?

Чтобы ответить на все эти вопросы, нам придется вернуться на несколько месяцев назад и начать свой рассказ со знаменательного заседания, которое состоялось во Всемирной Академии наук.

Глава II

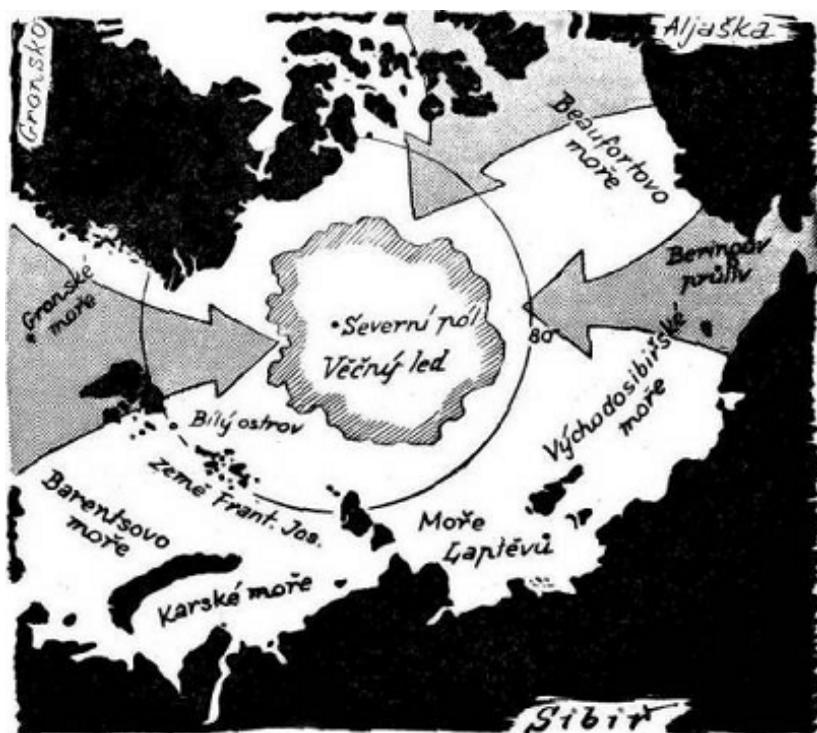
За жизнь неандертальца!

Свет, струившийся из невидимых источников и равномерно заливавший все огромное помещение, погас. Шум в зале смолк.

На большом проекционном экране появилась цветная карта, на ее фоне вырисовывался силуэт человека с указкой в руке.

— Меня пригласили сделать доклад о ходе работ в Арктике, — сказал докладчик и указал на экран. — Таково было состояние многолетних льдов в то время, когда Всемирная Академия наук приступила к осуществлению великого проекта отепления Арктики. Как вам известно, этот бесценный научный материал, без которого нельзя было бы

осуществить проект, самоотверженно собирали герои — красинцы, папанинцы, сотрудники нескольких исследовательских приполярных станций в пятидесятых годах двадцатого века и многие другие исследователи и ученые, вплоть до наших дней.

Работы начались в секторе между Гренландией и Норвегией. Острие нашего наступления было направлено через Шпицберген на Северный полюс. Нашей главной задачей было в первую очередь продолжить действие течения Гольфстрим, чтобы разбитый лед не замерзал за нами снова. Мы добились этого. Одновременно с помощью тепловой энергии ядерных излучателей мы начали два еще более мощных наступления на многолетний лед...

Докладчик нажал на одну из многочисленных кнопок пульта. На большой карте появились две красные стрелки. Первая легла своим основанием на острова Северной Америки и продвигалась к Северному полюсу, вторая начиналась в проливе Беринга и касалась острием восьмидесятой параллели.

— Ледники мы вытеснили за Полярный круг, местами до самого полюса, — продолжал докладчик. — Благодаря этому открылся свободный в течении всего года морской путь между Азией, Европой и Америкой. Неделю назад начал свои смелые опыты академик Галек, который надеется с помощью искусственных солнц нанести льду удар на самом полюсе.

Как мы установили, вытеснение льда за восьмидесятую параллель благотворно влияет на погоду и климат во всем северном полушарии Земли. Прогнозы некоторых ученых об изменении погоды не на пользу человечеству не оправдались.

В зале раздались аплодисменты.

— О влиянии потепления Арктики на земледелие и о дальнейшем продвижении флоры к полюсу доложат другие, а я познакомлю вас с результатом работы исследовательских отрядов. На первое место следует поставить открытия, которые значительно обогатили нашу биологию. С помощью ультразвука и нескольких других видов излучений исследователи нашли целый ряд организмов, сохранившихся во льду с первобытных времен. Про оживление этих созданий будет говорить академик Тарабкин. А мы сейчас увидим интересные находки с помощью прямой телевизионной передачи...

Докладчик нажал на какую-то из кнопок, и на экране возникла четкая цветная картина.

На берегу бурного моря стоял большой вертолет, а возле него — группа людей, которые вели оживленную беседу. На горизонте, насколько хватал глаз, белел лед.

Через мгновение картинка сменилась: теперь на экране была кабина вертолета. У пульта с многочисленными экра-

нами сидел пожилой мужчина со сосредоточенным приятным лицом.

— Это — исследовательский отряд «Шпицберген — Земля Франца-Иосифа», — улыбнулся он залу. — Работаем сейчас на острове Белом. Что вас интересует, Михаил Владимирович?

— Продемонстрируйте, товарищ Бергер, ваши находки.

— Хорошо... — мужчина вернулся к пультам. — Я включу локаторы, чтобы вы могли заглянуть в недра земли.

На экране проступили расплывчатые грязные полосы, которые быстро приобретали четкость и выразительность.

— Глубина — шесть метров... — раздавался голос Бергера. — Здесь, под поверхностным грунтом, начинается толстый слой льда... Наш вертолет с аппаратурой продвигается к центру острова... Внимание!

Перед зрителями появился нечеткий образ составленных в круг камней, рядом с ним — много костей. Чуть дальше «глаза» аппарата обнаружили большую медвежью голову. Еще дальше — натянутую на палки шкуру.

Картина на экране быстро поплыла в сторону.

— Стой, стой, Бергер! — неожиданно раздался в зале взволнованный голос. — Возвращайся назад!.. Кажется, я заметил силуэт мертвого человека!

По залу прокатился взволнованный шум. Тысячи глаз с напряжением следили за картиной, которая медленно проплывала по экрану.

— Здесь!.. Уменьши длину волны и наведи точнее фокус!

Из сумрака проступил смутный силуэт человека, лежавшего на боку, подогнув ноги и подложив руку под голову. Детали трудно было различить, мешал толстый слой льда и грунта над трупом. Чтобы разглядеть все подробнее, несколько человек поспешили к экрану.

— Прошу информационный центр немедленно сфотографировать труп! — воскликнул кто-то из них.

— Бергер, используйте рентгеновские волны! — попросил другой.

А когда на экране появился рентгеновский снимок трупа, первый ученый сказал торжественно:

— Судя по форме черепа и по общему строению скелета — это очень древний человек, можно сказать, первобытный. Более точные данные получим тогда, когда...

Он не закончил. Его перебил звонкий голос девушки из середины зала:

— Товарищи, предлагаю Бергеру точно отметить место находки и немедленно выключить аппарат.

По залу прокатился недовольный ропот.

— Я объясню почему, — продолжала девушка. — Эта находка имеет чрезвычайную ценность для человечества, а облучение может разрушить чувствительные ткани тела, — прежде всего мозг. Мы, коллектив академика Тарабкина, попробуем оживить этот труп.

На экране появилось лицо Бергера:

— Я полностью согласен с девушкой, которая нас только что предостерегла. Не сердитесь, но из-за опасности сильного облучения выключаю аппарат без голосования...

Экран погас. Был объявлен перерыв, чтобы присутствующие могли спокойно обдумать увиденное.

Информационный центр, как всегда, справился со своей задачей блестяще. Уже через несколько минут первый ученый вернулся в зал с только что сделанными снимками в руках. Вид у него был победный.

— Мое предположение подтвердилось полностью! Вот — рентгеновский снимок «ледяного человека», а вот — снимок реконструированного скелета первобытного человека, неандертальца. Как видите, у обоих примитивное строение черепа с низким, покатым лбом, большие надбровные дуги, массивная нижняя челюсть с неразвитым подбородком. То же самое наблюдаем и при сравнении других частей обоих скелетов.

Итак, перед нами — неандерталец, живший около семидесяти тысяч лет назад... Составленные в круг камни, которое мы видели на экране, служили, вероятно, очагом, а натянутая на палки шкура, наверное, была временным жилищем... Вы представляете, какую победу одержит нау-

ка, если академик Тарабкин вернет к жизни этого неандертальца? Я верю, что ему это удастся сделать, как удалось оживить детеныша мамонта и нескольких других животных, найденных во льдах Арктики... Предлагаю ожившего неандертальца сначала оставить среди вольной природы, чтобы мы могли понаблюдать его жизнь и привычки. Ценным опытом будет и попытка его воспитать...

* * *

В огромной лаборатории тихо, только изредка слышны шаги академика Тарабкина. Он подходит к широким прозрачным резервуарам, поглядывает на аппараты, вмонтированные в боковые стенки. И снова возвращается к столу.

Осторожно перелистывая жесткие листы толстого журнала наблюдений, академик пробегает глазами столбцы таблиц.

Цифры, цифры, значки и цифры — и ничего больше. Если бы кто-то из нас, обычных смертных, заглянул в эту рукописную книгу, он разочарованно закрыл бы ее уже на второй странице. Однако академика Тарабкина сухие цифры волнуют больше, чем приключенческий роман. Для него каждый значок — это с трудом добытый научный факт, маленькое звено в цепи бесчисленных опытов. Так, например, в одной-единственной колонке содержится телеграфно краткая запись судьбы подопытного животного:

«Номер опыта ИАТ-148. Давление перед опытом — 135, после изъятия крови — 60, после возврата 50% взятой крови — 135, после полной трансфузии — 145, через один час после трансфузии — 140».

Короче говоря, у собаки наступила клиническая смерть вследствие потери всей крови, а затем животное снова ожило.

Тарабкин перелистывает страницы дальше. Номера опытов переваливают за тысячу. На этих страницах каждый

столбик свидетельствует о неудаче, об окончательной, биологической смерти животного. Замороженный организм не удавалось вернуть к жизни.

Опыт № АЗО-1312 — биологическая смерть.

Опыт № АЗО-1463 — биологическая смерть.

Опыт № АЗО-1529 — пес погиб только через четыре часа после оживления.

На записи опыта № АЗО-1695 академик задерживается чуть дольше. Лохматого татранского пса, которого называли Ледовичком, трижды замораживали при семидесятиградусном морозе и трижды возвращали к жизни. Как он чувствует себя сейчас?

Тарабкин встал, чтобы пройти в виварий, но на пульте замигал красный огонек, и из громкоговорителя видеофона раздался голос дежурного центральной станции связи:

— Приглашаем к аппарату академика Тарабкина!.. Вас вызывает Арктика.

На экране видеофона сразу же появилось загорелое лицо Бергера:

— Не побеспокоил, Александр Иванович?

— Нет. Сейчас еще нет, — улыбнулся в ответ Тарабкин.

— Мне предписан обязательный получасовой отдых, так что сейчас я бездельничаю.

— Как наш неандерталец?.. Есть ли надежда вернуть его к жизни?

— Надеюсь, что да. Нам очень помог профессор Мусил своим новым методом регенерации организма. Все поврежденные ткани трупа обновлены, клетки пробуждаются к жизни. В сером веществе коры головного мозга неандертальца уже не заметно ни малейших признаков кислородного голодания. Физиологический раствор свободно циркулирует по важнейшим артериям и проникает в мельчайшие сосуды. Мои коллеги, как раз сейчас, готовятся к последней, решающей операции.

— Поздравляю вас, Александр Иванович! Очень рад и жму вашу руку. А еще я хочу вам сообщить — поэтому и вызываю ночью — что на небольшом островке, в трехстах сорока двух километрах от Шпицбергена, во льду нашли

еще одного замерзшего. Если судить по одежде, он жил в начале двадцатого века и был летчиком.

Тарабкин вздрогнул и замахал руками:

— Оставьте его там, где нашли. И, конечно, прекратите работы на том участке. Не знаю, насколько успешной будет сегодняшняя операция. Не забывайте, что это — первая попытка оживления замерзшего человека.

В лабораторию вошла девушка в белом халате:

— Александр Иванович, все готово.

Академик попрощался с Бергером и, надев халат, направился в соседнее помещение.

Посреди большого, залитого голубым светом зала стояла закрытая со всех сторон стеклянная призма, в которой, казалось, спал густо заросший волосами первобытный человек. Научные работники, ученики академика Тарабкина, сосредоточенно следили за мерцающими лучами на экранах многочисленных аппаратов и измерительных приборов, закрепленных на призме.

— Аппаратура проверена? — спросил академик.

— Да.

— В порядке ли трубки, по которым будет подаваться кровь?

— Да.

Острый взгляд академика задержался на цилиндрическом стеклянном резервуаре с кровью, в которой монотонно булькал кислород.

— Проверьте еще раз... Бастиен, начальное давление в резервуаре — тридцать миллиметров, скорость трансфузии — пятнадцать в минуту. Постепенно ускорять... Наташа, в трубках, проводящих кровь к мозгу, давление не больше ста восьмидесяти. Не спите!.. Ну — начинаем!

Члены коллектива молча кивнули головами в знак согласия.

— Бастиен, включите насосы!.. Давление воздуха?

— Пятнадцать миллиметров.

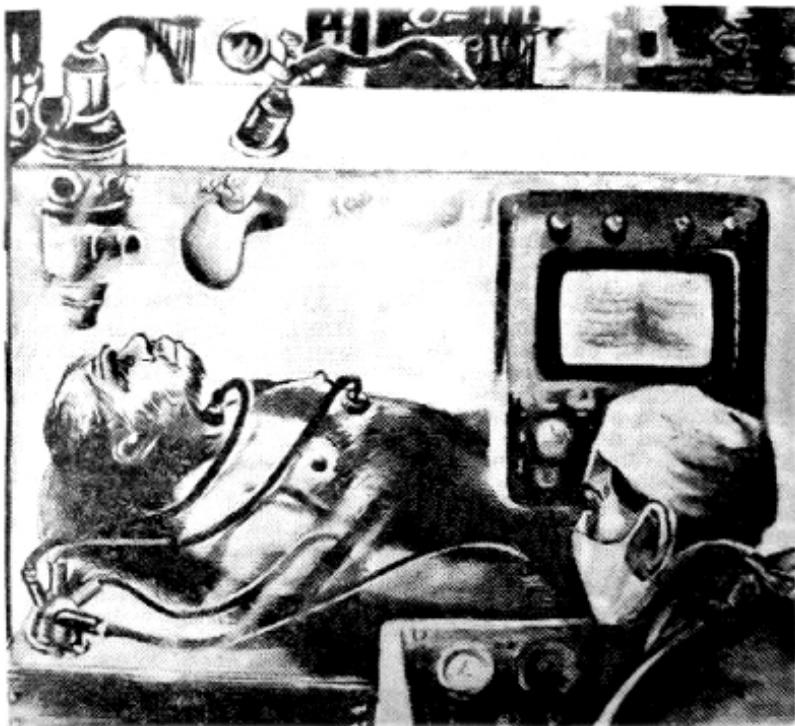
— Давление крови?

— Тридцать пять... сорок... сорок пять...

— Правая камера?

— Нормальная нагрузка.

— Наташа, снизьте давление до тридцати пяти... — почти шепотом сказал Тарабкин, взглянув на манометр. — Введите кальций!

Глаза всех были прикованы к экранам контрольных аппаратов. И только академик пристально смотрел на тело первобытного человека, что все еще лежало неподвижно.

Вот едва заметно шелхнулась грудная клетка.

— Искусственное дыхание!.. Механическое сердце пока не останавливайте... Наташа, как мозг?

Девушка припала глазами к окулярам рентгеновского микроскопа:

— Все в порядке. Признаков гипоксии нет.

Грудная клетка неандертальца поднялась, упала и снова поднялась.

— Йонес, увеличьте давление до двухсот двадцати... А вы — до ста восьмидесяти, — обратился академик к Наташе.

Дыхание прачеловека ускорилося.

— Пятнадцать вдохов в минуту! — доложил Бастиен.

— Венозное давление? — спросил академик.

— Сто десять... Думаю, что мы победили.

— Подождите... — Тарабкин внимательно смотрел на лицо неандертальца. — Как мозг?

Наташа склонилась к микроскопу. Судорожно сжала рычажок настройки. Вздрогнула.

— Что? — спросил с опаской Тарабкин.

Она подняла бледное лицо и закрыла его ладонями.

— Взгляните сами, Александр Иванович... Возможно, я плохо вижу...

— В чем дело? — Тарабкин подбежал к микроскопу. — Давление подачи крови в мозг?

— Сто восемьдесят.

— Венозное давление?

— Нормальное.

— Почему же тогда мозг залит кровью?! — Академик еще раз заглянул в окуляр, метнулся к контрольным аппаратам. — Почему мозг залит кровью?!

В напряженной тишине лишь гудели насосы, нагнетавшие кровь и воздух в тело прачеловека. Академик склонил голову:

— Бесполезно... Мозг разрушен полностью... Бастиен, остановите искусственное сердце...

— Не выключайте, не выключайте! — вдруг воскликнула Наташа. — Мы уже добились таких успехов, что и кровь из мозга удалим!

— Не надейтесь на невозможное. Мозг — очень сложный орган, его нельзя создать искусственно. Наступил действительно конец, мы должны с этим примириться... И все же я никак не могу понять, как все это могло случиться?! — академик положил руку на плечо Наташи. — Не

плачь, Наташа, ты ни в чем не виновата... Слезами тут не поможешь. Сегодня нам придется отступить перед биологической смертью. Но мы не сдадимся. Снова проверим все, чтобы найти допущенные ошибки... Ведь мы сумели оживить животных, которые были на века законсервированы во льду?.. Оживим и человека. Должны оживить, ведь в Арктике ждет еще один несчастный. Теперь только от нас зависит, как долго он будет ждать...

Глава III

Пузырек воздуха

На следующий день в институте академика Тарабкина срочно собрались выдающиеся врачи и физиологи мира. По приглашению прославленного ученого они прибыли в Москву, чтобы проанализировать весь ход операции и найти причину ее неудачи.

— Дорогие друзья, уважаемые гости, — обратился к ним академик Тарабкин, открывая это чрезвычайное совещание. — Вы уже знаете, почему я вас побеспокоил. Дело очень и очень важное. Надо установить, мы ли допустили ошибку, или, может, в этом случае на нашем пути встала неизвестная науке преграда, — короче говоря, надо решить, способны ли мы преодолеть смерть, длившуюся семьдесят тысяч лет... Предварительный контроль хода операции мы уже провели. Вся аппаратура работает нормально... А впрочем, можете убедиться сами. Вот — контрольная пленка и записи...

Рулоны пластмассовых и бумажных лент с многочисленными значками и причудливыми линиями переходили из рук в руки. Внимательно рассматривая и сравнивая их с протокольными записями операции, ученые не торопились с выводами. Наконец норвежский врач Галльстрем задумчиво сказал:

— Все указывает на то, что причину неудачи следует искать вовсе не в избыточном давлении крови, подававшейся в мозг... однако снимки безоговорочно доказывают, что кровоизлияние произошло именно из-за этого... Ничего не понимаю!

Американский профессор Дамбури поднял руку:

— Разрешите, Александр Иванович! На мой взгляд, может быть несколько причин неудачи. Первая и наиболее вероятная: метод, который оказался пригодным для оживления животных, не пригоден для человека. Вторая: возможно, кора мозга и центральные нервы были повреждены во время замораживания. И, наконец, третья: кровь современного человека не годится для неандертальца, который, по сути, стоял на переходной стадии между человеком и животным...

— Я бы хотела возразить академику Дамбури, — отозвалась Наташа Орлова. — Разрешите, Александр Иванович?

— Прощу! — кивнул головой Тарабкин.

— Думаю, что об ошибочности методики не может быть и речи. Оживляя неандертальца, мы на основании многочисленных опытов изменили весь ход операции, приняв во внимание степень развития первобытного человека. Мозг

перед переливанием крови нисколько не был поврежден замораживанием, это проверено. И, наконец, при трансфузии мы не использовали кровь современного человека такой, какая она есть, а изменили ее согласно общему биологическому состоянию неандертальца. Итак, все три предположения академика Дамбури отпадают. Я лично искала бы причину в другом. Еще на заседании Всемирной Академии наук я говорила об опасности разрушения нежных тканей замерзшего мозга ультразвуком и радиоволнами...

— Нет, нет, не в этом дело! — покачал головой Тарабкин. — До переливания крови физиологический раствор протекал по всем сосудам без преград и легко проникал во все капилляры мозга. Я лично не верю в разрушительное действие исследовательских лучей на замерзшие ткани...

Было высказано еще несколько предположений о причинах неудачи и так же детально они были обсуждены. Все свидетельствовало о том, что коллектив тарабкинцев предусмотрительно учел все возможные обстоятельства, принял все нужные меры.

Вскрытие трупа подтвердило предположение Тарабкина о том, что мозг неандертальца действительно был оживлен и перед операцией не имел ни малейших следов разрушения структуры.

Станным и необъяснимым было то, что кровоизлияние произошло в результате разрыва капиллярных сосудов, хотя в них не наблюдалось ни малейших признаков склероза.

— Значит, во всем виновата я! — Наташа Орлова схватилась за голову. — Это же я следила за манометром подачи крови в мозг!

Но не успела она это произнести, как от дверей вдруг раздался грустный голос дежурного хирурга:

— Нет, Наташа, ты ни в чем не виновата... Товарищи, я принес вам еще одну неприятную новость: минуту назад, во время последней операции, при переливании крови погибла подопытная собака номер семнадцать-тридцать... Опять же кровоизлияние в мозг...

Тарабкин быстро сбросил резиновые перчатки и убежал из операционной. За ним — Наташа, Бастиен, остальные члены коллектива и гости.

Животное неподвижно лежало в термостате. Его смерть была горьким упреком ученым, навевала тревожные мысли и сомнения. Где, когда, каким именно образом в слаженный ход операции вкралась роковая ошибка? Что это — снова досадный случай или еще не раскрытая закономерность?

— После стольких удачных опытов — уничтожен мозг... — огорченно сказал академик Тарабкин после длительного молчания. — И — у животного... Товарищ Дамбури, вы теперь убедились, что все ваши предположения отпадают?.. Посмотрите на этот мозг сами. Те же признаки, что и у неандертальца. А этот пес был заморожен ненадолго, и мы использовали те же методы, что и раньше; даже те же самые аппараты... В чем же тогда кроется ошибка?

Китайский академик Сун Чин-и подошел ближе к термостату:

— Говорите, использовалась та же аппаратура?.. Так давайте же внимательно ее проверим.

Тарабкин согласился.

Сначала опробовали каждый из аппаратов в действии. Все они работали безупречно. Затем все приборы разобрали до последнего винтика, тщательно осмотрели каждую составную часть. Все было в порядке.

— Что ж, остается только проверить вакуум... — предложил академик Дамбури.

Тут и прозвучало впервые сокрушительное, потрясающее сообщение: в вакууме манометра оказался воздух!

— Так вот в чем дело! — воскликнул Тарабкин. — Манометр врал! Он показывал значительно меньшее давление крови в мозгу, чем было на самом деле... Во время нормального переливания крови это не сыграло бы особой роли, а для обессиленного организма повышение кровяного давления стало катастрофическим... — академик задержался взглядом на лице Наташи Орловой. — Но как мог попасть воздух в манометр?!

Наташа молча закрыла лицо руками. Она даже не касалась чувствительного точного прибора, который четкостью и безукоризненностью своей работы определяет успех или неудачу операции. Никто не мог бы упрекнуть ее в невнимательности или злом умысле. Но факт оставался фактом: сам собой воздух просочиться в манометр не мог.

Дамбури взял в руки небольшую закрученную трубочку, еще раз пристально осмотрел ее.

— Друзья, — сказал он после минуты гнетущего молчания. — Прежде всего следует установить, кто разбирал манометр, а потом я выскажу свое последнее и, возможно, единственно верное предположение о причине неудачи... Когда была последняя, закончившаяся удачно, трансфузия?

— Две недели назад.

— Итак, после этого кто-то покопался в манометре.

Академик Тарабкин внимательным, мрачным взглядом обвел членов своего коллектива. Его глаза встречались с честными, правдивыми глазами соратников. Он был уверен в них: эти люди ради успеха общего дела отдавали все, никто из них не скрыл бы собственной вины.

Тарабкин пожал плечами:

— Что ж — тогда остается предположить, что манометр из каких то своих соображений разбирал Йонес... кстати, я забыл вам сказать, друзья, что он сегодня на рассвете вылетел домой, в Америку. У него тяжело заболела мать.

Академик Дамбури насмешливо поднял левую бровь и покачал головой:

— Кажется, пришло время высказать мое последнее предположение, друзья!.. Итак, я подозреваю, что кто-то специально добавил в вакуум прибора пузырек воздуха!

Тарабкин замахал руками, словно отгоняя злого призрака:

— Вы шутите, дружище?! Кто, скажите мне, кто мог бы быть в этом заинтересован?! Ведь это — страшное преступление!.. Кто из нас хотел бы уничтожить то, что так самоотверженно создавал в течение долгих лет?!

— И все же я думаю, что воздух было впущен в вакуум нарочно! — упрямо повторил Дамбури. — Предлагаю спросить Йонеса по радио, разобрал ли он манометр?

— Я против! — сухо возразил Тарабкин. — У Йонеса больная мать, ему сейчас не до этого. Он ответит на вопрос, когда вернется. А про злой умысел с его стороны не может быть и речи. Я знаю его уже шесть лет, и знаю хорошо. С каким увлечением он работал над проблемой продления жизни человека! С каким усердием и настойчивостью проводил самые сложные, самые ответственные опыты... Нет, друзья, Йонес на это не способен... да и вообще кто бы мог сделать это сейчас, когда на Земле уже не существует капитализма, когда нет ненависти между народами и людьми?

— Видите ли, Александр Иванович, у нас, в Америке, считают, что еще не настало время абсолютной безопасности, что необходима бдительность... Или вы думаете, что бывшие эксплуататоры уже вымерли или переродились? А может, у кого-то из них еще осталась в сердце зверская ненависть к человечеству и безумная жажда снова захватить власть?

Все поглядели на академика Дамбури удивленно и недоверчиво, однако никто не возразил. А он улыбнулся невесело:

— Ну, подождем, что скажет Йонес.

Разговор постепенно перешел на другие темы, потом гости разошлись.

Тарабкин долго стоял молча, погружившись в глубокую задумчивость. Слова академика Дамбури вызывали в нем чувство протеста: не хотелось даже предполагать, что в новом мире — мире без угнетения и эксплуатации человека человеком — может найтись тот, кто безжалостно разрушит плод ярких мечтаний и дерзаний, выступит не только против человечества, а даже против самого себя. Весь коллектив института объединен светлой целью — продлить жизнь человека, преодолеть преждевременную смерть. Неужели... Нет, этого не может быть!

Надеясь немного отвлечься, академик отправился на свою любимую прогулку по залам института.

В анатомической лаборатории академик остановился возле ассистентов, которые готовили тело неандертальца к бальзамированию. При взгляде на неподвижную волосатую фигуру ему стало жутко. Один-единственный пузырек воздуха помешал осуществить дерзкий, неопределимый эксперимент, полностью развеял мечту встать лицом к лицу со своим далеким предком, первобытным человеком...

— Ну, что же... — сказал академик скорее самому себе, чем ассистентам. — Начнем все снова.

Академик подошел к видеофону и набрал номер. На экране появилось лицо белокурой девушки — дежурной на центральной станции связи.

— Оля, пожалуйста, вызовите Арктику и попросите Бергера от моего имени приготовить льдину с телом летчика. Мы прилетим ее забрать.

— Хорошо, Александр Иванович... Подождите минуточку, только что звонил из аэропорта академик Дамбури и просил передать вам его извинения за то, что он вопреки вашему желанию вызвал Йонеса... Представьте себе, Александр Иванович: Йонеса не существует...

— Не существует?! — удивился академик. — Как это?.. Что же с ним случилось?

— В городе, куда он вылетел, никто его не знает, никакой матери у него там нет. Он там не родился и не жил никогда. Йонес — вымышленное имя...

Глава IV

Говорит Проксима Центавра

Уже несколько лет академик Чан-су живет на Луне. По поручению Всемирной Академии наук он руководит большой астрономической обсерваторией на Северном полюсе

нашего спутника. Работа такая интересная, и каждый день открывает так много неизвестного, неисследованного, нового! Сотрудникам приходится постоянно напоминать неумному академику, что отдыхать следует по земному, а не по лунному календарю, где одни сутки длятся почти месяц.

Сегодня у Чан-су выходной день, — конечно, по земному календарю, — и он дома.

Сквозь большое окно на него смотрит черное небо, на краю которого сияет Солнце, затянутое вуалью полыхающей пламенем короны. Скалы, равнины и кратеры Луны ярко освещены, а на небе — миллионы звезд. Здесь они не мигают, а сияют спокойно и ярко, словно нарисованные на черном небосклоне. Низко над горизонтом неподвижно висит большой шар. Это — Земля.

Земля... Именно к ней сейчас и прикован взгляд академика Чан-су.

На полушарии, погруженном во тьму земной ночи, видно сияние тысяч огней. Это — свидетельство силы и величия человека. Континенты, моря и облака на освещенной части планеты — как красочная палитра художника. Воздушная оболочка размывает контуры большого глобуса, но все же видно, как на темно-голубой поверхности Атлантического океана ослепительно играет отражение Солнца. Почти вся Европа затянута облаками.

Чан-су оторвал взгляд от Земли, посмотрел на часы. На его родине, в Китае, сейчас полдень. Пекинская телевизионная станция как раз начинает свою передачу. Надо включить телевизор.

Прежде всего — репортаж из Сахары. Несколько часов назад была закончена постройка тридцатой атомной электростанции для огромного насосного комплекса. Две трети бывшей пустыни уже стали плодородными... Потом аппарат переносит зрителей на Крайний Север, в район работ экспедиции по отоплению Арктики... А вслед за тем на экране появляется изображение большого зала.

Телевизионная камера быстро приближается к прозрачной стеклянной призме, внутри которой спит статный муж-

чина. Его грудь медленно приподнимается и опускаются. Рот приоткрыт.

— Найденный во льдах Арктики летчик, соратник Амундсена — жив! — торжественно звучит голос диктора. — Наука празднует еще одну победу над смертью... Слава академику Тарабкину и всем сотрудникам его института!

Чан-су придвигается ближе к телевизору. А на экране появляется лицо академика Тарабкина.

— Да, нам удалось вернуть к жизни летчика Северсона... — спокойно и сосредоточенно говорит академик. — Сейчас мы держим его в состоянии искусственного сна; впереди у нас еще много хлопот и тревог, но в самом главном мы уже победили...

От радостного волнения на глаза Чан-су навернулись слезы. Он выключил телевизор, лег на диван. Мыслями полетел через космическое пространство к академику Тарабкину, в Москву, что вот сейчас горит ясной звездой на неосвещенном полушарии большого глобуса.

Вдруг внимание академика привлекли неяркие вспышки в небе недалеко от диска Земли. Несколькими секундами позже вспышки повторились уже значительно ближе. А потом, подняв густое облако пыли, на равнину перед обсерваторией прилунился неуклюжий на вид ракетоплан. Он подъехал на гусеничном шасси к ангару и исчез в воротах шлюзовой камеры. А скоро в дверь комнаты Чан-су постучали.

— Прошу! — сказал академик, поднимаясь с дивана. — А, это вы, Цаген!.. Очень рад вас видеть!.. Что-то случилось?.. Вы так неожиданно...

Руководитель астрономической обсерватории на противоположном полюсе Луны академик Цаген, — еще нестарый, стройный мужчина, — молча пожал руку Чан-су, вытащил из кармана рулон киноплёнки и развернул его на столе.

— Что вы на это скажете? — провел он пальцем по причудливой зигзагообразной линии на целлулоидной ленте. — Это — запись радиоволн из космоса.

— А что тут особенного?.. Возможно, обнаружили еще одну радиозвезду?

— А посмотрите-ка внимательнее!.. — Цаген, едва сдерживая победный смех, сложил руки на груди. — Взгляните!

— Но я не вижу здесь ничего общего с радиоастрономией! — пожал плечами Чан-су. — Может, вы перехватили какие-то радиосигналы с Земли?

— Нет, мой друг, эти сигналы пойманы при изучении созвездия Центавра.

— Тогда это значит... — Чан-су еще раз пробежал взглядом по целлулоидной ленте. — Вы точно зафиксировали источник радиоволн?

— Конечно! — улыбнулся Цаген. — Могу сообщить вам кое-то еще более интересное: на протяжении того времени, что я изучаю эти сигналы, их источник заметно переместился по круговой орбите вокруг Проксимы Центавра. Следовательно... следовательно, можно сделать вывод, что речь идет о планете.

— Какова длина волны?

— Четыреста сантиметров.

Чан-су потер рукой лоб:

— Почему вы молчали об этом до сих пор? Ведь это — удивительное открытие! Оно дает основание надеяться, что вы перехватили сигналы мыслящих существ!

Цаген пригладил пальцами свои кудрявые пепельные волосы:

— Осторожность — мать мудрости! Я сказал себе: прежде чем ты, Роберт, сунешься со своим открытием в мир, хотя бы пойми, в чем суть дела... — он оперся тремя пальцами на кинолентку. — Как видите, передача систематически прерывается. Длительность сигналов и интервалы неодинаковые. Сначала я пытался найти в этом какую-то закономерность, но таковой не существует... Потом я попытался преобразовать сигналы в своеобразную телеграфную азбуку. Вот она... — Цаген положил на стол толстый блокнот, густо исписанный черточками и точками. — Это

ужасно сложная азбука, для расшифровки которой моего таланта астронома не хватает. Завтра хочу полететь на Землю и предложить, чтобы мое открытие обсудили во Всемирной Академии.

— Предлагаю другое... — Чан-су выпрямился и положил руку на плечо Цагена. — Я за то, чтобы вы послали во Всемирную Академию подробное сообщение... а меня пригласили в вашу обсерваторию. Один ум хорошо, а два — лучше. Пока Академия будет разбираться в этом деле, я хотел бы помочь вам в изучении сигналов.

Цаген охотно согласился. Чан-су быстро приготовился к путешествию.

Ракетоплан помчался к южному полюсу Луны.

Глава V

Пробуждение

Человек, лежащий на странной кровати в одной из комнат института академика Тарабкина, еще не осознает себя человеком. В его заторможенном мозге медленно проползают расплывчатые хаотичные образы: сознание то вспыхивает на мгновение, то угасает. А вместе с ним жизнь будто то покидает тело, то возвращается к нему, разливая по сосудам особое тепло, так знакомое каждому, кто испытал кальциевые вливания. Сопратник отважного Амундсена, капитан Северсон, постепенно просыпается от многолетнего ледяного сна.

Временами Северсону слышатся какие-то голоса. Он пробует открыть глаза, но тщетно, пытается понять смысл слов, но постель под ним начинает раскачиваться, и человек снова погружается в призрачный сон.

Пробуждение приносит немного: веки как будто налиты свинцом, губы словно чужие. Ухо ловит звуки разговора, который не доходит до сознания. А мозг сообщает о себе первой более-менее четкой мыслью: «Спасен!.. Кто же

меня нашел?.. Амундсен?.. Новая спасательная экспедиция?»

Восстанавливается обоняние. Нос чувствует какой-то приятный запах, но какой именно — невозможно понять.

Отныне сон и бодрствование сменяются все чаще. И с каждым разом мысли человека становятся все выразительнее и четче.

«Это, выходит, мне еще повезло... А как ноги? Не отморозил?»

Нет, он свободно шевелит пальцами ног. По-детски радуется этому.

Совсем чуть-чуть, с большим усилием, передвинулась рука, нащупала мягкую ткань.

«Где же это я оказался?.. Конечно, не в ледяной пещере, откуда бы там взялась эта ткань... А может, все это мне только снится?»

Нет, это не сон! Пальцы ног двигаются, руки касаются мягкого одеяла. Человек успокаивается и тут же засыпает. А проснувшись, продолжает исследование.

Нет, с телом, кажется, все в порядке: можно совершенно свободно двигать руками и ногами. Вот только глаза никак не удается открыть, потому что веки словно склеены.

Следующее пробуждение принесло Северсону радостный сюрприз: его веки медленно приподнялись, глаза широко раскрылись. Окружающая его полная темнота начала рассеиваться, из сумерек выступило несколько предметов, и прежде всего — кровать.

«А где окно?.. Закрыто шторой или, возможно, сейчас ночь?»

Ответ найти трудно. Если ночь — то, видимо, он лежит очень долго: ведь он замерз днем, а за Полярным кругом день очень длинный — почти полгода.

«А может, я на корабле?»

Северсон напряг сознание. Абсолютная тишина и спокойствие, ни намек на движение. Следовательно, он не на корабле.

«А это случайно не больница?.. Какая?.. В Кингсбей было бы значительно холоднее, даже если бы топили... Но, может, это — Тромсё?.. Или Осло?»

Мозг сообщает, что устал, и переключает организм на сон.

Проснувшись, Северсон уже узнает предметы в помещении. Это не больница, потому что мебель слишком роскошная. Кровать — чудная: она может покачиваться, как детская колыбель.

Северсон схватился за перила и после нескольких неудачных попыток приподнялся. Оглянулся вокруг.

Возле кровати на расстоянии вытянутой руки стоит небольшой ящичек. Северсон ощупал его. Радиоприемник!.. Как же внимательны те, кто его приютил!

«Может, включить?» Северсон осторожно касается гра-
нених ручек на боковой поверхности ящичка. Он колеблет-
ся, боясь побеспокоить кого-нибудь, но соблазн побеждает.

Тихонько щелкнул выключатель. Прошло несколько секунд, и — еще один приятный сюрприз: на противоположной стене медленно вырисовывалась световая картина.

«Ага, это не радио, а фильмоскоп!» — говорит сам себе Северсон, с интересом поглядывая на широкую цветущую равнину. Над темной зеленью леса виднеется египетский сфинкс, а за ним — пирамида.

Северсон заморгал глазами и ущипнул себя за руку: картина — подвижная! На переднем плане колышется под ветром пшеница, вдалеке между кустами передвигаются люди.

Значит, это не фильмоскоп, а кинопроектор. Пожалуй, сейчас демонстрируется какой-то фантастический фильм, иначе откуда взяты цветы перед мертвыми глазами сфинкса, что испокон веков стоит среди голой мертвой пустыни?

Картина на стене медленно меняется. Появляется канал, который тянется в необозримую даль, а на нем — корабль. И снова сфинксы и пирамиды среди зелени.

«Однако эти киношники — незаурядные мастера! Все кажется абсолютно правдоподобным, а на самом деле — трюк!»

Теперь на стенке появляется детальный кадр: несколько загорелых людей в белых шляпах машут кому-то руками. На приветствие отвечает водитель удивительной гигантской машины, имеющей длинную, как у бронтозавра, шею и глотающей песок...

Картина расплывается, и на стенке появляется фигура красивой девушки. Кажется, она смотрит прямо на Северсона. Открывает рот, будто что-то говорит, но ее не слышно.

«Хорошая вещь, это домашнее кино! — думает Северсон. — Фильм мастерски раскрашен. Но почему режиссер выбрал такую несбыточную тему? Наверно, он никогда не видел пустыни... Озеленить ее — все равно что вырастить цветы на Северном полюсе...»

Северсон рассуждает и размышляет, пока, наконец, снова не засыпает. Ему снится, что он дома и заботливая мать укладывает его в кровать, нежно шепчет: «Спокойной ночи!»

Северсон с усилием открывает глаза. В помещении темно, тихо. Видимо, ему все это только приснилось.

В соседней комнате кто-то громко разговаривает. К двери приближаются шаги.

«Наконец узнаю, где я...» — думает Северсон и закрывает глаза, притворяясь спящим.

К кровати подходят несколько человек, — видимо, врачи. Один из них берет Северсона за руку, считает пульс у него на запястье.

— Северсон, вы спите?.. — раздается тихий вопрос на чистом норвежском языке.

«Итак, слово “Северсон” должно быть моим именем? — думает Северсон, медленно открывая глаза. — Конечно, они не знают, кто я. Наверно, меня нашла чужая спасательная экспедиция».

Он молча смотрит на посетителей. Все в белых халатах, на нижней части лица — маски. Да, это врачи.

Северсон схватился за перила кровати, приподнялся. Хотел поздороваться, но язык не повиновался ему.

— Не напрягайтесь, Северсон! Лежите спокойно, вам еще нужно немного окрепнуть, — улыбается белокурая девушка, голос которой ему уже знаком.

— Г-где... где я? — шепчет пациент, напрягая все силы.

— У добрых людей, друг. Но сейчас не ломайте себе голову, мы все объясним вам позже. Этот сон среди льда не прошел для вас бесследно, однако теперь уже все в порядке. И речь у вас восстановится.

— А... А... Амундсен... где... он?

— Все в порядке. Мы уже послали сообщение и на вашу родину... Как вы себя чувствуете? Не болит ли что у вас?.. Не отвечайте, показывайте рукой.

Пациент улыбнулся и покачал головой.

— Вы не голодны?.. Уже пора учиться кушать самостоятельно! — пошутила девушка. — Я заставила вас немного поголодать, а теперь попробуйте держать ложку сами.

Пациент в знак согласия кивнул головой и снова улыбнулся. Он тщетно пытался вспомнить, как и когда его кормили.

— А с этим обращаются вот так... — девушка склонилась к ящику и покрутила две первые ручки.

На противоположной стенке снова появилась цветная картина. На сей раз это был кадр из какой-то оперы, и певцов было не только видно, но и слышно! Картина была настолько рельефна, что Северсону показалось, будто он смотрит на сцену сквозь широкое окно.

— Вам везет, дружище! — улыбнулась девушка. — Как раз передают современную норвежскую оперу... Ну, смотрите, слушайте, а мы пойдем.

Попрощавшись с врачами, Северсон удобнее устроился в постели, засмотрелся на яркую, цветную картину.

«Передают...» — подумал он вдруг. Девушка ему сказала, что норвежскую оперу передают. Как это?.. Может, передают автоматические кинокамеры?

На экране мелькали то общие планы, то детальные кадры отдельных певцов. Звучала красивая своеобразная музыка. Однако Северсон смотрел и слушал невнимательно. В нем проснулся прежний пыл исследователя.

«Бесспорно, это новое техническое чудо, какое-то сенсационное изобретение, — рассуждал он. — Для испытания его используют в больницах, чтобы пациенты не скучали».

Северсон осторожно передвинул ящик на несколько миллиметров. Заглянул внутрь сквозь решетчатые отверстия на задней стенке. Его взгляд скользнул по ряду блестящих радиоламп.

«Значит, все-таки это радио... Но как же воспроизводится тот звуковой цветной кинофильм?.. Может, уже удалось осуществить телевидение?»

Действительно, в последнем предположении не было ничего невероятного, потому что техника стремительно движется вперед. Однако из этого следовало, что он теперь где-то в Англии или в Америке.

«Как я сюда попал?.. Как долго лежу?.. Такой сложный аппарат не изготовишь за неделю... Значит, я проболел несколько месяцев, а может, даже целый год?»

Северсона вдруг охватила сладкая усталость. Он вспомнил слова норвежской девушки и махнул рукой:

«Ах, зачем ломать себе голову?.. Все со временем выяснится».

Северсон выключил аппарат, лег и через минуту уже крепко и спокойно спал.

Глава VI

Письма в прошлое

Жизнь Северсону была возвращена, но она все еще держалась на волоске. Для обессиленного организма представляли угрозу даже самые незначительные потрясения; как волнение, так и депрессивное состояние психики могли нанести ему непоправимый вред.

Первое знакомство пациента с неизвестным ему телевизором прошло спокойно, и это позволяло надеяться, что нервная система у Северсона достаточно прочная. Однако главные испытания были впереди. Пациента постоянно будет мучить вопрос, где он находится, как сюда попал, сколько времени болен. Изолировать его от сегодняшней действительности невозможно, он будет сталкиваться с ней на каждом шагу. Поэтому необходимо было как можно дольше оттягивать тот момент, когда Северсон узнает, что проснулся от ледяного сна через много десятилетий и живет в совсем другом мире. Из-за этого его, той же ночью, перевезли спящим в филиал института академика Тарабкина, расположенный в живописном парке недалеко от Москвы.

Необычный пациент не подозревал об этом путешествии и даже не догадывался, сколько хлопот доставляет всем работникам института. Окруженный заботой, он просто поправлялся, набирался сил, его старались не беспокоить медицинскими обследованиями, — достаточно было неусыпного надзора Наташи Орловой, которая не оставляла Северсона ни днем, ни ночью. Больной привык к девушке, поверил в ее врачебный талант и терпеливо выполнял ее требования и указания. А это давало многое: Северсон крепчал с каждым днем.

Однажды утром Наташа завезла в комнату Северсона странное кресло на колесах.

— Ну, друг, — сказала она с улыбкой, — с сегодняшнего дня вы частично освобождаетесь из тюрьмы, которая называется кроватью. Дарю вам машину, на которой можно хоть и кое-как, но передвигаться с места на место.

— Я вам искренне благодарен, Наташа!.. — Северсон с любопытством осматривал кресло: у правого подлокотника — руль, на левом — несколько кнопок. — Я вам искренне благодарен... Но когда, наконец, я смогу встать на ноги?

— О, этого уже недолго ждать! Однако, не спешите!.. Хотите, учредим сейчас небольшую автошколу, чтобы вы овладели своей машиной?

Не дожидаясь ответа, Наташа села в кресло, нажала зеленую кнопку. Кресло медленно и бесшумно покатилося вперед.

— Хотя и медленно, зато безопасно, — пояснила девушка. — Машина не натолкнется ни на стену, ни на какой-либо другой предмет, потому что оборудована контрольным фотоэлементом, который автоматически остановит ее перед преградой... Управление креслом очень простое: зеленой кнопкой электромотор включается, красной — выключается... Попробуете?

Пациент с радостью согласился. С помощью Наташи он перебрался в кресло, несколько минут поупражнялся под ее руководством, а потом, как заядлый конькобежец-фигурист, начал ездить по комнате. Девушка провожала его доброжелательной улыбкой.

К вечеру следующего дня Северсон в самоходном кресле был впервые вывезен на свежий воздух.

Вокруг было тихо-тихо. Заходящее солнце щедро золотило белые стволы березок. Сизые ели стояли задумчивые, молчаливые. Повяло запахом сосновой хвои — таким знакомым и родным, что у Северсона даже дыхание перехватило.

Он порывисто обернулся к Наташе, шедшей рядом с его креслом.

— Ну, скажите хоть теперь: где я?

— Вы — в России, — сказала она спокойно. — Вас спасла наша экспедиция.

— В России... — Северсон погладил щеку, посмотрел через плечо назад, на клинику. Настоящий дворец! Дворец из алюминия и стекла! Но самое главное не то, из чего он построен, а как. Поражала неожиданная, дерзкая красота этого сооружения. Никогда до сих пор Северсон не видел ничего похожего, а если бы его спросили, что это за архитектурный стиль, — он ответил бы только одно: «Неземной!..» И вот этот дворец построен в России, которая только-только поднимается на ноги после разрухи?!

— Этот дворец для вас построили американцы?

— Почему американцы? — удивилась Наташа. А потом спохватилась. — А, понимаю вас!.. Нет, мы сами. Честно говоря, мне этот стиль не нравится. Сейчас строят лучше.

«Сейчас строят лучше! — подумал Северсон. — Получается, что этот дворец построен не сейчас. А когда же?»

Ему стало немного страшно. С того дня, когда он впервые осознал себя, прошло так мало времени, а в памяти невольно накапливается все больше необъяснимого, раздражающего. Ну, пусть будет так: он попал в Россию, лечится в каком-то привилегированном заведении. Конечно, он совсем не знает жизни большевистской страны... Но откуда такой уровень техники?.. Почему Наташа, которая безупречно знает норвежский язык, то и дело употребляет совсем непонятные слова, или как-то странно искажает смысл знакомых?

— Наташа, сколько времени я болел?

— Долго, дружище!.. — она улыбнулась, приложила палец к губам. — Помните приказ академика Тарабкина? Ни слова о болезни!.. Все — потом, когда выздоровеете.

Что же, пускай — потом. Но эта обстановка таинственности уже начинала угнетать Северсона. Нигде ни газеты, ни книжки — запрещено. Телевизор почему-то испортился. А Наташа не отходит ни на шаг. Она очень мила и заботлива, но слишком увлекается научной фантастикой. Все время рассказывает такие вещи, которые и Жюлью Верну не снились: то про путешествия в другие звездные системы, то про атомную энергию. Вот как-то рассказала про машины, которые умеют играть в шахматы, писать музыку и стихи, решать самые сложные задачи. Увлечшись, она даже сказала, что ее подруга работает на такой машине. Северсон сделал вид, что не заметил этой оговорки.

Фантастика фантастикой, но ведь у этих русских действительно творятся чудеса! Откуда они взяли столько самолетов, да еще каких! К сожалению, не удавалось посмотреть на них вблизи — они едва мелькали крапинками в бездне неба, но скорость у них — невероятная. Куда до них бедняге «Латаму»!

Северсон поправлялся с каждым днем. Скоро самодвижущееся кресло стало ни к чему — он уже и так крепко держался на ногах. Продолжительность прогулок по парку все увеличивалась, а однажды Наташа повела его в гости к своим знакомым, которые жили в большом красивом коттедже на опушке бора. Вернулся он оттуда совершенно потрясенным.

Что случилось с миром?.. Что произошло с ним самим? Северсон долго сидел, не двигаясь, не включая света в комнате, и смотрел на залитую зеленоватыми лучами луны аллею парка. Переполненный впечатлениями пережитого дня, он все еще не мог осмыслить увиденное и услышанное, и в то же время хотел навсегда запечатлеть в сознании неповторимое ощущение встречи с неизвестным и необъяснимым; стремился поделиться с кем-нибудь своими мыслями.

Почти подсознательно он пересел к столу, включил свет и начал писать письмо своему другу в Норвегию — другу, который уже давным-давно состарился и умер. Это было письмо в прошлое, письмо в никуда, но пробужденный от ледяного сна человек даже не подозревал об этом.

«Действительность превзошла все мои ожидания, дорогой Альберт, и вообще все, что человек может вообразить. Может, меня обманывают, или я сошел с ума и вижу не то, что есть на самом деле, но скажу тебе: тут, в России, люди живут так роскошно, что им позавидует любой из наших богачей!

Сегодня я посетил один коттедж и, скажу тебе искренне, был просто потрясен. Только теперь я осознаю, какая высокая квартирная плата должна быть в таком доме! А со слов моего милого гида Наташи — так в России живут все. Ничего, ничего не понимаю!

Квартира обставлена красиво и просто; мебель удобная, но очень странная на вид и для меня совсем непривычная. Хозяева — гостеприимные, они сразу же предложили нам пообедать. А перед тем показали кухню.

Нет, Альберт, ты мне не поверишь: это была не кухня, а настоящая лаборатория, какой мне не приходилось видеть

раньше! Везде — машины и аппараты, везде электричество. Блюда готовятся практически без вмешательства человека. А хозяйка еще и недовольна: мол, если бы жили в Москве, то заказывали бы еду на фабрике-кухне и не приходилось бы тратить лишнее время.

Кстати, за обедом зашел разговор об искусственной пище. Оказывается, российские ученые уже синтезировали белок. Ты хоть слышал об этом?.. Говорят, искусственные продукты полезнее и вкуснее обычных, однако, как признала Наташа, люди еще испытывают недоверие к синтезированной пище, и кое-кто ее даже не пробовал.

Передо мной раскрываются просто-напросто паразитические вещи. Я верю им и не верю. И порой меня охватывает предчувствие какой-то огромной беды. Иногда думается: все это мне только снится; я вот-вот проснусь и увижу мертвый зеленоватый лед пещеры, услышу монотонное завывание вьюги и далекий-предалекий рокот “Латама”...»

Северсон писал так быстро, что его перо почти не отрывалось от бумаги.

Вот он поднял голову, посмотрел в окно.

Шумят вековые деревья... С негромким басовитым звуком проползли по темному небу три цветных огонька фантастического самолета.

«Только ты, Луна, верный друг, еще со времен странствий по бесконечным просторам ледяной Арктики осталась неизменной. Объясни хоть ты, что произошло в мире, почему так изменилось все вокруг?»

Но серебряный серп Луны молчал, загадочно улыбаясь. О том, что происходило на нем, гость из прошлого, конечно, не имел никакого представления.

Глава VII

Неторопливая почта Вселенной

В обсерваторию академика Цагена, на южный полюс Луны прилетели гости с Земли. Среди них не только специалисты по радиоастрономии, но и языковеды, и астробиологи. Загадочные сигналы из глубин Вселенной заинтересовали все человечество.

На большой скале возле обсерватории уже смонтированы три гигантских радиотелескопа. Закончено налаживание специальной электронно-вычислительной машины. На столах развернуты ленты с таинственными знаками. Но гостям не сидится в помещении — скоро начнется солнечное затмение.

Еще несколько минут, и лунные часы покажут полдень.

Большое яркое светило медленно подползает к тоненькому серпику Земли. Кажется, вот-вот оба небесных тела столкнутся и по всей Вселенной прокатится грохот космической катастрофы...

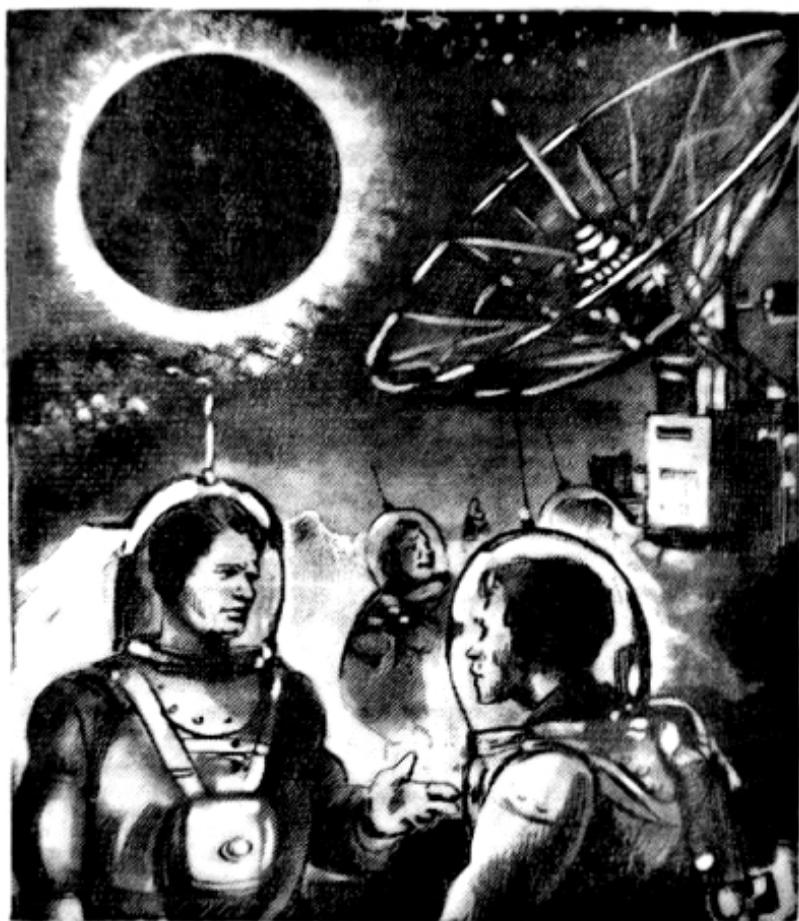
Но нет, Солнце просто заползает за большой темный шар — нашу планету.

Какая чудесная картина!.. Серпик превратился в раскаленное, багровое кольцо атмосферы Земли; его окружает серебристо-зеленое сияние солнечной короны.

В этом фантастическом освещении и люди в скафандрах, и кружевные чаши радиотелескопов, и отвесные горы кажутся выкованными из меди. Феерическое зрелище возбуждает, от него нельзя оторвать глаз, сейчас его транслируют телевизионные станции всей Земли. Но для работников обсерватории оно уже стало привычным явлением. Никто ни на миг не прекращает работы.

— Товарищ Цаген, широкополосный радиорефлектор сигналы из космоса не принимает, — докладывает по видеofону дежурный наблюдатель.

— Включите рефлектор, работающий на полутораметровой волне, его монтаж уже закончен.

Цаген напряженно следит за множеством экранов. На восьми из них — отрывистые волнистые линии, а на девятом — невнятные полосы... Но вот они приобретают четкость. Глаза академика обращаются к соседнему экрану.

— Странно, Алена: мы снова поймали сигналы на полутораметровой волне! Идите сюда, посмотрим.

Смутная девушка садится рядом с Цагеном.

— Невероятно! — восклицает она взволнованно. — Значит, планета системы Проксима Центавра излучает одновременно на двух волнах, и на каждой из них — разные сигналы!

— Да, конечно, совершенно другой код. Дело еще более осложняется... — Цаген подбежал к видеофону и нажал на кнопку. — Прошу немедленно соединить меня с Всемирной Академией. Важное сообщение!

Через минуту он докладывал с телеграфной краткостью.

— Волна сто пятьдесят сантиметров — новые сигналы. Волна сто семьдесят восемь сантиметров — прежние сигналы. Волна сто девяносто шесть сантиметров — вновь иные сигналы... Вывод: планета Икс в созвездии Центавра транслирует несколько разных по своему характеру программ. О дальнейших исследованиях сообщу позже. Все.

Он выключил аппарат и засмеялся:

— Пусть теперь они ломают себе головы, а я — не детектив.

Астробиолог Алена Свозилова внимательно посмотрела на академика:

— Скажите, пробовали ли вы ответить на сигналы?

Цаген пожал плечами:

— Конечно, пробовал. Как вам известно, передача иногда прерывается. В такие периоды мы усиливали записанные ранее сигналы и отсылали их обратно на той же волне. Теперь ждем ответ. Вы не должны забывать, что Проксима Центавра находится на расстоянии четырех световых лет. Это значит, что столько же туда полетят и радиоволны, которые распространяются в пустоте со скоростью триста тысяч километров в секунду. Следовательно, более вось-

ми лет на все путешествие, — конечно, если таинственные существа дадут нам ответ немедленно и если ответят вообще. Наличие мыслящих существ на Проксиме еще не доказано, об этом нельзя забывать.

— Мы докажем! — сказала Алена с вызовом.

— Удачи вам! — иронично улыбнулся Цаген. — Как вы сможете доказать? До сих пор никому не удалось расшифровать сигналы, и нет надежды, что это удастся сделать в ближайшее время. Да это и понятно: ведь люди на Проксиме, если они там есть вообще, имеют совсем другой образ мышления, чем мы.

— О существовании людей на Проксиме мы узнаем другим способом. Просто полетим туда посмотреть.

— Благодарю покорно! — засмеялся Цаген. — Желаю вам счастливого пути и в десять раз более длинной жизни! Сколько же вы, несчастная девушка, будете туда лететь, если солнечный луч со своей головокружительной скоростью мчится туда больше четырех лет?!

— Точнее сказать, четыре года три месяца двадцать один день и семь часов. Это я знаю, хоть я для вас только астробиолог! — рассердилась Алена. — Это составляет около сорока квадриллионов километров. Еще со школы помню наглядный пример, который немного помогает представить это колоссальное расстояние: «Уменьшим наше Солнце и ближайшую звезду — Проксиму Центавра — до размера небольших мячиков. В такой же пропорции уменьшим и расстояние между этими светилами. Тогда мячик, который означает Солнце, будет в Праге, а тот, который представляет Проксиму — где-то на побережье Северной Африки...» Все это мне известно, дорогой Цаген, и все-таки я верю, что мы когда-нибудь увидим Проксиму вблизи. Более ничего сейчас не расскажу, потому что вы — Фома неверующий. Скажу только одно: подождите доклада академика Навратила на одном из следующих заседаний Всемирной Академии, а потом вспомните про меня... И — до свидания на планете Икс!

Глава VIII

Изумление

Лейф Северсон сбежал от Наташи Орловой, — сбежал, как мальчишка-проказник от надоевшей воспитательницы. В конце концов, сколько можно его опекать? Он чувствует себя вполне, вполне нормально. И нужно наконец понять суть странных изменений, произошедших в мире; надо убедиться, что где-нибудь за пределами показанной ему роскоши не прячется нищета. Именно так было в Лондоне: в Вест-Энде — дворцы, а на окраинах люди влачат жалкое существование...

Оставив Наташе записку, чтобы не беспокоилась, Северсон вылез из окна и пошел через парк по извилистой тропинке. Зайдя довольно далеко, он забрался в кусты и растянулся навзничь на красочном ковре полевых цветов. На сердце у него было спокойно и хорошо.

По небу медленно плыли легкие белые облака. Деревья тихо шелестели яркой нежной листвой. Откуда-то прилетел мотылек и доверчиво сел на колено Северсона. Осмелел испуганный появлением человека кузнечик и завел на своей крохотной скрипочке нехитрую мелодию.

«Сюда бы еще один-единственный звук, и я был бы совсем как дома... — мечтал Северсон. — Если бы раздался ты, милый звон нашего маленького костела! Доleti сюда с теплым дуновением ветра от фьорда, верни меня в мое счастливое детство!»

Неожиданно что-то зашумело в воздухе, и Северсон почувствовал толчок в подошву правого ботинка. Он быстро открыл глаза, испуганно сел.

У его ног лежал странный самолетик. Из отверстий на крыльях модели вырывался красноватый дым, фюзеляж вибрировал.

«Остроумная конструкция! — думал Северсон, рассматривая игрушку. — Летает, а пропеллера нет... нельзя ли использовать эту идею для настоящего самолета?»

— Ура, он тут! — неожиданно раздался детский голос.

На полянку выбежал паренек с красным платком на шее. Заметив у модели незнакомца, он сначала растерялся, но потом у него в глазах вспыхнули огоньки любопытства.

— Вы — Северсон, правда ведь?

— Вроде так, — улыбнулся Северсон. — Как ты меня узнал?.. Насколько я помню, мы еще с тобой не встречались.

— Я — Дмитрий Петрович Зайцев, а дома меня зовут Митькой, — представился мальчик, подходя ближе. — Я знаю вас очень хорошо. Кто же вас не знает?! Вас знают во всем мире! Я часто видел вас по телевизору и в кино... Ой, что было, когда вы впервые вдохнули воздух! Или когда вы смотрели первую телевизионную передачу!.. Знаете, товарищ Северсон, я вам очень завидую! Я бы хотел, чтобы со мной случилось что-то похожее!

Северсон пожал плечами. Он тщетно пытался вспомнить, когда это его снимали на кинопленку.

— Наш учитель много рассказывал о вас, — продолжал паренек. — Мы спрашивали его, как вы относитесь к совре-

менному миру, но он не знает. За те долгие годы, что вы лежали во льду, произошло столько изменений... Вот для вас сюрприз, правда?

Северсон захлопал глазами, потом вскочил, словно пораженный молнией:

— Что ты несешь, мальчик?! Как это я лежал много лет во льду? Я бы замерз в сосульку!

Митька смутился, но тут же пришел в себя:

— Разве вы этого еще не знаете, товарищ Северсон?.. Вы думаете, что сейчас — тысяча девятьсот двадцать восьмой год?.. — Он пожал плечами. — Не понимаю, зачем это от вас скрывают! Я бы, не знаю что отдал, чтобы меня так же пробудили к жизни лет через сто!

— Это сон... бред... — у Северсона вдруг подломились колени. Он опустился на траву и схватился за голову.

— Вам плохо? — бросился к нему Митька. — Я сейчас вызову врача.

Северсон схватил мальчика за руку:

— Подожди... Ничего серьезного — вот только кровь ударила в голову... Уже опять нормально... — он даже попытался улыбнуться. — Ну-ка, ущипни меня! Только как следует ущипни!

— Зачем? — удивился парень.

— Чтобы я убедился, что не сплю... Знаешь, не хотел бы я проснуться среди льда. Это не шутка — умирать совсем одиноким, без надежды на спасение... — невидящим взглядом он уставился в пространство.

На глаза мальчика навернулись слезы:

— Что это вам пришло в голову, товарищ Северсон! Ведь вы же сейчас здоровы. И как вы смогли бы попасть в ледяную пустыню? Островок, где вас нашли замерзшим в прошлом году, уже совсем не ледяной. Он весь зеленый и покрыт весенними цветами. Недавно его показывали по телевизору...

Митька Зайцев пытался успокоить потрясенного человека. А Северсон молчал и пытливо смотрел в искренние детские глаза.

— Не знаю, кто из нас сумасшедший... — сказал он скорее самому себе, чем мальчику. — У меня такое впечатление, что у тебя очень буйная фантазия. И я чуть было не поверил в твои слова... Ты мне говоришь, что в Арктике цветут цветы. А куда же ты дел ледники?.. Видимо, ты никогда не видел Севера, иначе не рассказывал бы такие сказки...

Северсон погладил мальчика по голове, жалея его. Бедный, ему не больше двенадцати лет, а уже потерял разум... Конечно, вредное влияние приключенческих романов...

— Это не сказки! — защищался мальчик. — И я принципиально не вру, можете мне поверить! Всемирная Академия наук растопила почти все ледники; льды осталась только возле Северного полюса. Ведь мы изучали это в школе. А я учусь хорошо, у меня почти одни пятерки!

— Ладно, ладно, в таком случае я тебе верю! — засмеялся Северсон и еще раз погладил ребенка по голове.

— Я не удивляюсь, что вас все так поражает, — сказал Митька. — Ведь перед вашим полетом с Амундсенем вы много чего еще не знали. Нам об этом говорил учитель. Говорил, что у вас не было ни телевидения, ни реактивных самолетов, ни атомных электростанций. Тысячи людей, рассказывал он, до изнеможения трудились на заводах, чтобы хорошо жилось одному богачу... А какие были ужасные квартирные условия! Не удивительно, что тогда еще существовали заразные болезни... А эти войны! Трудно поверить, что люди по глупости убивали друг друга за золото... Неужели у них в жизни не было ничего лучшего?

Северсон снова насторожился. Разве мальчик мог бы придумать все это?.. Дворцы и коттеджи действительно сказочные, и их не построишь за несколько месяцев... А этот чудесный видеофон и необычные самолеты? А то, что ни Роберт, ни Альберт до сих пор не ответили на письма?

Северсон заколебался. Но в голове вдруг мелькнула трезвая мысль:

«Нет, нет, все это бред! Этого не может быть!»

— Погоди-ка, Митька... — сказал он задумчиво. — Мне кое-что пришло в голову... Наверное, меня нашли полу-

замерзшим, и из-за этого я потерял на время память и способность мыслить, да?.. Но это продолжалось недолго, потому что я совсем не состарился. Когда я смотрю в зеркало, то кажусь себе даже моложе, чем тогда, когда стартовал из Тромсё.

Митька сжал Северсону руку:

— Вы совсем замерзли, товарищ Северсон, и пролежали во льду много лет... Как бы это вам все объяснить?.. Обращали ли вы внимание на то, что при очень сильных морозах вода в маленьких прудах промерзает до дна? Одновременно замерзают и рыбы, и лягушки, вы же это знаете... А весной, когда лед растает, они оживают и — фррр! — снова бодрые.

— Так ты считаешь, что и у меня такая же холодная кровь, как у лягушки, и я мог спокойно замерзнуть, а потом разморозиться?

— Я такого не говорил! — запротестовал Митька. — С вами было не так просто. Вы даже не представляете, сколько усилий приложили тарабкинцы, чтобы вернуть вас к жизни! Я видел этот научно-популярный кинофильм...

— Не смейся надо мной! — захохотал Северсон. — Замерзшего человека не пробудишь. Он — мертв.

— Но вы еще не знаете, что ученым известны два вида смерти. Одна смерть называется клинической, а вторая — биологической. Человек сначала умирает клинической смертью, а это еще ничего. Учитель рассказывал нам, что мертвого человека впервые удалось оживить еще в тысяча девятьсот сорок четвертом году, во время Великой Отечественной войны. Сделал это профессор Неговский у нас, в Москве. Он оживил мертвого солдата Черепанова, который погиб от потери крови во время операции. Черепанов после этого долго болел, но в конце концов выздоровел. В музее вы можете найти «Правду» за одиннадцатое сентября сорок четвертого года и прочитать это сообщение...

— Постой, через сколько минут после смерти оживил его этот Неговский?

— Примерно через пять минут.

— А я, если верить тебе, пролежал замороженным много лет!

— Это правда, — охотно подтвердил Митька. — Но вы все время были клинически мертвы. Во время сильных морозов не может наступить биологическая смерть, которая окончательно разрушает организм. Это вам подтвердит и наш учитель... не слышали ли вы случайно про российского ученого Бахметьева? Он жил тогда, когда вы были таким же мальчишкой, как я сейчас. Именно Бахметьев проводил первые удачные опыты по оживлению замороженных животных. А чуть позже наш великий ученый Каптерев научился оживлять микроорганизмы, рачков и других мелких существ, которые пролежали в вечной мерзлоте десятки тысяч лет!.. Какое же тут чудо? Никакого!

Северсон сосредоточенно сдвинул брови:

— Ладно. Это кажется вполне возможным. И все же мне непонятно, как можно оживить мертвого, — пусть даже клинически мертвого, как ты говоришь.

— Я могу это вам объяснить, — сказал парень, гордый возможностью похвастаться знаниями, полученными из научно-популярных книг и лекций. — Первыми попытались оживлять мертвых чешские врачи Спина и Велих. Их опыты не удались, ибо они еще не знали о существовании групп крови. Так же не повезло и российскому врачу Андрееву. Как я вам уже говорил, первым достиг успеха профессор Неговский... Но еще раньше очень интересные опыты проводил московский профессор Брюхоненко. Представьте себе, он еще в тысяча девятьсот тридцать пятом году смог оживить отрезанную собачью голову. Она высовывала язык и двигала глазами... А знаете, что тогда сказал Брюхоненко? Придет, мол, время, и врачи научатся оживлять замерзших людей, — даже Амундсена, если его удастся отыскать... Так что верите вы мне теперь, что на самом деле замерзли и академик Тарабкин вас вернул к жизни?

Северсон провел рукой по вспотевшему лбу и пожал плечами:

— Не знаю. Трудно поверить, хоть и кажется, что ты все это придумал... Итак, я спал во льду много лет... А сколько

именно?

Митька взглянул на него лукаво:

— Угадайте!..

— Не имею ни малейшего представления... — задумчиво сказал Северсон. И вдруг порывисто повернулся к мальчику. — Но я хотел бы получить доказательства, Митька! Любое вещественное доказательство, что я действительно проспал... нет ли у тебя газеты с сегодняшней датой?

— Нет... — парень задумался. — Вот что: пойдите в институтскую библиотеку, это близко. Там все прочитаете черным по белому.

Северсон согласился, и они сразу же направились в библиотеку.

* * *

— Здравствуйте, Василий Владимирович! Посмотрите, какого необычного гостя я к вам привел! — воскликнул Митька с порога уютного читального зала.

Пожилой мужчина, стоявший возле книжного шкафа, быстро обернулся и, увидев Северсона, даже заморгал глазами:

— Товарищ Северсон?! Прощу... Прощу... — он засуетился, предлагая стул. — А тебе, сорвиголова, следовало бы устроить хорошую взбучку! Наташа Орлова уже больше часа места себе не находит, а ты водишь товарища Северсона неизвестно где... Разве ты не слышал экстренного сообщения?

— Нет, — засмеялся Митька. — Мы хорошо поговорили. Я объяснил товарищу Северсону, как он попал из Арктики к нам.

Библиотекарь смущенно замахал руками:

— Значит, ты все разболтал?! Понимаешь ли ты, что натворил?!

— Не волнуйтесь, господин, — вступился за мальчика Северсон. — Я уже знаю все или почти все и, как видите, не

пал духом. Признаю: это была для меня слишком большая доза, но я ее выдержал. У меня теперь к вам только одна просьба: нет ли у вас, случайно, норвежских газет за тысяча девятьсот двадцать восьмой год?

— Не знаю. Надо посмотреть... — извинившись, библиотекарь вышел в соседнее помещение и сразу же бросился к видеофону:

— Товарища Орлову!

На экране появилось Наташино лицо:

— Вы чем-то обеспокоены, Василий Владимирович?.. Может, что-нибудь узнали о Северсоне?

— Он у меня в библиотеке. Но радоваться нечему. Представьте себе, Северсон уже все знает.

— Обидно... А как он себя ведет?.. Спокоен?.. А впрочем, я сейчас к вам приеду.

— Он хочет получить газеты за тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Что делать?

Наташа нахмурила лоб, закусила губу. После короткой паузы сказала решительно:

— Дайте. Ничего другого не остается.

* * *

Когда Наташа Орлова зашла к читальный зал, Северсон был так поглощен чтением газет, что даже не заметил ее. Дрожащей рукой он перелистывал переплетенный годовой комплект «Норгес Фолк» и внимательно перечитывал каждую статью, где говорилось про Амундсена. Сейчас ему как раз попался на глаза крупный заголовок в номере за 19 июня 1928 года:

«АМУНДСЕН ВЫЛЕТЕЛ НА ПОМОЩЬ НОБИЛЕ.

«Вчера, 18 июня, на самолете “Латам” из Тромсё на север вылетел великий полярный путешественник Руаль Амундсен. На борту самолета один наш офицер, француз-

ские летчики Рене Гильбо и де Кювервиль, радист Валетт и механик Брази. Амундсен надеется разыскать экспедицию Нобиле, унесенную оболочкой дирижабля "Италия". Как только что сообщил наш корреспондент из Тромсё, вскоре после старта Амундсен запросил по радио информацию о состоянии льдов у острова Медвежьего. Завтра напечатаем более подробное сообщение».

Однако на другой день газеты молчали об Амундсене. Через день они поместили краткое сообщение, что самолет «Латам» не подает о себе никаких вестей. Еще через несколько дней уже начали писать про спасательную экспедицию на помощь "Латаму".

«НОРВЕГИЯ ПОТЕРЯЛА СВОЕГО ВЕЛИКОГО ГЕНИЯ», — сообщал заголовок «Норгес Фолк» за 1 сентября 1928 года. — «Рыболовное судно "Брод" подобрало вчера вблизи Фунгло поплавок самолета, который, бесспорно, принадлежал "Латаму". К сожалению, теперь уже нет сомнения, что наш великий и бессмертный Амундсен погиб вместе со своими верными друзьями. На всех государственных зданиях вывешены траурные флаги».

— Итак, Амундсен погиб... — прошептал Северсон и опустил голову. — Только я и был спасен... А нашли хоть его тело?

Наташа крепко стиснула его руку:

— Нет. Наверное, он спит во льду, который еще остался в Арктике. Однако мы, безусловно, найдем его. И его, и Валетта, и остальных ваших друзей. Возможно, вы еще встретитесь с ними...

У Северсона помутилось в голове.

«Так вот почему так медлили со всеми объяснениями!.. Получается, я остался один-одинешенек, без родных и друзей, среди чужих людей... Это — ужасно!"

Взволнованный голос Наташи отвлек его от лихорадочных мыслей:

— Забудьте о прошлом, Северсон! Прошлого уже не вернуть, и вы, конечно, не пожалеете о нем, когда узнаете,

с какой радостью мы приняли вас к себе, какая прекрасная и богатая жизнь открывается сейчас перед вами...

Митька, который до сих пор тихо сидел в уголке, подбежал к Северсону и обнял его:

— Не сердитесь на меня... Хотите, мы будем добрыми друзьями? Пойдете завтра со мной посмотреть атомную электростанцию, где работает мой отец?

Невидящим взглядом Северсон смотрел куда-то в пол и, казалось, ничего не слышал.

— Лучше бы вы нашли Амундсена... — прошептал он грустно. — Наташа, я хочу домой... Домой, в Норвегию...

Девушка взяла его за руку:

— Потерпите немного, друг... Еще шесть недель лечения — и вы будете полностью здоровы. Это время утечет, как вода, а потом я сама отвезу вас домой, — если, конечно, вам будет приятно мое общество. Выбросьте из головы мрачные мысли. Поверьте, без вас нам будет очень грустно. Мы уже привыкли к вам, вы просто один из нас. Все мы вас любим, а я... я себя чувствую вашей матерью... хоть и родилась на несколько десятков лет позже вас.

Северсон пожал Наташину руку и грустно улыбнулся:

— Такого неблагодарного пациента у вас, боюсь, никогда не было... — он повернул голову к окну и засмотрелся на вершины деревьев. Медленно, через силу продолжал: — У меня голова едва не раскалывается... Если бы я хоть знал, что, собственно, со мной произошло и как я к вам попал... Наташа, вы можете мне об этом рассказать?

Митька будто только этого и ждал:

— Василий Владимирович, а может, продемонстрируем товарищу Северсону несколько стерео о нем?

Библиотекарь замахал руками:

— Да помолчи же, шалопай! Мало того, что ты натворил?.. Какие еще «стерео»?! — повернулся он к Северсону, а потом с немым вопросом посмотрел на Наташу.

— Давайте, Василий Владимирович... — вздохнула девушка. — Возможно, так будет лучше.

С удивительным даже для самого себя спокойствием, Северсон следил за действиями пожилого библиотекаря. Тот сел к большому овальному столу; как на телефоне, набрал какой-то номер. На экранчике вспыхнула буква «С». Под ней трижды мигнула зеленая лампочка и на левой половине стола открылась защелка. Библиотекарь протянул к ней руку и вынул несколько металлических коробок.

— Начнем с первой части?

— Конечно... — тихо ответила Наташа.

Библиотекарь вставил коробочку в нишу проектора и нажал на одну из кнопок. На противоположной стенке появился портрет Северсона.

— «Сын Севера», стереофильм Алексея Черепанова и Наталии Орловой... — раздался незнакомый басовитый голос.

— Это было в тысяча девятьсот двадцать восьмом году... — продолжал диктор в то время, как сквозь портрет начали проступать очертания портового города.

— Тромсё!.. — прошептал Северсон.

— Не волнуйтесь, друг. Это только документальные кадры вашего вылета, — тихо сказала Наташа, которая не сводила глаз со своего спутника.

Потом шли фотографии Амундсена и «Латама», а за ними — маленькая карта с подвижным самолетиком, который продвигался по направлению к Шпицбергену. За архипелагом он неожиданно исчез, а вместо него появился красный кружочек.

— Где-то в этом районе «Латам» потерпел крушение... — объяснял диктор. — Наблюдатель Северсон неизвестно как попал на берег безымянного островка, где и замерз. Проходили годы, десятилетия. Наступили великие дни освобождения всего человечества. Сбылись предсказания Маркса и Ленина: капитализм и империализм сошли со сцены истории. Навсегда исчезла опасность войны. Гигантские творческие силы, которые раньше тратились на создание средств уничтожения, теперь освободились для самого прекрасного: для борьбы за счастливое настоящее и еще более прекрасное будущее человечества. Невиданное

развитие получили наука и техника. Уже через двадцать пять лет после устранения опасности войны человечество накопило такие силы, что смогло выйти на бой с Сахарой и Арктикой. На протяжении следующих пяти лет мы оттеснили ледники к самому Северному полюсу. Вот на этом славном победном пути и был найден Северсон...

Перед широко раскрытыми глазами Северсона разворачивались захватывающие события.

Бергер докладывает Всемирной Академии, что в одном из ледников на ледяном острове найден неизвестный человек в одежде пилота двадцатых годов двадцатого века. Он лежит скорченный в прозрачном льду, словно спит. Голова его покоится на левой руке, правой он придерживает кожаное пальто.

На остров приземляется вертолет. Из него выходит группа врачей-тарабкинцев. Специальными инструментами они вырезают большой ледяной куб с телом человека и с помощью кранов погружают в самолет.

На экране появляется Москва, а затем большая лаборатория.

— В кармане неизвестного был найден военный билет... — звучит голос диктора, и на экране появляется снимок развернутой книжечки. Видимо, она побывала в воде: буквы текста размазаны и превратились в грязные полосы. В графе: «Фамилия» — видно только «...р...сон».

Фотографию книжки сменяет панорама лаборатории. Улыбающаяся темноволосая девушка (Северсон сразу же узнает в ней Наташу) говорит:

— «Р...сон» — это мне не совсем нравится. Нашли мы его на севере, так что будем пока называть Северсоном.

— Год тяжелой и ответственной научной работы, год упорной борьбы с неумолимой природой... — продолжает диктор. — И наконец все же побеждает наука и жизнь!.. Северсон начинает дышать... Северсон произносит первое слово... Наука празднует одну из крупнейших побед... Смерть отступила!.. — Стереofilm закончился. В зале звучит музыка, которая возвышает человека, дает ему крылья. Могу-чая кантата жизни!

Северсон тронут.

— Наташа! Василий Владимирович! Митя!.. — у него перехватило дух.

У Наташи глаза сияют счастьем. От радости она бы расцеловала Северсона!

Кризис миновал. Теперь можно смело встать перед Тарабкинским и сказать: наш дорогой Северсон уже живет в настоящем времени!

Глава IX

В краю чудес

Северсон подошел к широкому окну. Остановился, пораженный.

Перед его глазами раскинулась чудесная картина. В ярко-синее небо возносились гигантские дворцы, украшенные статуями и барельефами. Один из них венчала величественная бронзовая фигура с протянутой вперед правой рукой. Фундамент этого многоэтажного здания терялся в зелени большого парка; боковые крылья дворца имели плоскую крышу, на которой виднелось несколько странных бескрылых самолетов.

Насколько хватало глаз, везде на фоне неба высились такие же дворцы. Они были разные по очертаниям, отделке и цвету, но все стояли среди деревьев. На горизонте сверкала водная гладь, по которой сновали корабли. Голубизну неба прочерчивали белые полосы от самолетов.

Северсон долго смотрел в окно и молчал. Очарованный видом, он забыл про все на свете.

Так вот какая она, Москва!.. Куда до нее Нью-Йорку! Там убогие небоскребы, как коробки для ботинок, да еще и тесно прилепленные друг к другу... А может, и Нью-Йорк уже изменился?

Он вопросительно взглянул на Наташу.

— Как, нравится наш город? — спросила она лукаво.

— Это — воплощенная сказка, Наташа!.. Но я до сих пор не верю, что это — Москва. Мне кажется, что я попал на какой-то заколдованный остров, о котором мир даже не знает.

— А это?.. — Наташа подняла шторы на противоположной стене, и перед Северсоном появились залитые солнцем строения старинной архитектуры.

— Да, это московский Кремль... — задумчиво сказал Северсон. — Я видел его только на картинках, но забыть его невозможно... — он покачал головой, улыбнулся. — Ну и выдумщица вы, Наташа! Ну и хитрюга!.. Это вы специально привезли меня сюда ночью, да еще на метро, чтобы потом ошеломить видом Москвы с высоты птичьего полета?!

— Частично — да, — засмеялась Наташа, — но хотелось показать вам и метро. Понравилось?

— Чудесное метро!.. Только... только... А вы знаете, что мы обманули городской магистрат? — спросил Северсон полшутя.

— То есть как? — удивилась Наташа.

— Мне неудобно напоминать, но... мы не купили билеты.

— Ах, вон в чем дело! — захохотала Наташа. — Я просто забыла вам объяснить, что за транспорт в Москве не платят. Ну, и это увидите собственными глазами... А сейчас говорите: что бы вы хотели увидеть?

— Скажите, а нельзя было бы заглянуть на электростанцию, туда, где работает отец Мити? Мальчик меня приглашал, но я, конечно, не знаю, разрешено это или нет.

— Почему же нет? Мы заглянем и туда. Я приготовила для вас обширную программу экскурсий. Только, прошу, будьте совсем откровенны: как на вас влияет все увиденное?

— Не знаю... — ответил он после паузы. — Пока я интересуюсь всем. Сейчас я бы хотел промчаться по миру и посмотреть, как он изменился.

— А хватит ли вам сил для этого? Не лучше было бы продолжить лечение?

— Я чувствую себя уже совершенно здоровым и бодрым.

— Это так, — согласилась Наташа. — Но перенапряжение еще может повредить вам. Я считаю, что большую пользу вам принес бы продолжительный сон.

— Сон?.. Может, хотите, чтобы я спал день за днем, как младенец?

— Именно сон и помог вам встать на ноги. Человек выдерживает без еды месяц, а без сна — лишь несколько дней. Великий физиолог Иван Петрович Павлов доказал, что многие болезни человека возникают из-за перенапряжения коры головного мозга. Здесь не помогут никакие лекарства, а только сон, когда нервные клетки прекращают свою деятельность и отдыхают.

— Верю вам. И все-таки спать мне не хочется. Не беспокойтесь обо мне: за свою жизнь я многое испытал, и, как видите, снова бодр.

— Вот таким вы мне нравитесь, Северсон! Тогда скажу вам по секрету: Митька уже давно вас ждет.

Глаза Северсона засияли. Несколькими прыжками он выбежал в коридор, схватил парня и высоко поднял над головой:

— Ты, мальчик мой, ты — самый лучший врач!

А Митька пытался принять сосредоточенный и важный вид:

— Я пришел сообщить, что отец сердечно приветствует вас и приглашает на электростанцию... Как видите, я всегда держу слово.

* * *

— Ты здесь живешь, Митя? — спросил Северсон, когда они втроем подошли к большому красивому зданию, поросшему диким виноградом.

— Нет, товарищ Северсон, здесь работает мой отец, — ответил парень. — Вот это и есть московская атомная электростанция.

— Ого! — удивился Северсон. — В таком дворце мог бы жить и английский лорд!.. А где же трубы?.. Чем здесь топят?

— Теперь уже электростанции не дымят, — пояснила Наташа. — Они работают на неисчерпаемой атомной энергии... Но об этом поговорим позже.

Они зашли в вестибюль и направились к лестнице.

— А, дорогие гости! — им навстречу спешил статный мужчина в белом халате. — Приветствую вас, товарищ Северсон, на нашей фабрике энергии!.. Что бы вы хотели увидеть в первую очередь, друзья: диспетчера, реакторы или передачу электроэнергии?

— Не спешите, товарищ Зайцев! — засмеялась Наташа. — И не разговаривайте с нами на санскрите. Наш гость не понимает ваши термины и, пожалуй, согласится, чтобы вы показали самое интересное.

Зайцев почесал затылок:

— У нас все интересно. Но куда же сначала? Что если к диспетчеру?

По приглашению Зайцева гости прошли по коридору и стали подниматься по широкой лестнице на верхний этаж.

Северсона поразила образцовая чистота, красивая отделка стен; ему невольно вспомнилась бумажная фабрика,

на которой некогда работал его дядя. Там было полно вони, грохота, грязи. А здесь — тихо и чисто, как в храме.

— Прошу! — сказал Зайцев, пропуская гостей вперед.

Бесшумно распахнулась широкая дверь, и перед посетителями предстала странная картина. Посреди зала находилась большая рельефная карта, сиявшая бесчисленными разноцветными огоньками. Среди миниатюрных гор и рек виднелись такие же маленькие города.

Только насмотревшись на карту, Северсон заметил под потолком прозрачную кабину, в которой сидела белокурая девушка. Одной рукой она опиралась на подлокотник кресла, а вторую держала на наклонном пульте, усеянном кнопками и экранчиками.

Девушка глянула вниз, на посетителей, улыбнулась в знак приветствия и снова все свое внимание направила на пульт.

Зайцев помахал ей рукой и повернулся к гостям:

— Во время работы с ней не шути! Это наш Перун, она повелевает громами и молниями всей области. А как строга с нами! Обращение признает только с полным титулом: «Надежда Молодинова, диспетчер атомной электростанции Московской области»... — Зайцев понизил голос и наклонился к уху Северсона. — Хорошо, что она не слышит нас. Я хочу выдать вам ее секрет. Вообще-то, она очень любит

игрушки... Чтобы иметь представление о расходе энергии в отдельных городах и на заводах, вполне достаточно смотреть на приборы. А ей этого мало... «Надо сделать работу более приятной, — однажды заявила она. — В центральной диспетчерской я построю рельефную карту области, а сигналы городов и заводов размещу на их макетах...» Одному с такой моделью не справиться. Так как вы думаете, что она сделала? Очень просто: позвала на помощь пионеров из технических кружков. Записался и Митька, он тоже такой — любит с чем-нибудь повозиться... Однажды прихожу сюда — и прямо глаза вытаращил: на большой подставке передо мной вся область, с реками, лесами и городами. Надежда сидит на полу, тыкает пальцем в какие-то чертежи. Мальчишки и девчонки ползают под макетом с паяльниками в руках... В тот день впервые засияли эти огни, — Зайцев показал на рельефную карту. — Что вы на это скажете? Разве не фантазер, этот наш маленький Перун? — он засмеялся и снова посмотрел на девушку. — Но положиться на нее можно, это я должен признать. Во время ее детства никогда не бывает перебоев в подаче энергии.

Северсон с интересом поглядывал то на девушку в прозрачной кабинке, то на модель. Неужели это и вправду сделали ребята?

— А какую деталь изготовил ты? — спросил он Митьку.

— Вон тот автомат, где только что вспыхнул красный огонек... Смотрите, Надежда заметила сигнал и включила ток сильнее.

— Высказывайся яснее, Митя! — засмеялась Наташа. — Это крошечное строение представляет большой автоматический завод «Серп и молот». Такие заводы мы называем сокращенно «автомат».

— А красный огонек показывает, что «автомату» нужно больше электроэнергии, — поспешил добавить Митька. — Папа, ну пойдем уже дальше?

— Кому я служу проводником — тебе или гостям? — притворно разгневался Зайцев. — Знаете, его, как и каждого мальчишку, прежде всего интересуют машины, а так как в производственную часть его редко пускают, он и хо-

чет использовать эту возможность... Ну, ладно. Но прежде чем мы дойдем до машинного зала, вам необходимо объяснить некоторые вещи. Электростанция, где вы, товарищ Северсон, сейчас являетесь уважаемым гостем, вырабатывает электричество из высвобожденной атомной энергии... Как я слышал, вы по специальности летчик, значит — техник.

— Про атом я знаю немного, — сказал Северсон. — Помню только, что он состоит из положительных и отрицательных частиц, протоны образуют основу его ядра, вокруг которого вращается столько электронов, сколько протонов содержится в ядре. Возможно, я все перепутал?

— Чудесно! Видно, что у вас хорошая память! — кивнул Зайцев. — Так вот, ученые обнаружили еще одну частицу — нейтрон — и установили, что атомное ядро таит в себе огромную энергию, которую можно освободить или разбиением ядра, или синтезом ядра из его составных частей... Было потрачено очень много средств, энергии, творческих усилий, но атом, в конечном счете, удалось расщепить. Результат был удивительный: грамм расщепленных атомов урана дал в два с половиной миллиона раз больше энергии, чем грамм бензина. Но это произошло тогда, когда на Земле свирепствовали войны. Удивительное изобретение было использовано американскими империалистами для изготовления атомной бомбы. В тысяча девятьсот сорок пятом году американские атомные бомбы до основания разрушили два японских города и уничтожили сотни тысяч людей... — Зайцев махнул рукой, словно хотел прогнать тяжелый сон. — Оставим печальные воспоминания, друзья. Человечество сравнительно быстро поняло, какой опасной является атомная энергия в руках поджигателей войны. Эта опасность, в конце концов, и помогла ему осознать, где корень зла; понять, что счастье и само существование всех народов мира ставит под угрозу горстка корыстолюбивых империалистов... Вот уже тридцать лет, как на Земле воцарился мир. Человечество использует атомную энергию исключительно для покорения природы и для повышения благосостояния...

Только теперь Зайцев заметил, что гость погрузился в свои мысли и, похоже, ничего не видит и не слышит.

— Извините, товарищ Северсон, я увлекся своей лекцией, а вас, видимо, больше интересует кухня, где создается атомная энергия, не так ли?

— Нет, нет... — спохватился Северсон. — Теперь я часто задумываюсь над судьбой человечества... Я многое проспал, я это вижу. Так же и в научных знаниях я остался позади. Что мне известно про атомную энергию? Ничего!.. Что я знаю о вашем достойном удивления телевидении? Ничего!.. — он горько улыбнулся. — Сейчас мне нужно очень много наверстать, только чтобы вообще вас понимать. И, признаться, я боюсь...

— Чего же вам бояться? — спросила Наташа с плохо скрытой тревогой. — Ни здесь, на электростанции, ни где-то в другом месте вам не грозит никакая опасность. Люди уже в совершенстве владеют атомной энергией, полностью покорили ее.

— Я понимаю это, Наташа. Поэтому и боюсь. Я никого не хочу обременять, а скажите мне, как я теперь проживу со своими жалкими знаниями?

— Так вот оно что! — вздохнула она с облегчением. — Этого не бойтесь! Все наверстаете. Можете смело продолжать обучение и выбрать профессию по желанию или оставайтесь летчиком.

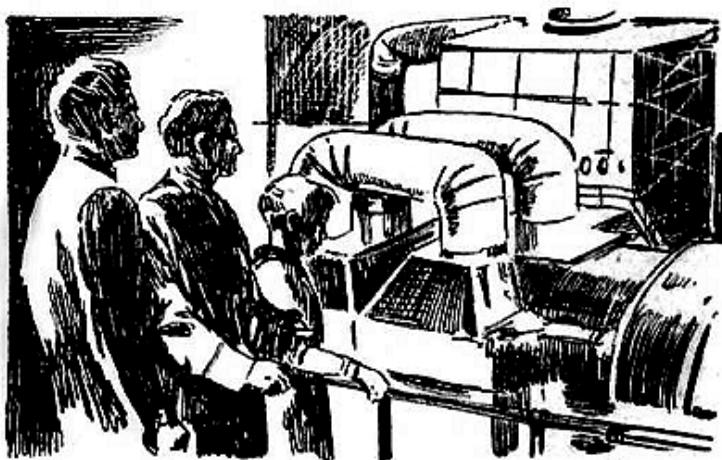
— Я бы хотел этого... Но где взять деньги? Мой отец был мелким чиновником, следовательно, наследства мне не оставил... Конечно, я работы не боюсь, даже самой тяжелой. Могу хотя бы копать землю лопатой...

— Ее вы найдете разве что в музее, товарищ Северсон! — встрял в разговор Митька. — Зачем же тогда существуют машины?

— А за обучение платить не надо, — добавила Наташа. — Оно у нас бесплатное.

— Вот и начнем немедленно, — засмеялся Зайцев и показал на большой настенный плакат. — Перед вами — вся тайна производства электричества из атомной энергии... Слева — схема старейшей атомной электростанции. Этот се-

рый куб — атомный котел, реактор, где при распаде атомов выделяется огромное количество тепла. Это тепло используется для превращения воды в пар, а пар вращает турбогенератор... Сложный, невыгодный способ. Теперь мы получаем электричество значительно проще. Впрочем, лучше осмотреть все на месте.

По длинному коридору и эскалатору гости вместе с Зайцевым спустились еще ниже и очутились в просторном зале. В его блестящем полу тускло отражались комнатные растения и силуэты турбогенераторов.

— Вот так выглядит атомная электростанция старого типа, — объяснял Зайцев. — При расщеплении атома возникает опасное излучение, поэтому реакторы спрятаны за толстой защитной стеной. Если желаете, загляните! — он показал на одно из крошечных окошек.

Северсон был разочарован, заглянув туда. Он надеялся увидеть нечто похожее на внутренности раскаленной доменной, а увидел только ряд больших серых сооружений, опутанных толстыми цветными трубами.

— Никакого чуда, только человеческая смекалка! — ответил Зайцев на его вопросительный взгляд. — Подробнее расскажу позже; для вас сегодня и так будет много. А

сейчас пойдём в соседний зал, где мы используем атом более совершенно.

Если в предыдущем помещении стоял хоть и не громкий, но постоянный шум от работы турбин, то здесь царила абсолютная тишина. От длинного ряда закрытых блестящими металлическими колпаками котлов не доносилось ни звука.

— Здесь процесс проходит совсем по-другому, — сказал Зайцев. — Тепло с помощью термоэлементов превращается непосредственно в электричество. Принцип действия термоэлемента, думаю, вы знаете: если нагреть место соединения двух разных металлов, возникает электрический ток... Но мы не остановились и на этом методе. В соседнем зале расположены реакторы, в которых кинетическая энергия атомных частиц идет непосредственно на ускорение электронов, так что весь котел, по сути, является термоядерной батареей. В исследовательском отделе, которым я руковожу, мы ищем дальнейшие пути, так что, возможно...

Лекцию Зайцева прервал резкий звонок видеофона.

— Минуточку... — он подбежал к аппарату.

На экране появилось улыбающееся лицо девушки с курносым носиком и ямочками на щеках.

— Петр Иванович, рады видеть гостью?

— Аленка, девушка золотая, откуда ты взялась?! — радостно воскликнул Зайцев. — А я думал, что ты сидишь где-то в своей оранжерее и выращиваешь неземные растения. Надолго к нам?... А я принимаю гостей, да еще каких!.. Иди-ка сюда, познакомлю!

— Нет, спасибо, — покачала головой девушка. — Не хочу мешать, и к тому же нет времени. Приду к вам вечером.
— Ладно, ладно. Тогда соберемся у нас.

* * *

Как и обещал Митька при прощании на электростанции, он пришел точно в шесть вечера, чтобы проводить гостей до своей квартиры. Когда же навстречу ему вышел только Северсон, парень забеспокоился:

— А где же вы оставили товарища Орлову? Не сбежали, случайно, от нее снова?.. Она будет очень беспокоиться, а я... я снова получу взбучку.

— Не бойся, храбрый рыцарь! — засмеялся Северсон. — Все в порядке. Наташа просит прощения: у нее неотложная работа в лаборатории. Она поручает меня тебе, под твою ответственность... Ну, товарищ начальник, пойдем пешком, или как?

— Ой-йой, мы живем далеко, товарищ Северсон! — воскликнул мальчик. — Пешком мы дошли бы туда разве что в полночь. Хотите поехать на метро или, может, вертолетом?

Северсон поднял голову и с минуту молча следил за разноцветными машинами, во все стороны сновавшими по воздушному океану.

— Тебе приходилось летать?

— Очень часто.

— А ты не боишься? Ведь этот самолет не имеет крыльев.

— Почему бы я боялся? И зачем вертолету крылья? Его же поддерживают винты.

— Ну, а если моторы откажут?

— Моторы не откажут, их постоянно контролируют. А если бы даже такое случилось, винты начнут крутиться в противоположном направлении, и вертолет приземлится медленно, как парашют.

Помолчали.

— Не думай, что я боюсь, я только интересуюсь, — сказал Северсон, будто оправдываясь. — Ну лететь, так лететь. Но погоди: ты умеешь управлять вертолетом?.. И где он у тебя?

— Нет, управлять буду не я! — засмеялся парень. — Мы вызовем аэротакси. Их легко узнать, потому что их дно разрисовано в клеточку, как вон у того. Если оно свободно, то заберет нас.

Митька вытащил из кармана носовой платок и помахал им. Пилот из стеклянной кабины подал знак, что видит. Вертолет приблизился, повис низко над головами прохожих, из его дна опустилась на тросах легкая открытая кабинка.

Митька быстро открыл защитные поручни:

— Заходите! На улице приземляться нельзя, поэтому аэротакси имеют такие подъемники.

Через несколько секунд оба путешественника уже были в вертолете. Митька нажал кнопку рядом с микрофоном на столе и назвал адрес. Машина начала быстро подниматься мимо окон института Тарабкина, затем направилась на северо-восток.

Северсон невольно вспомнил свой последний полет с Амундсенем. В «Латаме» стоял такой грохот, что едва был слышен голос соседа. А тут моторы работали совершенно бесшумно.

Чувство неуверенности и недоверия к необычной машине исчезло. Северсон испытывал глубокое наслаждение от этого плавного, быстрого полета, тем более, что под ними открывалась великолепная панорама чудесного города.

— Ты замечаешь, Митя, что мы летим не прямо, а окольными путями? — спросил Северсон после долгого молчания. — Мне, как старому летчику, это заметно. У вас так и положено летать или это для того, чтобы мы осмотрели Москву?

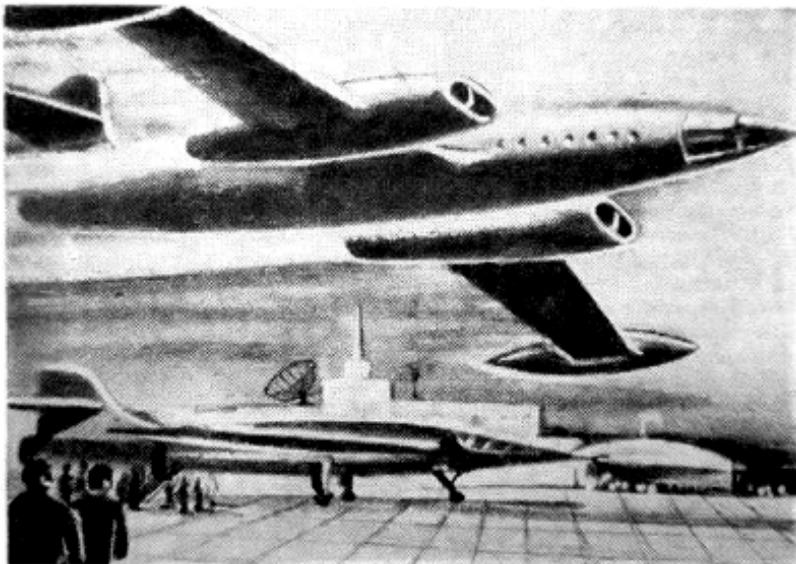
— Мы приближаемся к аэродрому, а тут уже нашим вертолетом управляет диспетчер, чтобы мы не столкнулись с каким-нибудь самолетом. Они стартуют и приземляются ежеминутно. Ведь мы, товарищ Северсон, живем на окраине города, недалеко от международного аэродрома.

— Мы приземлимся на нем?

— Зачем нам там приземляться? — удивился парень. — Пришлось бы еще немало идти пешком, а так пилот высадит нас сразу на крышу нашего дома.

— Жаль... Аэродром меня очень интересует. Я бы хотел на него посмотреть.

— Это можно сделать и не приземляясь. Отсюда вы увидите лучше, чем с земли, — заверил его мальчик.

Северсон склонился к окну, ища глазами аэродром. Вдруг он быстро поднял голову. В ясном предвечернем небе заблестел серебряный самолет с крыльями, похожими на крылья ласточки. Он промчался стрелой и исчез из поля зрения, оставив после себя тонкую белую полосу.

— И в нем сидят люди? — спросил Северсон удивленно. А когда Митька утвердительно кивнул головой, добавил: — Как же можно выдержать такую скорость?

— Да разве это была скорость?! — скептически улыбнулся парень. — Ракетоплан только разогнался. Вот если бы вы увидели, как он помчится в стратосфере! Через полчаса будет, наверно, в Пекине!

Северсон укоризненно покачал головой:

— А тебе известно, что Пекин находится в Китае? Или, может, есть еще и другой Пекин?

— Нет, я имею в виду тот, что в Китае... Чему вы удивляетесь? За это время ракетоплан может долететь и до Америки или до Австралии. В прошлом году во время каникул я путешествовал таким самолетом в Прагу, а сейчас папа пообещал взять меня с собой в Лондон.

— А, тогда, за сколько часов мы оказались бы в Норвегии? — недоверчиво спросил Северсон.

— Этого я точно не знаю, но конечно же, меньше чем за полчаса. И именно на этом аэродроме мы садились бы в ракетоплан, — показал Митька вниз.

Северсон быстро прижал лоб к стеклу.

Аэродром выглядел совсем по-другому, чем ему представлялось. В центре стояло высокое здание со странными металлическими конструкциями на крыше, от него лучами расходились бетонированные полосы и длинный наклонный мост, немного похожий на лыжный трамплин.

— Куда ведет эта странная эстакада? — удивился Северсон.

— О, она ведет далеко! — восторженно пояснил Митька. — Трижды в неделю с нее стартуют ракетные корабли на Луну.

— Куда?! — порывисто обернулся к парню Северсон.

— Ну, на Луну же... На ту, что светит вечером.

Северсон с минуту смотрел на парня, а потом нахмурился:

— Не считай меня круглым дураком, Митя! Хотя я и проспал все на свете, но знаю, что возможно, а что нет. Мне известно, например, совершенно точно, что между Землей

и Луной пролегло огромное безвоздушное пространство. Вот теперь и скажи, если ты все знаешь, как будет двигаться самолет, когда воздуха нет?.. Или, может, ты выстрелишь самолетом из пушки, как снарядом? Так это возможно только у Жюль Верна, потому что на самом деле резкий удар моментально уничтожит экипаж. А кроме того, самолету нужно было бы развить скорость двенадцать километров в секунду, чтобы он вообще мог выйти из сферы притяжения Земли. Но такой скорости нельзя достичь никаким выстрелом, это уже доказано...

— Вы все еще мне не верите, товарищ Северсон! — укоризненно сказал мальчик. — А сколько раз я уже доказывал, что никогда не вру. Да и зачем мне придумывать?.. Эта эстакада действительно является стартовой дорогой ракетопланов на Луну. А для межпланетных кораблей воздуха не требуется, их двигают ракеты, это мы в школе уже изучали... А спросите хотя бы у товарища Алены Свозиловой — той, что звонила сегодня на электростанцию к папе. Она только что прилетела с Луны и вечером придет к нам.

Северсон задумался.

— Ты очень милый спутник, Митя, и я не хотел бы тебя чем-нибудь обидеть. Но ты то и дело преподносишь мне

такие сюрпризы, что я после них еле прихожу в себя... Итак, ты говоришь, что человек уже попал на Луну... Если ты и в этот раз прав, я тебе торжественно обещаю ничему больше не удивляться.

Митька начал говорить о перспективах полетов в звездную Вселенную, но Северсон слушал невнимательно. Его воображение тщетно пыталась нарисовать образ женщины, которая пролетела в безвоздушном пространстве и побывала на Луне... Что она там видела? О чем будет рассказывать?

Аэродром уже давно исчез из поля зрения. Вертолет легко снижался над широкой площадкой, которая соединяла оба крыла высотного дома, где жила семья Зайцевых.

Глава X

Девушка с Луны

Как и следовало ожидать, в первую очередь Митька повел гостя в свою рабочую комнату, заставленную моделями разных кораблей и самолетов.

— Вот это и есть та «Искра», которая летает на Луну, — оживленно объяснял он. — Не понимаю, в чем дело, но моя модель до сих пор плохо работает. Эта уже вторая. Первая, управляемая по радио, куда-то залетела. Нет уже и «Струи», которую вы тогда нашли...

Кто знает, сколько бы еще времени Митька посвящал Северсона в тайны своего маленького царства, если бы из-за двери не послышался голос старшего Зайцева:

— До каких пор ты будешь мучить гостя, вечный коппун? На столе стынет ужин, а Аленка после путешествия в Космосе, должно быть сильно проголодалась.

— Товарищ Свозилова уже пришла? — радостно завопил парень и умчался из комнаты.

— Вот невоспитанный! — улыбнулся вслед ему Зайцев. — Ну, пойдем, прошу.

Северсон отправился вслед хозяином со смутным чувством волнения и любопытства. Женщину с Луны он представлял, сам не зная почему, бледной и серьезной, высокой и стройной. А тем временем на веранде сидела обычная загорелая девушка и о чем-то весело разговаривала с хозяйкой. Увидев в дверях Северсона, она быстро поднялась и сделала несколько шагов ему навстречу.

— Я — Алена Свозилова... Петр Иванович не хотел говорить, кто у него будет в гостях. Мол, это сюрприз. И действительно, сюрприз удался. Вчера мы с академиком Цагеном вспоминали о вас, но я и не предполагала, что встречу с вами так скоро.

Северсон совсем смутился. Выручил его Зайцев:

— Чему ты удивляешься, Аленка? Сможешь ли ты найти у кого-нибудь более уважаемых гостей, чем у меня?.. А вы, друг, тоже не удивляйтесь: какая женщина не интересуется знаменитыми мужчинами?! Видите, правду говорю, потому что она сразу же надулась на меня!.. Ну, а теперь — прошу к столу.

Северсон делал вид, что целиком занят ужином, и только время от времени украдкой поглядывал на «девушку с Луны». Казалось, она не замечает этих взглядов, увлеченная разговором с Зайцевым. Разговор шел о чем-то известном только им двоим.

— ...Думаю, что спор о сигналах из космоса вскоре закончится. Навратил его выиграет, это уж точно.

— Разве удалось расшифровать загадочные импульсы?

— Нет, потому что это не отдельные импульсы, а непрерывная передача.

— Передача с Проксимы? Изумительно! А что присылают? Быстрее говори, не тяни!

— Ты бы хотел все сразу! — улыбнулась Алена. — Хватит и того, что установил вчера Чан-су. Он долго ломал голову: почему Проксима передает на стольких волнах одновременно и почему на каждой волне слышны другие сигналы? «Я уверяю, — заявил он недавно, — что приемник с амплитудной модуляцией нам совсем не подходит. Видимо, Проксима направляет фазово-частотно модулирован-

ную волну с чрезвычайно большим частотным сдвигом...» Это означает, дорогой Петр, что существа с Проксимы посылают нам не несколько программ одновременно, как мы до сих пор думали, а только одну, из которой мы перехватываем отдельные отрывки. Даже мальчишка мог бы понять, что Чан-су — прав. Но Цаген, как всегда...

— Постой, постой! — махнул рукой Зайцев. — Что же, собственно, обнаружил вчера Чан-су?

— Не перебивай! — шутливо рассердилась Алена. — Вскоре после этого разговора Чан-су полетел на Землю и вернулся с широкополосным усилителем собственной конструкции. Вчера его предположение подтвердилось: с помощью новой аппаратуры он установил, что импульсы на разных частотах взаимосвязаны. Если ему удастся демодулировать сигналы, это будет означать, что мы вскоре услышим и увидим телевизионную программу неведомых созданий с Проксимы. Этим впервые будет доказано то, что мы, астробиологии, твердим давно: наша Земля — не единственная планета, на которой жизнь достигла высокой степени развития.

— А я обрадовался! — скептически покачал головой Зайцев. — Я надеялся, что ты научишь меня, как сказать на языке Проксимы «атомная электростанция», а оказывается, они там, наверху, фантазируют!.. А что, если прав не Навратил, а Ватсон? Разве не могут излучать радиоволны с фазово-частотной модуляцией какие-то там раскаленные газовые туманности?

— С таким же успехом и крокодил может разговаривать на испанском! — рассердилась Алена. — Навратил меня посылает, чтобы я пригласила тебя сотрудничать с нами, а ты принимаешь сторону Ватсона против нас!

— Однако, Аленка, ты уже не понимаешь шуток! Вот как ты изменилась на Луне?.. Не знаю, чем бы я мог быть полезен Навратилу, но ты же знаешь, что вас не предаю... А впрочем, поговорим об этом позже. Общество, наверное, приветствовало бы более веселые развлечения. Не пойти ли нам лучше в Парк культуры и отдыха?

Предложение Зайцева пришлось всем по вкусу, особенно Северсону, который почти ничего не понимал из разговора, хотя слушал очень внимательно. Расспрашивать «девушку с Луны» он побоялся, чтобы не показаться ей смешным.

* * *

В огромном, полном народа парке Северсон и Алена Свозилова, задержавшись возле одного из аттракционов, потеряли своих спутников.

— Мы теперь вряд ли найдем их среди такой массы людей, но это не страшно. Встретимся с ними у главного павильона, — успокоила его девушка. — А пока положитесь на меня. Я тут хорошо все знаю; недалеко отсюда университет, где я училась... Ну, так куда мы пойдём?

— Знаете куда? — улыбнулся Северсон. — На аэродром!

— Почему на аэродром? — удивилась Алена. — Вам со мной неинтересно? Вы хотите куда-то полететь?

— Нет, что вы! Если бы даже хотел полететь — не могу.

— А куда бы вы полетели, если бы могли?

— Сначала домой, в Норвегию, — сказал он нерешительно. — Затем снова попытался бы перелететь через Северный полюс... Но прежде всего хотел бы увидеть своими глазами ракетоплан, стартующий на Луну.

Алена посмотрела на часы:

— Все ваши желания — осуществимы, а последнее можно выполнить прямо сейчас. «Искра» стартует примерно через полчаса. Мы еще успеем.

Солнце уже заходило, и весь парк постепенно разгорался множеством огней. Повеяло свежей прохладой; нежно запахло ночные цветы. Во влажном воздухе звуки звучали мягче, мелодичнее.

Северсон и Алена долго шли по красивой пустынной аллее. Наконец впереди, между деревьев, блеснуло темное зеркало водоема. Они подошли к берегу широкого канала.

— Отсюда прекрасно видно аэродром, — сказала Алена. — Вы видите эту эстакаду вдаль?.. Вот это и есть стартовый трамплин межпланетных кораблей.

— Я его уже видел, — сказал Северсон. — Когда мы летели сюда, Митька...

И вдруг слова застряли у него в горле. Эстакада озарилась красным сиянием, а на ее вершине появился удивительный самолет с маленькими крылышками сзади. Он задержался на какую-то долю секунды, а потом нырнул в воздух. Его путь по сумеречному небу прочертила огненная полоса, которая терялась где-то в бесконечности.

Северсон долго смотрел на то место, где в последний раз блеснула вспышка.

— Мне все это кажется сном... — сказал он задумчиво.

— Я вас понимаю... — прошептала Алена.

Было в ее голосе что-то такое, что Северсон невольно обернулся и впервые посмотрел в большие черные глаза девушки. Они были теплые и искривленные.

Глава XI

«Домой, домой!»

С прогулки домой Северсон вернулся тоже вертолетом, его провожала «девушка с Луны», Алена Свозилова.

— Спокойной ночи!.. До встречи в Праге!.. — крикнула она из окна вертолета, когда тот, высадив Северсона на крыше института Тарабкина, поднялся в воздух. Машина начала удаляться, превратилась в одну из летающих звезд над большим освещенным городом. Потом исчезла и звездочка. И только тогда Северсон оторвал взгляд от неба.

«До встречи в Праге!» — звучало в его ушах, когда он спускался на лифте.

«До встречи в Праге!» — еще слышалось ему, когда он вошел в свою комнату.

Северсон поднял штору, открыл окно, посмотрел вдаль. В голове суматошным роем пробежали события этого беспокойного дня, и все впечатления возвращались ярче и сильнее, чем были, но их не хотелось анализировать. Странная тоска сжала его грудь. Он сам не знал, откуда появилось это не известное до сих пор чувство печального беспокойства.

Северсон сел к письменному столу, автоматически вынул из ящика лист бумаги и перо.

«Милый Альберт...» — написал он дрожащей рукой. Зачеркнул оба слова, скомкал бумагу. Снова протянул руку к ящику. Вытащил еще один лист и задумался, глядя на его белую поверхность.

Кому писать? Кому раскрыть свою душу?.. Он теперь один-одинешенек на белом свете — покинут старыми друзьями, а рядом с новыми — до смешного, жалок...

Северсон встал, несколько раз прошелся по комнате. Снова вернулся к столу. Он хотел избавиться от сумятицы мыслей и чувств, довериться хотя бы бумаге.

«...Мне трудно... — писал он торопливо. — Ничего не понимаю. Чувствую себя жалким муравьем, который из земного праха смотрит на человека-великана... Великан ласков и любезен со мной, но я его боюсь. Он обладает страшной силой. Мне кажется, что у него длинные руки, которыми он обнимает весь земной шар, как мяч, и с легкостью дотягивается до Вселенной. Он неограниченно царит и там, где я когда-то потерял жизнь в бою с природой. Наконец и мою жизнь он вырвал из объятий смерти, заставив ту уступить.

Живу рядом с великаном, который не знает преград, не испытывает головокружения ни от высоты, ни от скорости. По его милости живу в сказочном городе, который смело можно сравнить с раем... И все-таки я его боюсь.

Легко привыкаешь к хорошему, и трудно возвращаться к плохому. Будет ли у меня когда-нибудь достаточно сил, чтобы бороться с судьбой?

Когда-то я мог смело встать в первые ряды, а теперь я — последний из последних, самый ничтожный, глупее де-

сятилетнего мальчишки. Как много я проспал, как безжалостно пролетело время над моей головой! Но я не хочу жить чужими милостями. Я должен вернуться домой и начать все заново! Либо догоню современного человека, либо...»

Последнее слово превратилось в резкий росчерк, похожий на молнию. Северсон бросился на постель и зарылся головой в подушку. Вдруг он вздрогнул: пальцы ощутили холодный листок бумаги.

Поднес его к глазам. Письмо...

Быстро перечитал написанные красивым почерком строки.

«Не сердитесь на меня, друг, что я не дождалась Вашего возвращения. Сегодня мы с Тарабкиным проводим тяжелую и ответственную операцию. Зато завтра я буду с Вами целый день. Надеюсь, что у Зайцевых Вам понравилось. Если будет что-то нужно — звоните. Желаю Вам приятных снов! Доброй ночи!

Наташа»

Северсон сел на край кровати, задумался. И так, Наташа не спит. Тарабкин также.

«Нет, не буду ждать утра, все скажу им сейчас!» — решил он вдруг и выбежал из комнаты в полуосвещенный коридор. Беспомощно остановился, не зная, в какую сторону идти.

«Конечно, кабинет Тарабкина где-то дальше, потому что иначе я бы чаще встречал его здесь...» — подумал Северсон и направился на нижний этаж. Но этим он ничего не добился. Нигде ни малейшего признака жизни. Металлические цифры на дверях молчали, оберегая скрытые за ними тайны.

«А зачем этот разговор? — пришло в голову Северсона. — Просто надо бежать прочь!»

Он начал быстро спускаться по лестнице, однако тремя этажами ниже остановился на площадке.

Куда убежишь без денег?.. Как проскользнуть в городе, если почти каждый знает его в лицо и сразу поймет, что видит перед собой беглеца?.. И что сказать, если случайно встретишься с кем-нибудь в вестибюле?

Лихорадочный взгляд Северсона упал на ряд мраморных табличек с золотыми надписями:

Лаборатории — 1548-56
Академик Тарабкин — 1547
Операционные залы — 1557-60

«Какой я дурак!» — усмехнулся он вскользь и шагнул к длинному коридору.

Вот на дверях мелькнула табличка с цифрой 1547. Северсон легонько постучал, а когда никто не откликнулся, потянул за ручку. Не заперто.

В большом полуосвещенном кабинете никого нет. Только развернутая книга на рабочем столе и наполовину испи-

санный лист бумаги рядом с ней свидетельствуют, что недавно здесь кто-то сидел.

Северсон хотел быстро вернуться назад, чтобы его не заподозрили в недобрых намерениях, но перепутал двери и попал не в коридор, а в лаборатории.

Здесь, залитые голубым светом, сверкали расположенные двумя длинными рядами стеклянные резервуары. На каждом из них было закреплено по несколько аппаратов, напоминавших микроскопы.

Незванный гость какое-то время колебался, но потом любопытство победило. Он подошел к одному из аппаратов, припал к мягкой манжете бинокюляров. Затаив дыхание, посмотрел на странное движение в поле зрения прибора.

В мутноватом растворе проползало расплывчатыми облачками какое-то неоднородное вещество. Внезапно оно начало собираться в прозрачные шарики.

Северсон обратил внимание на один из новообразованных шариков. Казалось, он повис посреди раствора, но его внутреннее строение быстро менялось. В загадочном тельце начали появляться маленькие зернышки; внешняя оболочка растягивалась и сморщивалась; шарик вырастал, увеличивался, растянулся в восьмерку и... разделился пополам.

Только теперь Северсон понял, что происходило у него перед глазами: в растворе, из неоднородного студенистого вещества, образовывались живые клетки, которые затем начинали делиться.

Он задумался.

«*Omnis cellula e cellula!*» — «Каждая клетка из клетки!» — вспомнил он любимое выражение старого преподавателя биологии.

Нет, учитель был явно неправ: в резервуаре клетки возникают вовсе не из клеток. Неужели же люди научились создавать жизнь из мертвой материи?! А может, в аппарате происходит что-то совсем другое?..

Северсон оторвал глаза от окуляров и испуганно оглянулся. Он так погрузился в наблюдения, что даже забыл,

почему, собственно, здесь оказался. Сейчас ему показалось, что кто-то зашел в комнату и смотрит на него.

Но в помещении никого не было. Безлюден был и соседний зал.

Северсон на минуту задержался у большой стеклянной призмы, заинтересовавшись ее сложным устройством. Ему даже и в голову не приходило, что именно здесь у него начало биться сердце и что в таком же термостате недалеко отсюда маленький пузырек воздуха убил неандертальца, который уже начал возвращаться к жизни.

Необычность обстановки не воодушевляла, а подавляла Северсона, напоминала о неопределенности его собственного положения в незнакомом мире. От мрачных мыслей не удавалось избавиться; они вызывали в сердце мучительную тоску.

Гонимый желанием встретиться хоть с кем-нибудь, Северсон, уже не разглядывая ничего вокруг, быстро шел анфиладой лабораторных помещений и остановился только тогда, когда услышал голоса.

Он заглянул в щель приоткрытых дверей. Перед ним был большой, ярко освещенный, почти пустой зал. Вдоль его стен стояло несколько стеклянных шкафов с аппаратами, а посередине — операционный стол, окруженный группой врачей с масками на лицах. Двое из них сидели возле приборов и внимательно следили за экранами, на которых через равные промежутки времени перебегали ярко-зеленые причудливые линии.

— Сердце работает нормально... — раздался голос Наташи Орловой.

— Температура?.. — спросил академик Тарабкин.

— Тридцать восемь и три...

— Ну и доставил нам хлопот этот паренек! — вздохнул кто-то с облегчением. — Тоже мне исследователь: братья за такой эксперимент!

— А разве мы с вами были не такими? — засмеялся Тарабкин. — Ну, ничего: все в порядке. Сердце выдержало, ожоги зажили... Вот что, друзья: идите-ка отдохнуть. Со мной

возле пациента останется только Наташа. В четыре утра нас сменят Роберт и Андрей.

— Вместо вас останусь я, товарищ академик. Вы не спали прошлой ночью! — произнес один из врачей.

— Я уже привык, да и спать мне надо меньше, чем вам, молодым, — возразил Тарабкин. — Идите отдыхайте спокойно!

Услышав это, Северсон быстро спрятался за аппаратами, чтобы его кто-нибудь не заметил. Но его опасения были напрасны: врачи, видимо, вышли через другие двери.

Долгое время длилась пауза, а потом Тарабкин спросил:

— Почему вы сегодня такая молчаливая, Наташа?

— Молчаливая?.. Да нет, я просто задумалась. Собственно, вспомнила Северсона. Он, наверное, спит сейчас мертвым сном. Да это и не удивительно. Недавно он знакомился с новой жизнью только с помощью телевизора, а теперь вступил в нее самостоятельно. Хотела бы я знать, как влияет на него все увиденное и услышанное, но он такой неразговорчивый..

— Как и каждый житель Севера... — сказал Тарабкин. — Не надейтесь, что он сразу же будет испытывать радость. Пока что он только зритель, даже когда ощупывает все собственными руками. И я опасаясь, что в новую жизнь он вступил слишком решительно.

— Почему вы так думаете?

— Мир за эти годы очень изменился, Наташа. Мы к этому привыкали постепенно, а он попал в будущее неожиданно, видит только внешнюю сторону вещей, а вглубь — не заглянул. Он не знает смысла того, что происходит вокруг; еще не понимает, что техника, которая ошеломила его, не кумир для нас, а слуга. Вспомните, что он говорил вам на электростанции. Боялся, что не сумеет прожить; что его никто не возьмет на работу, потому что он не знает новых машин... Мы должны развеять этот его страх, помочь человеку почувствовать уверенность в собственных силах... Как это сделать — не знаю...

Еще помолчали. Потом Наташа спросила нерешительно:

— А может, следует посмотреть, как он там?

— Да, да, Наташа, бегите... — согласился Тарабкин.

Для Северсона настал момент, когда дальше тянуть уже было нельзя. Он подошел к двери, постучал.

— Войдите! — сказал Тарабкин. — О, это вы?.. Каким ветром?! Мы только что беседовали о вас, и Наташа пошла посмотреть, как вам спится...

— А ее нельзя вернуть? — забеспокоился Северсон. — Она испугается, если не найдет меня в комнате.

— Нет, нет. Она подумает, что вы все еще гостите у Зайцевых... Но что с вами? У вас очень плохой вид...

— Я пришел попросить... хотел вас попросить... — смущенный Северсон не мог подыскать нужных слов. — Не сердитесь, что я беспокою вас ночью... Не считите это за неблагодарность: мне нравится у вас, но...

— ...Но родина остается родиной, не так ли? — улыбнулся Тарабкин. — Догадываюсь, что вы хотели сказать мне именно это. Ну, что же — я собирался навестить вас завтра утром и сообщить, что лечение закончилось раньше, чем мы думали. И в этом нам очень помогли вы сами. Вы — стойкий парень... Расстаюсь с вами неохотно — ведь вы же немножко и мой сын. Но что поделаешь: «Домой, домой зовет дорога!» — как сказал когда-то старый китайский поэт.

На видеофоне, рядом с операционным столом, мигнул красный свет, и на экране появилось озабоченное лицо Наташи Орловой:

— Что делать?.. Северсон снова исчез...

— ...И ждет вас здесь. Он хочет попросить, чтобы вы помогли ему подготовиться в дорогу. Завтра утром вы вдвоем вылетаете в Норвегию...

Северсон уже давно спал спокойным сном, когда Наташа подала Тарабкину копию отчаянного «письма в прошлое». Академик покачал головой:

— Я понял его состояние сразу же, как только он вошел в дверь. Думаю, что путешествие на родину будет для него лучшим лекарством. Правда, его ждет некоторое разочарование, но только там он сможет найти самого себя... Нам надо, хотя бы сейчас, исправить свою ошибку...

— Ошибку? — пожала плечами Наташа.

— Да. Нельзя было оставлять пациента в одиночестве. Мы должны были дать ему компаньона с той самой минутой, когда он пришел в сознание. А возможно, ему еще лучше дышалось бы в обществе многих людей. Одиночество — плохой друг, а еще худший советчик. Вслед за ним приходят мрачные мысли, а иногда и отчаяние. Особенно у людей, которые не видят перед собой ясной цели.

Глава XII

Возвращение

Красивый серебристый ракетоплан, мягко покачиваясь, помчался по длинной стартовой дорожке, легко взмыл в воздух и, описав круг над аэродромом, начал набирать высоту.

Дворцы Москвы стали отдаляться, уменьшаться. Город застилала пелена облаков. Светлая голубизна неба синела, превращалась в индиговую, пока, наконец, совсем не потемнела. На небосклоне проступили звезды. Одновременно в кабину через иллюминаторы заглянуло золотое солнышко.

— На этой высоте небо всегда черное, — ответила Наташа на немой вопрос Северсона. — Воздух здесь такой разреженный, что солнечным лучам не от чего отражаться... А взгляните-ка на горизонт! Даже самые недоверчивые от-

бросили бы здесь сомнения в том, что наша Земля — круглая...

Детали на поверхности планеты постепенно размывались, исчезали. Все внизу закрыла сплошная пелена облаков. Может, именно поэтому пропало всякое представление о скорости движения самолета; казалось, он просто висит среди безграничного пространства и только чуть-чуть вибрирует от работы двигателей.

Прошло совсем немного времени, и ракетоплан начал снижаться.

— Промежуточная остановка? — спросил Северсон.

— Нет, приземляемся в Осло.

— Так быстро?.. Значит, Митька был прав... Только нет, это не Осло! — воскликнул он, когда ракетоплан прорвал завесу облаков над аэродромом. — Я этот город знаю как свои пять пальцев!

— Уверяю вас, это действительно Осло, — улыбнулась Наташа. — Правда, немного изменившийся за годы вашего отсутствия.

На аэродроме путешественники пересели на вертолет и продолжали свое путешествие над побережьем, изрезанным многочисленными фьордами.

— Я вот думаю, — нарушила молчание Наташа, — не лучше было бы предупредить жителей Ярлсберга, что вы прилетите? Встреча могла бы быть более радостной для вас.

— Наоборот, Наташа, я рад, что прилетаю инкогнито. Не люблю торжественных речей, а к тому же возвращаюсь домой не как победитель, а как побежденный.

В его голосе звучала глубокая печаль. Что могла сказать Наташа? Как успокоить человека, который возвращается в родную страну, где уже нет ни близких, ни друзей? Слова здесь излишни.

Северсон переходил от окна к окну и горящими глазами следил за проплывавшей далеко под ними родной землей. Городки и деревни казались ему более красочными и веселыми, пустынная тундра — зеленее. Хвойные леса на диких скалах звали его вернуться назад, в детство. Ему казалось, что даже сюда, на пронизанную солнечным светом высоту, долетает знакомый шум горных ручьев.

На горизонте, над голыми вершинами Скандинавских гор, вырисовывался снежно-белый шпиль Галлхёпигтена, вдали блестела морская гладь.

— Взгляните, Наташа, налево! Там — Берген! — по-мальчишески радостно воскликнул Северсон. — Я знаю здесь каждую вершину, каждый островок. Справа от нас — Гаупне и Лейкангер. Нам надо лететь на Гулен, а затем вдоль побережья до устья Сегне-фьорда.

Вскоре вертолет приблизился к группе небольших островков.

— Не можете ли вы лететь чуть ниже? — попросил Северсон пилота. — Что-то я не узнаю родного края.

Островки действительно очень изменились. Когда Северсон видел их в последний раз, на них лишь кое-где чернели лачуги рыбаков. Теперь эта местность напомнила Северсону московский Парк культуры и отдыха. Соединенные мостами острова пересекали во всех направлениях улицы-аллеи, вдоль которых среди зелени сверкали красивые дома.

— Куда же делись рыбаки? — удивился Северсон. — И отсюда их вытеснили богачи?

Наташа молча улыбнулась, а он продолжал сокрушенно:

— Наши рыбаки были люди порядочные, честные... Вот на этом острове жил старый Фритьоф Эльвестад. Мы, мальчишки, часто его навещали. Это был такой философ из народа — говорил мало, зато мудро...

Северсон покачал головой и попросил пилота:

— Прошу вас, приземлитесь... Видите ту долину под скалами?..

Вертолет начал медленно снижаться, приближаясь к скалисту берегу.

— Отсюда до нас час ходьбы. Не хотите ли пройти пешком, Наташа?

— Охотно пошла бы с вами, но меня ждут. Профессор Иохансен из Фарнеса попросил помочь ему провести один эксперимент. Тем временем вы осмотрите родной край, а вечером встретимся у врача Галльстрема. Вы его легко найдете, здесь его все знают. Прошу, не забудьте передать ему письмо от академика Тарабкина... Если позволите, я возьму ваши вещи с собой. Вам легче будет идти.

* * *

Как только вертолет исчез за каменной стеной фьорда, Северсон повернулся лицом к морю и сел на большой замшелый камень. Он смотрел на кудрявые барашки волн, и его сердце постепенно успокаивалось.

Отчизна! Родной край!

Все было таким же, как и прежде. Грозные валы набегали на прибрежные скалы, с грохотом обрушивались на них и, отброшенные, катились назад, сталкиваясь со следующими. Над скалами возвышались искривленные сосны, заглядывавшие в ущелье, которое оставалось таким же романтичным и красивым, как и тогда, когда Лейф бродил здесь с ребятами. Только ведущая вверх тропа за это время превратилась в хорошую дорогу. Северсон еще раз оглянулся на море и решительно направился по ней.

За первым поворотом показались «карлики». Да, они на том же месте, не изменились. Причудливая группа скал все еще напоминает праздничную гулянку гномов. Только присмотришься внимательнее, сразу же увидишь, как их лица начинают улыбаться, шевелиться. Самый маленький гном с досадой смотрит на море, где, по древней легенде, викинги отобрали у него лодку... Другие скалы тоже не остаются немymi. Острые тени от солнца вдохнули в них жизнь. Бла-

годаря игре света и теней на обрывистой каменной стене проступает иссеченное ледяными ветрами лицо Амундсена...

Северсон вздрогнул, моргнул. Созданная разбушевавшимся воображением картина расплылась, разбилась на отдельные светлые и темные пятна.

— Родной край... — Северсон вздохнул и направился дальше.

Теперь дорога вилась по узкой долине над шумным горным ручьем. Он журчал и бурлил, яростно бил о гранитные берега, мчался через скалистые пороги к морю. Этот ручей нес первый привет из родного поселка.

«Еще один поворот, — думает Северсон, — и я увижу дом художника Абильтгаарда».

Его домишко, скрытый в густом кустарнике, всегда привлекал мальчишек своей таинственностью. Старенький дедушка Абильтгаард ходил по окрестным селам, предлагая свои картины. Люди ничего не покупали у него, зато давали ему милостыню, как нищему. Он брал ее с детской улыбкой: «Спасибо, Спасибо! Теперь у меня будет на что купить краски!» Но все знали, что он уже давно не рисует, а на те деньги купит хлеба и солонины, чтобы не умереть с голоду...

Однако в просвете между столетними соснами появилась не халупа, а большая современная вилла со стеклянной крышей. Северсон остановился перед ней и долго стоял задумавшись. Вскоре в окно выглянул улыбающийся мужчина с маленькой козлиной бородкой и приветливо махнул рукой, будто приглашал войти...

Это был не старик Абильтгаард. Это был кто-то чужой. Новый житель глухого уголка чудесной долины.

Северсон смущенно опустил глаза и быстро пошел дальше.

Сразу же за следующим поворотом глазам путника открылась широкая долина. Да только все в ней было необычное, новое. Куда делись старые почтенные строения? Откуда взялись виллы и многоэтажные здания?

И все же он дома. На этом холме, бывало, он сидел по вечерам с друзьями. А в лесу, над холмом, лазил по соснам, выискивая там совиные гнезда. Ох и доставалось же ему за это от матери!

Горы и лес не изменились. Но вот на этом месте стоял совсем другой дом. В обшарпанной лачуге здесь доживали свой век бедолаги, что оставались на белом свете без родных и имущества. Некоторые из них, правда, уверяли, что имеют сына или дочь в Америке, где им, мол, хорошо живется. Однако почтальон всегда проходил мимо приюта, не обращая на него внимания. И старикам оставалась единственная радость: напрасные надежды, с которыми они и уходили в могилу...

Северсон свернул с главной дороги и направился по тропинке между кустов к небольшой рощице среди скал. Здесь он знал каждый камень, ведь эта тропа вела к его родному дому.

Когда среди деревьев показался старый, типично северный дом с высокой трубой, у Северсона засияли глаза. Он бросился вперед, потом остановился.

Старый домик остался таким же, каким был тогда, в 1927 году, когда Северсон был здесь в последний раз.

И грустно, и радостно человеку, который пришел на свидание со своей юностью, с прошлым, которое уже никогда больше не вернется.

Кто живет в тебе, старый дом? Как и прежде, старательно ухожен палисадник, будто и сегодня поработал в нем заботливый отец. И в ящиках под окнами смеются цветы...

В этот момент взгляд Северсона упал на мраморную доску над дверью. Выбитые на ней золотые буквы рассказывали, что в этом доме родился и прожил свою молодость верный соратник Амундсена, героический борец с ледяными просторами, который отдал свою жизнь служению человечеству и науке. А внизу доски свежая приписка: «...и был возвращен наукой к жизни и человечеству».

Вновь и вновь читает Северсон надпись. Радостно и тоскливо сжимается у него сердце; ему трудно поверить, что это написано о нем; как не верится и в то, что он дей-

ствительно пролежал долгие десятилетия во льдах Арктики.

И не замечает он, что на него уже давно с порога ласково, с интересом смотрит седовласый старик.

— Ну, здравствуй, Лейф!

— Здравствуйте... — Северсон вздрогнул, взглянул на дедушку.

— Заходи, милый мальчик... Я давно уже жду тебя...

Старик взял гостя за руку, повел к дому. Северсон шел за ним, как в полусне. Но вот он опомнился:

— Скажите, откуда вы узнали, что я приеду?

— А куда бы тебя повела твоя первая дорога, как не домой? — улыбнулся дедушка. — Отдохни после путешествия, а я тем временем слетаю вниз, в городок, и привезу чего-нибудь поесть...

— Спасибо, дедушка! — искренне сказал Северсон, тронутый не столько словами, сколько интонацией старика. — Только очень прошу: никому ни слова! Не рассказывайте о моем приезде. Все равно меня тут уже никто не знает...

Дедушка ушел. Северсон остался один.

Старый буфет стоит там же, где и стоял, — только статуэтки и посуда расставлены немного иначе. В простенькой гостиной все дышит древним семейным уютом. Правда, стена напротив окна превратилась в галерею семейных фотографий. В центре висят три больших портрета: отца, матери и молодого Лейфа.

Северсон сел за тяжелый дубовый стол и пробежал глазами по резным стульям. Здесь он сидел когда-то в кругу семьи.

Воспоминания вдруг будто оживают. Ему показалось, что стол снова празднично накрыт. Отец поднимает бокал: «Итак, за дальнейшее продвижение по службе, дорогие друзья!» Да и почему же не выпить: младший чиновник занял наконец место, к которому так долго стремился.

Отец не привык пить: после третьей рюмки у него уже заблестели глаза.

— Ешьте и пейте, наступили лучшие времена! — восклицает он радостно.

Однако мать поглядывает озабоченно. Наклоняется к отцу и шепчет, — увы, слишком громко: «Сегодня празднуем, а завтра, возможно, опять затянем пояса... Ведь плата увеличилась ненамного. Лишь настолько, чтобы не брать каждый раз в долг...»

Некоторые из гостей услышали эти слова. Улыбки тускнеют на их лицах. Какое-то время они еще веселятся для приличия, а после по одному начинают прощаться: пора, мол, домой; их еще ждет много дел...

Это тяжелые воспоминания. Северсон пытается их прогнать. Он встает и идет к окну.

«Как там поживает мой дубок? — приходит ему на ум. — Не погиб?»

Возле груды камней высоко поднял свою крону могучий раскидистый дуб.

«Сколько времени прошло с тех пор, как я тебя, слабенького, бережно выращивал?.. Мы остались здесь вдвоем, вокруг нас все изменилось...»

Крона дерева тихо шумела, словно хотела поговорить со своим давним другом. Торжественную тишину дня нарушало только чириканье воробьев, затеявших какую-то ссору.

Северсон сел в траву, опершись спиной о ствол. Здесь, летними вечерами, они часто сидели с отцом, молча поглядывая на убогое село и долину под ними. Лейфу она казалась слишком тесной; он стремился улететь в неведомые дали, чтобы бороться и побеждать. А отец мечтал о том, как было бы хорошо, если бы он и все его соседи разбо-

гатели и могли бы жить хотя бы так же зажиточно, как фермер Вестерсен...

Но как они могли бы разбогатеть?.. Край бедный, жизнь тяжелая...

И вот теперь здесь раскинулся поселок с роскошными виллами. Ярлсберг превратился в город.

На асфальтированной дороге, что вела из центра поселка к холму, появилась какая-то удивительная машина. Она имела элегантные обтекаемые формы и ехала совершенно беззвучно. Присмотревшись внимательнее, Северсон заметил в ней своего нового знакомого.

Остановив машину перед домом, старик занес в дом несколько пакетов и подошел к гостю.

— Ну, сынок, как тебе нравится родина? Расцвела, как девушка на выданье, не правда?

— Действительно, расцвела, дедушка. С трудом ее узнал... А чей это роскошный дом в центре поселка?

— А чей же — конечно, наш.

— Ваш?.. Простите, а как...

— Да уж, — засмеялся дедушка. — Я же даже не представлялся. Я — Олафсен.

— Олафсенов я знал хорошо... — вспоминал Северсон. — Они жили на краю села, возле ручья. С Альбертом Олафсеном я учился в Осло. Однако Олафсены не были богатыми. У них было много детей, это правда...

— Самым младшим из тех детей и был я, — улыбнулся дедушка. — А видишь, я богат, и не только я, а все в нашем городе. Видимо, мы не поняли друг друга относительно того дома. Он принадлежит не мне или моей семье, а всем в городе. Это — наш Дом культуры... А это снежно-белое здание с солнечными окнами на противоположном склоне — наш Дом здоровья, то есть больница, как раньше говорили. А тот розовый дом возле входа в Бьорнсонову котловину — пионерский дворец наших малышей... А теперь посмотри на Йотунский холм. Что ты там видишь?

— Кажется, там стоит обсерватория...

— Да, наша народная обсерватория. Люди теперь просто влюблены в астрономию. Мои внуки ходят туда каждую субботу вечером.

— А это что за большое стеклянное здание?

— Это наш новый, полностью автоматизированный текстильный завод.

Северсон сорвал стебелек травы, надкусил его кончик.

— Я все-таки не понимаю, откуда вы взяли деньги на такие дорогие здания? Одолжили их в банке или у какого-нибудь миллионера из Осло?

— Что ты, сынок?! Ни на банк, ни на миллионера нельзя было бы положиться. Пока были господа, солнышко нам не очень-то светило. Они заботились только о том, чтобы было хорошо им... Тайна нашего богатства кроется в другом. Скоро ты ее увидишь воочию... Но это — позже. А сейчас пойдем и выпьем по рюмке в честь твоего возвращения.

Северсон не заставил себя долго приглашать.

Глава XIII

У источника богатства

Сразу же после обеда Олафсен предложил Северсону осмотреть знакомые места.

— Эта машина — ваша?.. То есть я имею в виду — ваше личное имущество? — спросил Северсон, усаживаясь в кабину небольшого красивого автомобиля.

— Да, моя! — гордо ответил дедушка Олафсен. — Я получил ее как премию.

Старик сел за руль, нажал какую-то кнопку, и машина, набирая скорость, помчалась вперед. Как ни напрягал слух Северсон, характерного рокота мотора он не услышал.

— Скажите, а почему двигатель работает так тихо?

— Обычное дело, сынок, — улыбнулся дедушка. — Это у меня электромобиль.

— Значит, он берет энергию из аккумуляторов?

— Только на второстепенных маршрутах. А на главных — из кабеля, проложенного под землей.

— Но автомашина не имеет контакта с кабелем... Разве уже научились передавать электричество на расстояние без проводов?

— Конечно. Радиостанции делали это еще во времена твоей молодости: излучаемую ими энергию перехватывали приемные антенны. В наших электрических дорогах просто проложены высокочастотные кабели, которые индуцируют ток в специальных катушках машины. Это — не последнее слово техники. В Москве, Праге и в других городах, где развитие пошло дальше, чем у нас, уже начинают выпускать автомашины с атомными двигателями.

Северсон задумался:

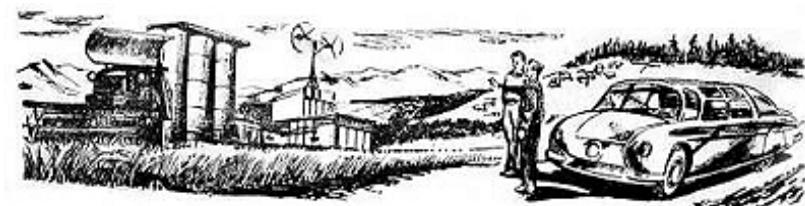
— Как вы понимаете это «дальше, чем у нас»?

— Я имею в виду развитие человеческого общества. В Москве и в Праге, например, по пути социализма пошли раньше, чем мы. У них уже коммунизм, у нас еще социализм. Но мы, конечно, их догоним.

Северсон промолчал. «Коммунизм», «социализм» были известны ему со времен его первой жизни как сложные политические термины, которые скорее определяли убеждения определенной группы людей, чем говорили об общественном устройстве. То, что для дедушки Олафсена было близким и известным с детства, для Северсона только раскрывалось, рождая десятки вопросов. Но спрашивать не хотелось. Все, все надо посмотреть собственными глазами. Увиденное до сих пор — радует. И все же спешить с выводами не следует.

Решив так, Северсон еще пристальнее присматривался ко всему вокруг. Академик Тарабкин был прав: гость из прошлого не торопился ликовать, пока он был только зрителем.

Вскоре автомашина выехала из городка, поднялись на скалистый перевал и остановилась на краю холмистой горной равнины. Северсон знал ее хорошо: раньше здесь были пастбища.

С тех пор равнина очень изменилась. Бывшая пустошь превратилась в цветущий край.

— Выйдем на минутку? — спросил дедушка Олафсен. — Вижу, что ты поражен.

Северсон молча кивнул головой. Вышел из машины. Медленно обвел глазами пейзаж.

Золотые нивы волновались под ветерком; по ним перебежали мерцающие тени, — так, будто кто-то гладил бархат против ворса. На склонах паслись стада коров и отары овец. Всю равнину пересекали полосы садов. В центре этого живописного края стоял ряд больших продолговатых строений.

— Как видишь, сынок, тайна нашего богатства очень проста: совместная работа, без притеснения и эксплуатации помещиками и банкирами...

— Но здесь была совершенно неплодородная почва...

— Действительно, когда-то наша земля была бедна, сынок. Но недаром же говорят: как посеешь, так и имеешь... Вот посмотри только, какую чудесную пшеницу мы вырастили... Видел ли ты такую во времена своей юности?

— По шесть колосьев на одном стебле?! — удивился Северсон, когда подошел ближе.

— Да! — гордо ответил Олафсен. — И это не какое-то там уродство. Это — выведенная нами очень урожайная шести-колосковая пшеница... Мы выращиваем и выводим совершенно новые виды растений и животных.

— Мне все это кажется сказкой. Вы научились творить чудеса!

— Нет, сынок, здесь нет никаких чудес. Мы лишь овладели наукой, которую дал человечеству великий русский

ученый Мичурин... — Олафсен показал рукой. — В доме, который ты видишь перед собой, находится наша исследовательская станция, где мы проверяем новейшие открытия науки и неутомимо стараемся улучшить местные виды растений и животных. Недавно нам удалось вывести новую породу высокоудойных коров...

«Социализм... — промелькнула мысль в голове Северсона. — Значит, и эти научные исследования в поселке, который когда-то был самой глухой провинцией, тоже следствие социализма?»

В Москве он увидел настоящие чудеса, но не ожидал, что такие же глубокие, коренные изменения произошли и на его родине. Теперь дедушка Олафсен своим рассказом пробудил в нем чувство приподнятости, веры в своих соотечественников, веры в себя.

Северсон никогда не чувствовал особой склонности к сельскому хозяйству, но и его поразило все увиденное. Опытная станция была настоящим научным учреждением: животноводческие автоматизированные фермы; хитроумные автоматические машины на полях, — это такие достижения, о каких не мог даже мечтать тот богач Вестерсен, которому в свое время завидовал отец Лейфа!

Экскурсия была так интересна, что Северсон совсем забыл о времени. И только когда солнце начало клониться к закату, он вспомнил про условленную встречу с Наташей Орловой.

— Не знаете ли вы случайно, где живет врач Галльстрем? — спросил он Олафсена. — Я должен передать ему письмо от академика Тарабкина.

— Конечно, знаю. Думаю, что он уже дома.

Еще наступили сумерки, когда автомашина дедушки Олафсена тихо подъехала к вилле врача Галльстрема. Навстречу гостям вышел статный мужчина лет пятидесяти. Он тепло и дружелюбно поприветствовал Северсона, пригласил в гостиную.

Прочитав письмо, Галльстрем пододвинулся со своим креслом ближе к гостю, взял обеими руками его руку:

— Академик Тарабкин просит меня заботиться о вашем здоровье... будете ли вы доверять мне так же, как доверяли ему?

— Не знаю, заслуживаю я вообще такого внимания, — смущенно ответил Северсон. — А к тому же неизвестно, найду ли я здесь работу и смогу ли столько заработать, чтобы рассчитаться с вами...

— Лечение у нас бесплатное, — улыбнулся Галльстрем. — А найти работу я вам помогу.

— Вы берете на себя очень большие обязательства, — покачал головой Северсон. — Я слишком много проспал и ничего не знаю.

— Ученые с неба не падают, и даже теперь дети не рождаются с высшим образованием. Если упорно возьметесь за учебу, — все наверстаете, овладеете всеми нашими тайнами.

— Учиться — хочу. Но с чего начать? Вся современная наука и техника для меня — китайская грамота. Мне кажется, что я провалился бы и в начальной школе.

— Дело не так плохо, как вам кажется. В свое время, в Лондоне, вы получили неплохое образование. На его базе сможете продвигаться дальше. Основы остались неизменными, наука только развивалась вглубь и вширь... — Врач встал, открыл дверь в соседнее помещение. — Вот — книги. Они к вашим услугам.

Северсон обвел жадным взглядом длинные шеренги книжных шкафов.

— Можно посмотреть?

— Прошу, без каких-либо церемоний. А я с женой сейчас приготовлю ужин, поэтому покину вас на часок.

Северсон зашел в комнату, вытащил наугад одну из книг. Это был трактат об анабиозе и оживлении животных.

Бывшему летчику, конечно, трудно было разбираться в специфических терминах, которыми изобилует текст монографии, и все же он настойчиво вчитывался в строки и даже понимал их!

Неизвестно, сколько бы он так читал, если бы в комнате вдруг не раздался знакомый голос:

— О, наш пациент уже начал читать! Не рановато ли?

Северсон быстро поднял голову. В дверях возле Галльстрема стояла улыбающаяся Наташа.

«Может, она здесь уже давно? — вдруг пришло ему в голову. — А позволила она мне пойти пешком только для того, чтобы везде опередить меня и предупредить Галльстрема и весь Ярлсберг о моем приезде?»

Наташа лукаво улыбалась.

Глава XIV

Приглашение

Было уже далеко за полночь, когда в кабинет академика Навратила на двенадцатом этаже Института физики в Праге вошла «девушка с Луны», Алена Свозилова и, положив на стол большой картонный футляр, тихонько села в сторонке.

Академик даже не пошевелился. Конечно, он заметил девушку, но не имел права расплыть свое внимание: в эти секунды он лихорадочно манипулировал кнопками электронно-вычислительной машины.

И вот, наконец, стихло легкое жужжание; машина закончила сложные вычисления и выбросила в прорезь карточку с результатом. Академик Навратил переписал цифры в блокнот, вздохнул с облегчением, расправил плечи и, в знак приветствия, улыбнулся Алене. Она ответила ему тем же, нисколько не обижаясь, — таков был стиль отношений между ними.

— Замечание Чан-су дельное... — сказал академик так, будто и не было почти двухнедельного перерыва в беседе. — Один ум хорошо, а два лучше. Траекторию следует изменить по его предложению... А что у вас?

— Зайцев сдержал слово! — победно улыбнулась Алена. — Я хороший дипломат, ведь правда?

Она развязала тесемки и сняла крышку с футляра. Осторожно вытащила свиток чертежей и густо исписанные листы бумаги. Расстелила их на столе, прижав несколькими, попавшимися под руку, предметами.

Академик быстро пробежал глазами чертежи и столбики цифр, его взгляд задержался на последних строках приложенного письма:

«...Это свидетельствует, что Ваше предложение — выполнимо. Проект атомной электростанции, который посылаю Вам, проверен многочисленными экспериментами.

Рад был бы принять участие в испытании на Луне, — не забудьте пригласить! Рассчитывайте на меня также и при реализации Вашего отважного и грандиозного проекта.

Ваш Петр Иванович Зайцев.»

Навратил склонился над большим, аккуратно выполненным чертежом.

— Взгляните, Аленка: электростанция просто безупречно дополняет наш проект!

— Ага, а взгляните-ка сюда! — победно протянула Алена исписанный формулами листок, — Петр Иванович отдает нам свое новейшее открытие! Энергия атомных ядер будет использована на семьдесят девять процентов!

— Не может быть! — вскочил Навратил. — Это — фантастика... А впрочем... — он сосредоточенно просматривал расчеты. — Да... так... Гм... Послушайте, да это же просто как в сказке!.. Вот что, милая девочка: спать вам сегодня не придется.

— Разве это впервой? — шутливо отозвалась Алена. — Всем в Праге известно, что академик Навратил не высовывает даже носа из лаборатории; более того, он потерял всякое представление о времени...

— Да, действительно... — Навратил задумался. — Какой сегодня день?.. Четверг?

Алена искренне рассмеялась:

— Ну, не правду ли я сказала?! Сегодня суббота, дорогой академик! Суббота, двадцать восьмого сентября...

— В таком случае до понедельника нам остается еще два дня. Как вы думаете, успеем ли за это время проработать весь материал и закончить проект?

Девушка немного смутилась:

— Вы хотели бы представить его на следующее пленарное заседание Академии?

— Я бы хотел, дорогая девчоночка, чтобы этот этап уже остался позади, — засмеялся академик. — Знаете, тяжело много лет таить в сердце свою мечту. Я не так флегматичен, как вам кажется: не забывайте, что я из словацкого Кийова и ожидание меня нервирует... Возможно, проект отклонят, и работать над ним дальше было бы напрасной тратой времени.

— Не могут отклонить! Проект, безусловно, осуществим. Но закончить его за два дня... — Алена заколебалась.

— ...не успеем? — договорил за нее Навратил. — Что это с вами случилось? Я не узнаю вас!.. Разве не делал наш коллектив значительно большее, даже в более короткие сроки? Если распределим задачи, то в понедельник утром все будет готово. Надо только взяться как следует.

На лице Алены вспыхнул румянец, проступивший даже сквозь загар.

— Не думайте, что я хочу бежать с поля боя перед решающей битвой. Но...

— Но?.. — академик посмотрел на Алену удивленно, а потом хлопнул себя по лбу: — Ах, да, я совсем забыл! Ждете гостя!

— Я — нет. Но Академия... — поправила она смущенно.

— Конечно, конечно. Я перепутал... Итак, Северсон прилетает в Прагу сегодня?

— Да, в полдень. По поручению Академии я должна проводить его в Академический городок... А впрочем, Академия пригласила Северсона по вашему совету... — добавила она укоризненно.

— Если бы не доктор Свозилова, я бы не додумался до такого гениального предложения. Боюсь, что это был первый шаг к тому, чтобы потерять свою лучшую сотрудницу.

— Вы упрекаете меня так, будто ревнуете! — обиженно сказала Алена. — Разве вы не знаете, какая для меня честь работать с вами?.. А Северсон... Да я всего несколько часов разговаривала с ним в Москве, а после этого мы даже не виделись...

— Ладно, ладно! — улыбнулся Навратил. — Вы не понимаете шуток. Вот что: принесите и проверьте ваш проект кухни — это займет у вас несколько часов. До двенадцати справитесь — ну и езжайте себе на аэродром. Большого от вас я все равно не потребовал бы.

* * *

Алена Свозилова сказала правду: после той случайной встречи в Москве они с Северсоном больше не виделись. Но девушка не упомянула о своей переписке с ним и о видефонных разговорах с врачом Галльстремом, которые касались исключительно состояния здоровья и самочувствия «человека из прошлого».

Вряд ли Алена сама могла сейчас разобраться в своих чувствах, поэтому никто, конечно, не имел права обвинять ее в притворстве. И все же девушке почему-то не хотелось рассказывать о тех письмах, которые она еженедельно получала от Северсона, не хотелось признаться, что в ней возникает чувство более сложное, чем обычная забота о судьбе малознакомого человека.

Северсон писал ей, что регулярно посещает Дом культуры и Производственный центр, познакомился и подружился со многими жителями нового Ярлсберга. Друзья приглашали его переселиться к ним, но он живет в своем родном доме на холме и хозяйничает сам. В его письмах очень часто упоминался дедушка Олафсен: старик остался ему верен и частенько заходит к нему поболтать.

Северсон писал скупо, немногословно, но девушка умела читать между строк. Из его слов о том, что он настойчиво изучает основы атомной физики и биологии, Алена поняла, что «человек из прошлого» постепенно превращается в человека современного, — с широким диапазоном интересов. Конечно, это были только первые шаги; Северсон, как никогда, нуждался в поддержке именно сейчас. Врач Галльстрем с присущей ему тактичностью направлял энергию Северсона в нужное русло, — именно его нужно было благодарить за то, что пациент постепенно полностью выздоравливал. Но кое-что сделала и Алена Свозилова. Это по ее инициативе Всемирная Академия наук пригласила Северсона на очередное заседание исторической секции, где должны были рассматриваться материалы, которые касались начала двадцатого столетия. Не говоря уже о том, что Северсон действительно мог подтвердить и дополнить факты, по которым не было прямого документальных свидетельств, участие «человека из прошлого» в таком заседании было бы очень полезным, потому что, возможно, впервые показало бы Северсону, что он может найти себе место в новом обществе.

Конечно, Северсон даже не подозревал, что о приглашении Академии известно Алене Свозиловой. Напротив, когда серебристый ракетоплан линии Осло — Прага приземлился на пражском аэродроме и к гостю подбежала Алена, он очень удивился:

— Вы здесь?! Как вы узнали, что я прилетаю в Прагу?.. Я нарочно об этом не писал, чтобы сделать вам сюрприз.

— А тем временем, сюрприз преподнесла вам я! — сказала Алена, протягивая ему руку. — Вы кого-то ищете?

— Да, я должен встретиться с представителем Академии наук.

Она улыбнулась:

— Этим представителем являюсь я.

— Вы?.. Каким образом?

— Волею судьбы! — пошутила Алена. — Вы разочарованы?

— Все нет, приятно удивлен.

— Но все же я хочу избежать официальности и быть просто вашим другом. Как вам нравится программа на сегодняшний день: во второй половине дня — осмотр города; вечером — концерт или опера. Согласны?

— Я вам очень благодарен. Уже давно мечтаю осмотреть Прагу.

Можно было воспользоваться автомобилем или побродить по улицам старинного города пешком, однако они решили вызвать аэротакси: с высоты птичьего полета открывается более величественная перспектива.

Вертолет неторопливо проплывал над парками и лесопарками, вытканными золотыми красками осени, иногда зависая над живописными уголками города.

— Эта часть Праги осталась без изменений, — показала Алена на Градчаны¹ и на Малу Страну². — Ее решили сохранить как исторический памятник. Сохранены все достопримечательности, дворцы и дома, имеющие художественную ценность. Некоторые из них стоят на своих местах, другие мы перенесли, чтобы достичь полной гармонии между старой и новой Прагой. Больше всего изменились те части города, где раньше на улицах не было ни солнца, ни зелени. Взгляните, например, слева, на тот склон. Это — Жижков³. Дворцы с башнями построены уже в атомном веке, и все же это никак не нарушает стиля нашей «Стобашенной Праги». Архитекторы об этом позаботились. Промышленные предприятия мы перенесли за город, чтобы в Праге освободилось больше места для парков.

— А что это за большое сооружение на холме? — показал Северсон на Петржин⁴.

¹ Бывший королевский замок в Праге. Теперь — резиденция президента ЧССР (*Здесь и далее прим. из исходного изд.*).

² Район г. Праги. Имеет вид средневекового города с замками бывших дворян.

³ Рабочий район г. Праги, где раньше жила преимущественно пражская беднота.

⁴ Район г. Праги.

— Это — наша гордость, памятник культуры чешского и словацкого народов. На строительстве работали выдающиеся художники, скульпторы, архитекторы, живописцы. Здесь собраны труды всех наших мыслителей, ученых, художников и писателей.

Прогулкам по городу отдали и половину второго дня, а потом Северсон с Аленой полетели в Пршеров, где размещалась Всемирная Академия наук.

Назавтра, в первой половине дня, в левом крыле главного дворца Академии было намечено заседание исторической секции, пригласившей Северсона. Во второй половине дня в главном зале должен был рассматриваться проект, который взволнует весь мир.

Но об этом проекте Северсон даже не подозревал.

Глава XV

Смелый проект

Главный зал Всемирной Академии наук переполнен до отказа. Прозрачные светло-зеленые занавесы на окнах делают солнечный свет приятным, рассеянным. Но он меркнет на фоне сияния скрытых за капителями колонн мощных люминесцентных ламп.

На трибуну поднимается академик Чан-су, руководитель Северной обсерватории Луны.

— Я хочу рассказать вам о результатах изучения сигналов с Проксимы, — говорит он и делает длинную паузу.

В него впились взгляды всех присутствующих. Академик Ватсон нервно теребит воротничок, академик Навратил гладит ладонью колено. Видно, что оба волнуются.

— Спор о природе сигналов из космоса, который возник между академиками Навратилом и Ватсоном, решен...

— Почему он говорит так медленно? Это меня раздражает! — прошептала Алена, склоняясь к Северсону.

— ...Теперь мы уже убедились, что Проксима или, вернее сказать, одна из планет, вращающаяся вокруг нее, посылает не отдельные сигналы, а настоящую, очень сложно промодулированную программу. С помощью специальных приемников нам удалось воспроизвести отрывки из этой программы... Пожалуйста, прослушайте их в прямой передаче из Южной обсерватории...

Чан-су нажал на кнопку. На большом серебристом полотне появилось изображение обсерватории. Перед сложным устройством с многочисленными экранами, спиной к зрителям, сидел человек с наушниками на голове.

Вот он покрутил несколько ручек. В громкоговорителях послышались сигналы, которые напоминали телеграфные знаки различной длительности и тона.

Вдруг сигналы превратились в удивительные голоса, затем зазвучала визгливая музыка.

— Это отнюдь не доказывает, что звуки посылают мыслящие существа! — воскликнул академик Ватсон. — Такая мешанина тонов может возникнуть и при случайной группировке излучения взрывов водорода в туманностях!

— Мы предвидели такое возражение, — спокойно продолжал Чан-су. — Вот фонограмма. А рядом с ней — запись голоса человека...

На полотне появилась причудливая волнистая линия, потом еще одна.

— Пожалуйста, обратите внимание: обе фонограммы очень похожи. Конечно, разгадать смысл передаваемых фраз невероятно трудно. Но нет сомнения в том, что их передают с планеты Проксимы разумные существа, с достаточно высокой культурой...

В зале раздались аплодисменты. Слово взял академик Шайнер.

— С помощью сверхмощного передатчика на Луне мы пробуем наладить связь с существами на Проксиме. Рано или поздно нам удастся это сделать. Сложность заключается в том, что мы не знаем ни их языка, ни образа мышления. Однако есть законы, которые остаются неизменными для всей Вселенной. Я имею в виду математику... Пред-

лагаю начать с основ геометрии — теоремы Пифагора. Конечно, на Проксима она будет называться совсем иначе, однако ее соотношения сохранятся. Давайте проэкзаменуем жителей Проксимы, знают ли они эту теорему.

По залу прокатился веселый шум, но академик Шайнер продолжал:

— Это будет очень просто: пошлем сначала три, потом четыре, и, наконец, пять сигналов — то есть воспользуемся утверждением старика Пифагора, что три в квадрате плюс четыре в квадрате равны пяти в квадрате... Если Проксима подтвердит этот результат, то мы...

Последние слова ученого утонули в раздавшихся в зале аплодисментах.

На кафедру вышел академик Навратил.

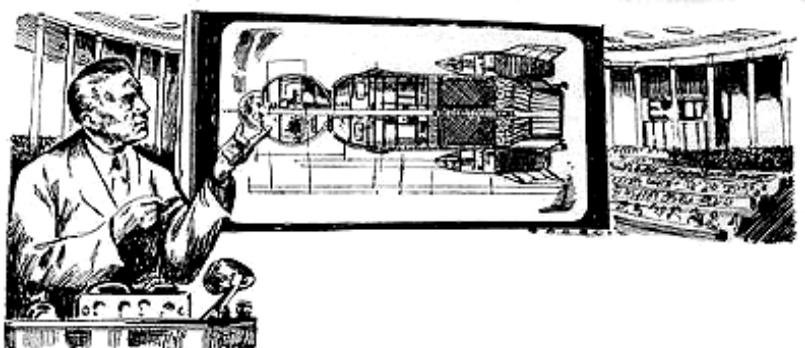
— Я хотел бы предложить другой проект, чтобы убедиться в существовании разумных существ на неизвестной планете... — сказал он медленно, и голос его слегка дрогнул. — Предлагаю отправиться в соседнюю звездную систему и посмотреть своими глазами...

Зал загудел глухо, встревожено.

— Это невозможно! Как вы думаете преодолеть расстояние, превышающее четыре световых года? — скептически спросил академик Ватсон.

— Признаю, что мой проект звучит довольно фантастически, но разве до сих пор нам не приходилось преодолевать препятствия, которые казались непреодолимыми?.. До двадцать седьмого июня тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года многое казалось невозможным. Однако в тот день, с пуском первой атомной электростанции в Советском Союзе, начался атомный век. Человечество овладело неисчерпаемым источником огромной энергии. С ее помощью мы превратили пустыню Сахару в цветущий сад и вытеснили ледники Арктики почти к Северному полюсу. Завоевали Луну и исследовали другие планеты нашей Солнечной системы. Продлили человеческую жизнь и сократили расстояния. Научились превращать элементы, осуществив таким образом заветную мечту алхимиков. Превратили вредное когда-то радиоактивное излучение в оружие

борьбы против микробов... Осмелюсь сказать, что с такой энергией человек не может навсегда остаться запертым в пределах нашей Солнечной системы. Интересы науки требуют, чтобы мы заглянули намного дальше. Вот почему я предлагаю построить космический корабль, который будет способен преодолеть гигантское расстояние в четыре световых года. Его детальный проект я выношу на обсуждение Всемирной Академии наук. Сейчас познакомлю вас только с его основными положениями...

На проекционном полотне появился схематический разрез межзвездного корабля.

— В разработке проекта приняли участие несколько известных ученых из разных стран, — продолжал Навратил. — Корабль должен быть достаточно большим, примерно как океанский лайнер...

— Из какого же материала вы хотите построить этого исполина? Самая прочная конструкция будет раздавлена собственным весом! — заметил Ватсон. — Предположим, что вам, в конечном счете, удастся его построить. Потом из такого корабля сможете сделать музей, потому что на нем вы никогда не оторветесь от Земли.

— Конечно, товарищ Ватсон прав, — улыбнулся Навратил. — Но так как нам нужен не музей, а межзвездный корабль, на котором мы хотим попасть на Проксиму, то построим его лучше сразу на Луне, где сила тяжести вшесте-

ро меньше, что даст нам возможность разработать более смелую конструкцию, а отсутствие атмосферы обеспечит более удобный старт. Как известно, полезных ископаемых на Луне достаточно, так что материалы завозить не будем... Звездолет будет оснащен совершенной атомной электростанцией конструкции академика Зайцева...

— Эти комментарии — позже! — снова встрял Ватсон. — Сколько времени продлится полет?.. Это должно быть путешествие на всю жизнь?.. Вы будете питаться безвоздушным пространством?

— Приветствую возражения академика Ватсона, они облегчают мне изложение! — иронично улыбнулся Навратил. — Сконструированные нами новые двигатели-реакторы будут работать до тех пор, пока корабль не достигнет половины скорости света, — это займет примерно два месяца. Столько же времени они будут работать при торможении, когда мы приблизимся к Проксиме. Большую часть пути корабль пролетит по инерции... Все путешествие к соседней звездной системе Центавра рассчитано приблизительно на восемь лет. Питание на этот период будет обеспечено искусственно синтезированными продуктами, которые более компактны...

Навратил сделал паузу, ожидая еще вопросов, но зал молчал.

— Прошу рассмотреть эскиз нашего корабля подробнее... — академик снова показал на схематический рисунок космической ракеты в разрезе. — Это — склады горючего, кислорода, пищи... Вот — атомная электростанция. В цилиндрическом корпусе размещен также клуб для отдыха и развлечений членов экипажа в свободные минуты. Над клубом расположены кабины экипажа, соединенные главным коридором. «Голова» корабля — большой шар, занятый лабораториями, наблюдательными пунктами и передатчиками. Наверху находится центральная кабина, откуда будет осуществляться управление всем кораблем. К главному корпусу присоединяются четыре меньших вспомогательных ракетоплана, которые при необходимости смогут отделиться и летать самостоятельно.

Во время проектирования звездолета расчеты были сделаны на экипаж из пятнадцати человек.

Как я уже сказал, детальный проект, опирающийся на точные расчеты, я передал в президиум. Надеюсь, что на завтрашнем заседании его критически оценят. Затем все будет зависеть от того, что решите вы...

Академик Навратил поклонился и сошел с трибуны. Когда он садился в кресло, у него еще дрожали руки. Алена крепко пожала ему руку:

— Наша возьмет!

Президент Академии объявил перерыв на десять минут. Однако о буфете в соседнем зале никто и не вспомнил. Участники поделились на группы, в которых велись оживленные споры. Зал гудел, как растревоженный улей.

«Какая удивительная женщина! — подумал Северсон, взглянув на Алену: она в этот момент о чем-то спорила с Ватсоном. — Преодолела огромное расстояние до Луны, а теперь решается помчаться еще дальше...»

Алена посмотрела на Северсона, будто почувствовала, что он ее рассматривает. Извинилась и снова села рядом с ним.

— Я плохая компаньонка, правда? Оставляю вас сидеть здесь в одиночестве... Боюсь, я сейчас не выдержу. Этот Ватсон со своими отсталыми взглядами меня ужасно раздражает!

— Знаете, я вам завидую... — грустно сказал Северсон, думая о своем. — Вы живете в удивительное время, полное сказочных возможностей.

Алена взглянула на него с нескрываемым удивлением:

— А разве вы не живете в настоящее время?

— Как вам сказать... Мне кажется, что я не живу, а... а только наблюдаю.

— Может, мы недостаточно внимательны к вам? — встревожилась девушка. — Обращаемся с вами, как с чужим?

— Вы меня не так поняли. Я хотел сказать, что я и до сих пор среди вас словно гость... А мне хотелось бы...

— Работать с нами? — быстро подхватила Алена.

— Да. Но ведь я ничего не умею и не знаю.

— Тс-с-с! — прошептала девушка, потому что шум в зале стих. — Поговорим об этом вечером.

На трибуну поднялся академик Ватсон. Начал он, как всегда, коварно:

— Не думайте, уважаемые друзья, что я всегда становлюсь в оппозицию из принципа. Однако, как ученый, я обязан защищать истину, в которой убежден... Поэтому я и хочу в первую очередь поставить вопрос о целесообразности путешествия к гипотетическим людям на планету Икс.

Не сомневаюсь, что на планетах системы Проксимы Центавра также существует жизнь в самых разнообразных формах. Ведь нашли же мы ее, в конце концов, и на Венере и на Марсе. Однако не случайно, что на этих планетах жизнь не развивалась точно так же, как на Земле. Мы не нашли там существ, которые стояли бы на таком же высоком уровне развития, на котором находятся земляне. Да это и закономерно. Учтите только, от скольких факторов зависит существование высших форм жизни на нашей Земле! От состава атмосферы, удаленности планеты от Солнца, от ее величины и наклона оси, от структуры геологических слоев, наличия воды и так далее, и так далее. Измените хотя бы один параметр, — например, состав атмосферы, — и жизнь на Земле погибнет или вернется к примитивным формам. Чтобы возникла такая разнообразная и пышная жизнь, как на нашей планете, должны быть точно такие же условия. Подсчитаем это огромное количество факторов и попробуем на основе теории вероятности определить, сколько планет, похожих на нашу Землю, мы сможем найти в радиусе пятнадцати световых лет. Оказывается — ни одной!

Я не хочу утверждать, что нигде во Вселенной не существует похожих на нас мыслящих существ. Но я не верю, что мы их найдем сразу же в соседней звездной системе. Это противоречит логике.

Тем не менее, я не биолог и не могу этот вопрос решить окончательно.

Более серьезные возражения имеются у меня с точки зрения физики, которая является моей основной специальностью. Академик Навратил *предполагает*, что звездолет

может достичь в межзвездном пространстве половины скорости света, то есть ста пятидесяти тысяч километров в секунду. Я подчеркиваю слово «предполагает», потому что под этим предположением нет никакой научной почвы. Вообще-то еще неизвестно, сможет ли вещество выдержать такую скорость, а главное — выдержит ли ее человек?

Я считаю, что вещество при скорости свыше ста тысяч километров в секунду потеряет силы сцепления и распадется на атомы. Просто взорвется. Обратите внимание, что нигде во Вселенной вы не найдете объекта, который перемещался бы с такой невероятной скоростью. Я убежден, что вещество вообще не может двигаться с такой скоростью...

Далее: как собирается академик Навратил приземлиться в таком гигантском корабле где-нибудь на планете? И как потом стартовать, потому что следует разумно предположить, что он не захочет остаться на Проксиме навсегда?

Не забывайте также про эффект Доплера, согласно которому при половине скорости света экипаж корабля не увидит звезд ни перед собой, ни за собой, потому что их спектральные линии так сдвинутся, что свет какого угодно цвета станет невидимым для человеческого глаза.

Я еще не изучал детально проект академика Навратила, но недостатки, которые я отметил, бросаются в глаза уже с первого взгляда. Не сомневаюсь в том, что найду много серьезных погрешностей также и при детальном изучении проекта, на основе которых докажу вам, что проект Навратила — невыполним...

Слово попросил академик Хотенков, руководитель исследовательского Института межпланетных полетов...

— Вероятно, все вы осознаете, что в дискуссии, которая развернулась по поводу проекта академика Навратила, решается вопрос намного более важный, чем спор двух ученых. Речь идет о том, осмелимся ли мы преодолеть расстояние между двумя звездами, или заранее объявим эту идею безнадежной.

Никто не отрицает, что это очень смелый эксперимент. Но разве не нужно было проявить столько же отваги, чтобы человек впервые сел в ракету и отправился сквозь кос-

мическое пространство на Луну? Или решился на первое опасное путешествие к Венере? Правда, к тому времени человек уже овладел неистощимой атомной энергией, но еще не знал всех опасностей, которые подстерегали его в межпланетном пространстве. Не у кого было позаимствовать опыт, пришлось полагаться только на расчеты.

Несмотря на это, человечество уже разбило оковы, которые держали его на Земле, и храбро шагнуло во Вселенную. Все мы знаем лучше других, какое огромное научное значение имели те первые путешествия.

Нет сомнения, что проект академика Навратила вполне отвечает стремлениям и усилиям человечества продолжать свое путешествие за знаниями. Видимо, я говорю от имени большинства, утверждая, что мы этот проект горячо приветствуем. Пока что я его просмотрел бегло; для окончательного решения потребуются более основательное изучение и эксперименты, но и так можно смело заявить, что проект — научно обоснован и тщательно продуман почти до мельчайших деталей. Поэтому я не согласен с возражениями академика Ватсона, как не согласен и с его взглядами на существование человечества.

Его вывод, что в радиусе пятнадцати световых лет только наша Земля имеет условия для развития мыслящих существ, — ненаучен. Настолько ненаучен, что напоминает утверждение средневековой церкви, которая заявляла, что Земля является центром Вселенной. Жизнь на Земле действительно обусловлена многими факторами, но это еще не значит, что такая же сложная жизнь не может развиваться и при других условиях.

Мы очень уважаем научные труды академика Ватсона в области физики. Но его утверждение об исключительности человека во Вселенной мы должны самым решительным образом отвергнуть, как непрогрессивное и даже реакционное. Пока что мы исследовали только нашу Солнечную систему. Что дает нам право утверждать, что ни в одном из тысяч миров в радиусе пятнадцати световых лет нет жизни, похожей на ту, которая есть у нас на Земле?

Я также не согласен с утверждением академика Ватсона, что вещество не может двигаться со скоростью, равной половине скорости света. Общеизвестно, что материальные частицы космических лучей летят в межпланетном пространстве почти с такой же скоростью. Больше всего меня удивили сомнения, выдержит ли такую скорость человек. Это мне напоминает время появления железных дорог, когда некоторые ученые уверяли, что человек не может выдержать скорости большей, чем сорок километров в час. При этом они забывали, что в это же время летят во Вселенной вместе со всем земным шаром со скоростью тридцать километров в секунду.

Возможно, что в проекте академика Навратила многое еще нужно будет исправить и усовершенствовать, но ясно также и то, в чем я глубоко убежден: этот проект будет рано или поздно реализован. Думаю, что время, когда человек осмелится переступить границы нашей Солнечной системы, уже не за горами.

— Правильно! Правильно! — закричала, не сдержавшись, Алена. Но ее голос потонул в оглушительных аплодисментах.

Навратил снова взял слово. Подождал, пока зал замолчал.

— Я хотел бы ответить на некоторые возражения академика Ватсона, — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Должен признаться, что при разработке проекта я их тоже ставил перед собой. Над проблемой приземления гигантского корабля на планете мы, например, ломали себе голову очень долго. А сегодня это кажется мне смехотворным вопросом, потому что выход, который предложила астробиолог Свозилова, был настолько очевиден и прост, что, вероятно, удивит также и вас. Большой ракетный корабль не будет приземляться вообще...

Зал зашумел.

— На планету совершат посадку только меньшие вспомогательные ракетопланы, которые будут прикреплены к корпусу гиганта... — продолжал академик после короткой паузы. — Большой, скажем так — материнский корабль —

превратится в искусственный спутник, и будет без дальнейших затрат энергии вращаться вокруг планеты по инерции. Во-первых, это облегчит установление связи с Землей, а во-вторых, он легко снова превратится в межзвездный корабль, предназначенный для длительного путешествия во Вселенной.

Конечно, связь с Землей во время полета будет затруднена, ведь если мы полетим со скоростью, равной половине скорости света, наши сообщения будут все больше запаздывать, пока наконец не начнут доходить до Земли через четыре года. Разумеется, на Земле их получают сильно искаженными, — это влияние доплеровского эффекта, о котором здесь уже упоминал академик Ватсон. Поэтому в проекте мы предусмотрели, что будут уставлены демодуляторы, которые устранят помехи и будут способствовать нормальному, не искаженному восприятию. Похожими же инструментами можно будет компенсировать влияние смещения линий в спектре, чтобы была возможность видеть.

Наконец я бы хотел еще раз вернуться к проблеме скорости межзвездного корабля. Предлагаю запустить с Луны экспериментальную ракету без людей, оборудованную контрольной аппаратурой и автоматическими передатчиками. Если она будет заправлена атомным топливом с максимальным использованием энергии, как это предложил Зайцев, не сомневаюсь, что она достигнет запланированной скорости.

Глава XVI

Новая профессия Северсона

Наступил вечер.

Заседание было прервано и отложено на следующий день. Академик Навратил, Свозилова и Северсон поужинали на террасе главного дворца и по предложению Алены вышли прогуляться по городу.

В нескольких сотнях метров от Академического городка, образуя большую букву «V», соединялись вместе два широких канала. По высоко поднятой над равниной глади воды плыли корабли самых разных видов и форм: быстрые скутеры, неторопливые самоходные баржи, нарядные пассажирские лайнеры.

Все трое спустились по лестнице на дамбу и, пройдя по окаймленному цветами тротуару, подошли к большой стальной конструкции у края огромной плотины.

В шлюзовую камеру как раз входили корабли. Как только они остановились, камеру закрыли стальные ворота, и она между плеч конструкции медленно опустилась до нижнего бьефа канала.

— Кое-где канал поднимается на большую высоту, — пояснил академик Навратил. — Чтобы каскады не мешали судоходству, они оборудованы такими вот «лифтами». Этот канал имеет большое экономическое значение не только для транспорта — он соединяет Чехословакию с тремя морями — но и для земледелия.

— Чудесное сооружение! — взволнованно сказал Северсон и добавил: — Все, что вы делаете, похоже на сказку!

Алена поняла причину грусти, прозвучавшей в голосе друга. Она сразу вспомнила разговор, который произошел в перерыве между заседаниями в главном зале Академии.

— Почему вы всегда говорите «делаете», «живете»?.. Почему не скажете «делаем»?! Все, что вы видите вокруг, принадлежит всем, значит, и вам. Ведь, исследуя ледяные пустыни Арктики, вы рисковали жизнью не ради собственной наживы, а для общего дела. Так и мы все.

— Вижу, товарищ Северсон, что вы скучаете, — вмешался в разговор академик Навратил. — Я вас понимаю, я и сам без напряженной работы не выдержал бы и недели. «В труде и знании — наше спасение!» — это сказал еще Коменский пятьсот лет назад. Не хотел бы давать вам бесполезные советы. «Совет даст каждый дружок, да не всяк даст зерна мешок», — говаривал когда-то Гавличек. Предлагаю вам конкретное дело: хотите вместе с нами строить межзвездный корабль? Ведь вы — летчик, стало быть — техник...

Предложение Навратила было таким неожиданным, что Северсон не мог вымолвить ни слова. Зато Аленка бросилась к академику и горячо пожалала ему руку:

— Спасибо вам!.. Я сама хотела вас об этом просить...

— А я вас, как всегда, опередил! — по-мальчишески задорно сказал Навратил. — Ну, как, товарищ Северсон, согласны?

— Боюсь, что не справлюсь... — ответил тот нерешительно.

— Начнем с несложных заданий. Вам будут помогать... Но... — академик лукаво улыбнулся. — Но сотрудником нашего института вы станете только в том случае, если мой проект будет принят. Согласны?

— Соглашайтесь, Северсон! — шутливо подмигнула ему Алена. — Это значит, что должность вам обеспечена.

И действительно, на следующий день проект академика Навратила был принят абсолютным большинством голосов. Сразу же после этого началась подготовка к проведению эксперимента с космической ракетой на Луне.

* * *

Впервые за много-много лет Северсон взял в руки слесарные инструменты. Конечно, это были уже не те примитивные зубила и коловороты, которыми ему приходилось работать в дни своей юности. Но технику не надо долго объяснять; он и сам поймет, что к чему. Ничего не изменилось и в чертежной технике: белые линии на синьке ясно показывали порядок монтажа.

Экспериментальная космическая ракета прямо на глазах вырастала посреди огромного эллинга. Детали для нее изготавливали крупнейшие заводы всего мира; размеры выдерживались с невероятной точностью, и все же при монтаже не раз возникали осложнения и задержки. Чтобы успеть к намеченному сроку, работы велись круглосуточно.

Северсон работал с жаром, с энтузиазмом. Если бы не Алена Свозилова, он, наверное, и ночевал бы в эллинге. Но она настойчиво и ласково заставляла его соблюдать режим, и он не мог ей отказать: эта черноглазая девушка приобретала над ним все большую власть.

Космическая ракета была уже более чем наполовину построена, когда из Москвы в институт академика Навратила приехала Наташа Орлова. Северсон обрадовался, как мальчик, который после долгой разлуки увидел мать. Но его радость стала просто безграничной, когда он узнал о причине приезда Наташи: академик Навратил попросил проверить состояние здоровья своего сотрудника, чтобы определить, можно ли ему лететь на Луну.

После тщательного осмотра Наташа с подчеркнутой серьезностью сказала:

— Можно. Но...

Северсон насторожился: может, какие-то ограничения?

— Но с условием: вы должны писать мне и академику Тарабкину о состоянии вашего здоровья. Согласны?

— Согласен, Наташа! Обязательно буду писать! Я уже совсем здоров.

Он и впрямь чувствовал себя полным сил и энергии. Путешествие на Луну! Да разве можно было бы даже мечтать о нем?!

Его грудь распирало желание поделиться с кем-нибудь своей радостью, рассказать о том, что он начинает понимать новый, странно изменившийся мир и что этот мир принимает его, как равного среди равных... Но это было не свойственно ему, человеку неразговорчивому; он лишь молча улыбался.

— Не бойтесь полета в Космос? — шутливо спросила у него Алена.

— Не боюсь. Не боялся же я полетов с Амундсеном.

— Хорошенькое сравнение! — возмутилась Алена. — Не хотите ли вы этим сказать, что полет на Луну может тоже закончиться трагично? Мы летаем туда трижды в неделю, и до сих пор не случилось ни одного несчастного случая!

— А когда стартуем?

— Завтра утром вылетим в Москву. После обеда, в четырнадцать, будем уже в космическом пространстве... — Алена задумалась. — Знаете что?.. А не полюбоваться ли нам живой природой? На Луне нам будет очень не хватать ее.

Северсон охотно согласился: монтаж экспериментальной ракеты уже заканчивался, остались только астронавигационные приборы, с которыми возились специалисты.

Решили совершить небольшую прогулку по Влтаве. Алена взяла на прокатной станции моторную лодку и села за руль. Направились на юг, против течения реки.

Со светло-голубого безоблачного неба улыбалось солнце. Оно пригревало так щедро, будто забыло, что уже осень.

— Как чудесно у вас в Чехии... — сказал Северсон. — Здесь я чувствую себя как дома.

Алена молча одарила его благодарным взглядом. Да, Чехия действительно прекрасна. И не потому, что это — родина. А может, именно поэтому?

По дороге им встречались турбоплавы с экскурсантами, суетливые моторки, грациозные яхты. Тут и там неподвижно стояли лодки с рыбаками, лечившими нервы терпеливым ожиданием счастливого случая. На берегах виднелись виллы и дома отдыха.

Все, все было красивым, спокойным; все свидетельствовало о счастливой свободной жизни.

Каналы, плотины, мосты... Древняя Влтава была уже совсем не той, какой была во времена юности Северсона. Теперь она стала судоходной до самого Будейовице, — полноводная, широкая.

Двое на моторной лодке ехали все вперед и вперед, пока солнце не коснулось зубчатого гребня елового леса над скалистым берегом, а потом повернули обратно.

Не доезжая Праги, свернули в сторону небольшого канала, соединявшего Влтаву с маленьким искусственным озером вблизи Штеховиц. Уже совсем стемнело, поэтому Алена включила прожекторы. Гладь озера замерцала тысячами огней, которые отбрасывали фонари и окна домов на берегу. С противоположного берега слабый ветерок доносил звуки вечернего концерта.

— Остановимся на минутку, здесь действительно прекрасно... — тихо сказал Северсон.

Алена выключила мотор. Лодка еще несколько раз подпрыгнула на волнах и остановилась.

Над набережной появилась Луна. Все вокруг залило ее холодное зеленоватое сияние.

Луна сегодня не такая, какой была прежде. Это уже не та серебряная тарелка, что равнодушно светила путешественникам в мертвых просторах Арктики, а огромный шар, летящий в космическом пространстве вокруг Земли. Неужели это не наваждение: меньше чем через сутки соратник Амундсена впервые ступит на почву чужого, загадочного мира?!

И верится Северсону, и не верится. А вдруг до сих пор продолжается ледяной сон?

Нет, это реальность. Просто «человек из прошлого» попал в будущее и никак не может прийти в себя.

Свободные полдня в Москве Северсон использовал для визитов. Он повидался с Тарабкиным, Наташей Орловой, заглянул к Зайцевым. Но все это пронеслось мимо него, словно сон. Он жил будущим путешествием и опомнился только тогда, когда из громкоговорителей в зале ожидания космодрома прозвучали долгожданные слова:

— Пассажиры на Луну могут занимать места!

Обычная ракета. Обычная кабина с герметичными дверями. У круглого иллюминатора закреплены два складных кресла с наполненными воздухом подушками. Стюардесса принесла Алене и Северсону скафандры с прозрачными шлемами и резиновые защитные каски на время пребывания в ракете.

С помощью Алены Северсон пристегнулся к креслу. Широко раскрытыми глазами смотрел на синеву неба за окном кабины.

— Внимание, стартуем! — улыбнулся пилот с экрана видеодинамики.

Северсон затаил дыхание и закрыл глаза. Он ждал, что ракетоплан резко швырнет вперед. Но ничего подобного не

случилось. Лишь тело глубже погрузилось в подушки, обнявшие его еще крепче.

Ракетные двигатели грохотали все сильнее и сильнее. Приглушенный изоляционными перегородками звук пробивался через стенки, проникал в кости. Это было неприятное ощущение. Но вот неожиданно все затихло. Упругие подушки подбросили тело вверх, ремни задержали его в неестественной позе. Северсон моргнул, выпрямился.

— Ну, как? — улыбнулась ему Алена. — Мы достигли скорости одиннадцати километров в секунду и до Луны почти все время будем лететь по инерции.

Северсон поднялся и посмотрел в иллюминатор.

Небо перестало быть голубым. Его окутала темная ночь со множеством звезд. Глубоко внизу за облаками пряталась Земля, ограниченная овальным горизонтом.

Вскоре местность внизу превратилась в часть огромного шара, который медленно вращался против направления полета. Еще немного и этот шар уже можно было окинуть одним взглядом.

Человек, сидящий в кресле у круглого окна, не может оторвать глаз от удивительной картины.

Человечество со своими радостями и заботами; суровый Север и Средняя Чехия — все это за несколько часов полета слилось в единое понятие — планета Земля. Сейчас она неподвижно висит среди россыпи спокойных звезд, ее поверхность кажется мертвой, будто на ней вдруг угасла всякая жизнь.

Плечи Северсона вздрогнули, он словно стряхнул с себя тягостную полудрему.

— Алена, вы спите? — прошептал в полумрак кабины.

— Нет, Северсон. Уже с час, как проснулась, но не хотела вас беспокоить.

На него нежно и ласково смотрели большие черные глаза прекрасной девушки, друга.

Глава XVII

Прогулка по Луне

Поднимая облака пыли, ракетоплан тяжело опустился на идеально ровный космодром, еще немного проехал на широких гусеницах и остановился возле ангара. Открылись большие ворота шлюзовой камеры. Ракетоплан заехал внутрь.

— Через минуту можем выйти. Камеру наполняют воздухом, — сказала Алена.

— Скафандры надевать не будем?

— Мы сели на главном космодроме, а здесь в этом нет необходимости. Ангараы оборудованы безупречно, так что мы окажемся в совершенно «земной» среде.

Пассажиры прошли по главному коридору к выходу из ракетоплана и начали медленно сходить по приставленному трапу. Северсон лихо прыгнул с пятой ступени... и вытаращил глаза от удивления. Он опускался медленно, как на парашюте.

Алена расхохоталась:

— Не забывайте, что сила тяжести здесь в шесть раз меньше, чем на Земле. Вы должны передвигаться осторожнее, а то ненароком можете оказаться на вершине какого-нибудь кратера.

Навстречу им спешили «селениты». Несмотря на то, что между Луной и Землей уже давно были установлены регулярные рейсы, прилет каждого ракетоплана был здесь радостным событием. Космические корабли будто привозили с собой дыхание «земной атмосферы», будили воспо-

минания о родном крае; они же приносили письма и подарки от родственников и друзей.

С некоторой завистью Северсон отметил, что Алена на Луне — свой человек. С ней здоровались почти все. Приветливо улыбались и ему, но, как казалось Северсону, то было совсем другое внимание — внимание, вызванное любопытством.

Пассажиры пообедали в столовой главного здания космодрома, немного отдохнули, а потом Алена предложила отправиться в путешествие по Луне.

Они с Северсоном надели скафандры и сели в вездеход, похожий на танк с прозрачным сферическим колпаком вместо башни.

— Пожалуйста, к кратеру Тихо, — попросила девушка водителя машины и обернулась к Северсону. — Я хочу показать вам наши достопримечательности.

Машина с большой скоростью помчалась к высокой горной гряде, видневшейся на близком горизонте. Вскоре путешественники очутились в узкой долине, окаймленной отвесными причудливыми скалами. Ущелье привело их на окруженную небольшими кратерами равнину.

— Не хотите ли заглянуть в один из кратеров? — спросила Алена.

Заранее уверенная в согласии, она открыла дверцу кабины и прыгнула вниз. Северсон тоже прыгнул вслед за ней, — на этот раз намного осторожнее, потому что помнил о предупреждении.

Подъем по скалистому склону был нетрудным: ведь сила мышц осталась той же, а тело стало легким. Путешественники и не заметили, как оказались на вершине кратера. Перед ними открылся узкий глубокий провал, дно которого было покрыто странным стекловидным веществом.

— Этот кратер, как и большинство других, — вулканического происхождения. Горный кряж, что вы видите на горизонте, — результат падения гигантского метеорита.

Заинтересовавшись жерлом, Северсон склонился над ним, держась за большую глыбу.

— Осторожнее! — воскликнула девушка, хватая его за рукав скафандра. — Камням здесь нельзя доверять! Вот взгляните! — она с силой толкнула глыбу; камень сдвинулся с места и, как в замедленной съемке, покатился в жерло. По дороге он прихватил еще несколько других; таким образом, в вулкан посыпалась уже маленькая лавина. Все это происходило в абсолютной тишине: ведь вокруг — космическая пустота, где звуки не распространяются.

— Вы наверняка знакомы с гипотезой, что жизнь возможна без кислорода и белка... — сказала Алена, когда все вокруг успокоилось. — Раньше думали, что углерод можно заменить кремнием, а воду — аммиаком. Но здесь, на Луне, мы убедились, что при таких условиях о жизни не может быть и речи. Можете пройти всю Луну вдоль и поперек и не найдете не только примитивных лишайников, но и микробов. Не оправдалось даже предположение, что здесь можно отыскать вирусоподобные частицы, которые якобы путешествуют по Вселенной под давлением света и рассеивают в ней жизнь...

Девушка сделала знак Северсону и направилась налево, в ущелье, образованное двумя застывшими лавовыми потоками. Вскоре перед путешественниками открылся темный узкий проем. Алена вошла туда первой и включила укрепленный на шлеме скафандра прожектор.

— Эта пещера возникла при вулканическом взрыве около пятидесяти тысяч лет назад. Она известна в научном мире, потому что именно здесь разбились последние иллюзии тех, кто надеялся найти на Луне хоть какие-то формы жизни. Пещера закрыта со всех сторон, кроме входа, — и все же она совершенно безвоздушна и не имеет ни малейшего следа воды.

Возвращаясь обратно, они подошли к препятствию, которое показалась Северсону непреодолимым: грунт прорезала глубокая трещина шириной не менее пяти метров.

— Эта преграда не сможет нас задержать! — сказала Алена, и Северсон не успел даже опомниться, как она плавным прыжком перескочила на противоположную сторону. — Вот

одно из преимуществ меньшей силы тяжести! — добавила она.

Вездеход снова двинулся вперед. Фантастические силуэты скал быстро меняли свои очертания. Перед путешественниками, на фоне звездного неба, появилась отвесная стена. Вездеход следовал вдоль нее, пока не остановился у входа в широкий тоннель, который уже по своему виду свидетельствовал о том, что здесь поработали люди.

Внутри широкого коридора сияли огни.

— По этому тоннелю мы попадем на противоположную сторону гор? — спросил Северсон.

Алена покачала головой:

— Он ведет к богатейшим рудникам, друг мой. Здесь мы добываем уран, вольфрам, хром, марганец, кобальт и железо.

Вездеход въехал в широкое помещение, закрытое со всех сторон стеклянными стенами. Гостей приветствовали несколько человек. Они поднялись от длинных пультов с экранами и вышли им навстречу.

— Рекомендую вам здешних горняков. Вам не кажется, что они выглядят слишком изнуренными? — спросила с улыбкой Алена, заметив удивление на лице Северсона.

— Будете смеяться над нами, товарищ Свозилова, не дадим вам на постройку «Луча» ни грамма металла! — пошутил один из горняков. — Разве это трудно — управлять высокочастотными излучателями на расстоянии? — обратился он к Северсону. — Излучатели генерируют такие мощные токи, что против них не устоит самая прочная горная порода. Впрочем, посмотрите сами...

На большом экране был виден один из участков рудника. На переднем плане стоял излучатель — невзрачный на вид металлический цилиндр на гусеницах, к которому тянулись несколько бронированных кабелей.

Безлюдно... Тихо... Чисто...

А стена перед таинственным аппаратом трескается под воздействием невидимой силы, распадается на мелкие камни, которые осыпаются на бесконечную ленту транспортера и плывут прочь.

Северсону невольно вспомнился каторжный труд на старой шахте, где он, в свое время, побывал со школьной экскурсией. Там было...

— Нас еще ждет долгая, интересная поездка! — оторвал его от воспоминаний голос Алены. — Поехали!

Машина доехала до узкого, зажатого вертикальными стенами ущелья. Освещенные солнцем горные вершины отражали вниз так мало света, что водитель не видел ничего на расстоянии шага. Поэтому, чтобы вовремя обходить попадавшиеся на пути трещины и нагромождения камней, включили фары.

— Проезжаем сквозь кольцевой вал кратера Клавий, — сказала Алена. — Это ущелье видно с Земли в самые сильные телескопы, как тоненькая черточка.

Машина ехала быстро. Гигантские подвижные тени, нарисованные фарами на неровных стенах, угнетали.

Северсон с облегчением вздохнул, когда машина выехала из узкого ущелья на усеянную мелкими кратерами равнину.

В звездном небе ослепительно сияло окаймленное зеленоватой короной Солнце. Недалеко от него тускло светился серп Земли. Склоны мелких кратеров, звезды, большой земной шар на небе, даже само Солнце — все производило своей неподвижностью такое сильное впечатление, что Северсон затрепетал.

— Из ваших слов я понял, что мы въезжаем в цирк Клавий, а мы тем временем проехали по каким-то горам, — удивлялся он. — Все еще не могу привыкнуть к чудесному пейзажу: горы и равнины внизу ярко освещены, а наверху — черное небо со звездами, Солнцем и Землей.

— Я чувствовала то же самое, что и вы, когда попала сюда впервые, — задумчиво сказала Алена. — И хотя это кажется невероятным, однако сейчас мы находимся в кратере.

— А почему, в таком случае, мы не видим его кольцевого вала?

— Для этого мы должны были бы подняться на несколько сотен метров выше. Цирк Клавий — один из круп-

нейших на Луне. Его диаметр превышает двести двадцать километров.

— С такого расстояния мы должны были бы видеть хотя бы вершины гор, тем более, что они имеют, как вы говорите, пять тысяч метров высоты! — упрямо стоял на своем Северсон.

Алена не удержалась от смеха:

— Мне нравится, что вы так последовательно защищаете свою точку зрения. Но на сей раз вам придется слегка изменить ее. Луна намного меньше Земли, так что ее поверхность более закруглена. Поэтому горы, удаленные от нас более чем на сто километров, скрываются за горизонтом.

— Да, ваша правда... — Северсон вдруг погрузился, сник. — Вы, как всегда, правы. А я...

Алена посмотрела на него пристально, тревожно. Только теперь она осознала, что Северсон все еще не избавился от депрессии и до сих пор страдает от болезненного самоуничтожения.

— Почему вы постоянно видите во мне наставницу, а не друга? — прошептала она. — Конечно, в этом виновата я сама: стараюсь объяснить, а вместо этого — поучаю...

Она с раскаянием сжала его руку. Оба улыбнулись друг другу.

Глава XVIII

Опасный дождь

Вездеход резко остановился и, развернувшись почти на месте, помчался к горному массиву.

— Что случилось? Почему возвращаемся обратно? — взволнованно спросила Алена, перестроив передатчик своего скафандра на волну водителя.

— Радиолокационная станция Южной обсерватории обнаружила группу мелких метеоритов. Наибольшая опасность грозит району кратера Клавий.

Не успел водитель это произнести, как в нескольких шагах от вездехода за клубилась пыль, словно от взрыва гранаты. Потом поднялся вверх еще один конус пыли. На склоне отвесной скалы блеснул и погас кроваво-красный огонек.

Вездеход на полной скорости влетел в узкую котловину и остановился, прижавшись к вертикальной стене.

— Езжайте дальше, там будет безопаснее! — воскликнула девушка.

Вместо ответа водитель отрицательно покачал головой и показал вверх, где между скал виднелась узенькая полоска неба с Млечным путем.

Когда Алена и Северсон посмотрели туда, ужас сжал им сердца. В свете прожекторов сверху медленно падали огромные каменные глыбы. Они натыкались на выступы стен ущелья, с тупым упрямством крушили скалы и, рассыпаясь на мелкие обломки, летели вниз.

Все это происходило в абсолютной тишине. Потрясенные метеоритами камни падали, вздымая коричневатую пыль, на дно котловины и ложились внизу конусообразными насыпями.

Еще долго после того, как упал последний камень, Северсон и Алена не могли прийти в себя.

— Хорошо, что метеориты не устраивают нам такие концерты чаще... — нарушил молчание водитель. — Пока не построили метеостанции на полюсах, езда по Луне была похожа на игру в лотерею. Теперь — совсем другое дело. Удивляюсь, что сегодня об опасности сообщили так поздно. Видимо, кто-то заснул у радиолокатора: метеоритный дождь можно было обнаружить значительно раньше.

— А что если такой дождь накроет ангары на космодроме? — спросил Северсон. — Ведь метеориты легко могут пробить стеклянные стены...

— Теперь мы знаем достаточно точно, когда Луна на своем пути встретится с роем метеоритов, потому что они вращаются вокруг Солнца с такой же регулярностью, как и Земля. Кроме того, радарные станции ведут непрерывные наблюдения, чтобы избежать любых неожиданностей. А ес-

ли рой угрожает зданиям, автоматы сразу же включают над ними защитную завесу высокочастотного излучения, которое разрушает метеориты, превращая их в мелкую пыль. И если какому-то камешку удастся прорваться сквозь эту завесу, его задержат стены строения, потому что они сделаны из трех слоев особо прочного стекла. Силу удара метеорита ослабляет также заполненное воздухом пространство между стенками.

— А как защищается от метеоритов межпланетный ракетоплан?

— Пилоты всегда точно осведомлены о движении метеоритов, поэтому заранее обходят большие рои. Против одиночных небесных тел ракетопланы защищены так же, как и строения на Луне: тройными стенками и высокочастотными лучами. А впрочем, на небольшом расстоянии между Землей и Луной метеориты встречаются очень редко... Ну, друзья, опасность миновала, продолжим наше путешествие.

Водитель нажал на кнопку, но машина не сдвинулась с места. Тогда он вышел наружу, склонился над задней частью вездехода и безнадежно махнул рукой:

— Все!.. Двигатель разбит вдребезги!.. А если бы метеорит упал на метр ближе, то... — водитель не закончил, но и без слов все было ясно.

— Что же делать? — встревожилась Алена.

— Пятьсот километров, которые остались до кратера Тихо, до вечера пешком не пройдешь. Придется просить о помощи... — водитель включил главный передатчик вездехода, присоединил к нему микрофон своего скафандра. — Алло!.. Алло!.. Говорит вездеход номер семнадцать... Вызываю кратер Клавий, академика Шайнера...

— Я — Шайнер... — слышалось сразу же в наушниках шлемов Северсона и Алены. — Что случилось, Пельтон?

— Машина повреждена метеоритом. Мы стоим на краю ущелья Морета. Просим помощи...

— Вылетаем немедленно... Врач нужен? — спросил встревоженный Шайнер.

— Нет, у нас все в порядке.

Водитель выключил передатчик и повернулся к пассажирам:

— Приглашаю вас на небольшую прогулку. Не будем же мы здесь ждать, сложа руки.

Все вышли из машины и направились к широкой расщелине в скале.

— Это — кратчайший путь к озеру Победы, — объяснял водитель. — Я здесь как дома...

В конце расщелины показалась небольшая площадка, ограниченная отвесными каменными стенами.

— Озеро, правда, без воды, — улыбнулся водитель. — Но это не имеет значения. Если хотите знать, здесь — самое выдающееся место на всей Луне... видите, товарищ Северсон, тот большой курган посреди равнины?

Курган поражал своими правильными очертаниями. Длинная темная тень, которая протянулась от него по равнине, тоже имела четкие, ровные края.

— Эту пирамиду построили люди? — спросил Северсон.

— Да, — подтвердила Алена. — Пойдем ближе. Может, вы расшифруете таинственную надпись на этом кургане.

Лишь за несколько десятков метров от пирамиды Северсон обратил внимание на то, что на ее вершине, на небольшой площадке, стоит странный гусеничный вездеход.

Северсон остановился, сложил руки и склонил голову.

— Не надо скорби, Лейф! — насмешливо воскликнула Алена. — Это не могила, а памятник славы!.. — Она взяла Северсона за рукав скафандра и подвела к освещенной солнцем пирамиде. На прикрепленной к ней черной доске сияли золотые буквы.

— Это — русские буквы! — воскликнул Северсон и быстро начал читать: — «На этом месте приземлилась первая ракета, запущенная с Земли на Луну. Честь и слава великому Циолковскому, который показал нам путь во Вселенную! Слава науке, которая подарила человечеству победу над космическим пространством!» — Он замолчал, пристально посмотрел на вездеход. — И кто же тот счастливчик, который первым ступил на поверхность Луны?

— Это вездеход. Его «экипаж» состоял только из радиоуправляемых аппаратов. После приземления, вернее, прилунения ракеты, вездеход выехал из нее на эту равнину. Телевизионные камеры и были теми первыми глазами, что взглянули на Луну вблизи и передали изображение на Землю. Помню эту волнующую минуту так ярко, словно это было вчера, а я тогда ходила в первый класс! Ту передачу с Луны ретранслировали все телевизионные станции мира...

Путешественники еще некоторое время осматривали равнину Победы, а потом в шлемофонах их скафандров прозвучали сигналы вызова; на звездном небе появились два подвижных ярких огонька, — приближался спасательный ракетоплан.

К гостям прилетел сам академик Шайнер. Он сердечно приветствовал Алену и Северсона, с увлечением рассказывал им о достопримечательностях мест, над которыми пролетал ракетоплан, направляясь к кратеру Тихо. Однако полет длился недолго. Вскоре летательный аппарат опустился на дно широкого кратера, пассажиры пересели в вездеход, и машина направилась к неосвещенной части плоскогорья.

Академик Шайнер замолчал. Он только лукаво улыбался, поглядывая то на Северсона, то на Алену. Было похоже, что он подготовил им какой-то сюрприз.

И действительно, как только они проехали последнюю освещенную солнцем скалу, одиноко торчащую на равнине, перед ними, в свете прожекторов, появилась огромная кружевная конструкция, похожая на поставленный наклонно железнодорожный мост.

— Как у вас дела со стартовой эстакадой? — поинтересовалась Алена, скользнув взглядом по фермам конструкции.

— Неплохо, — с подчеркнутым безразличием сказал академик. — Через два часа будет готова.

— Готова? Не может быть! — девушка посмотрела на Шайнера с недоверием. — Ведь вы уверяли, что на эстакаду мы можем рассчитывать не ранее чем через пять дней.

Академик пожал плечами и снова хитро улыбнулся:

— Что поделаешь — «все уже готово, готово, готово!» — затынул он арию из «Проданной невесты». — Это — наш сюрприз номер один... А как ваши дела с монтажом экспериментальной ракеты?

— В среду должен быть закончен. В четверг ее переправят сюда. Прилетит не только Навратил с представителями Академии, но и Ватсон. Видимо, надеется увидеть наш провал собственными глазами, чтобы потом высмеять нас.

— Посмотрим, кто будет смеяться последним! Вполне возможно, что именно я! — загадочно сказал Шайнер. — Подождем до завтра.

— А что будет завтра?

— Вы любопытны, как все женщины! — улыбнулся академик. — Не скажу. Нарочно не скажу... И — простите меня — я должен сейчас отправиться в обсерваторию. Освобожусь часика через два; пока что вы можете осмотреть наши подземные заводы. А после я покажу вам одну очень интересную вещь...

Алена и Северсон воспользовались предложением, но большого удовольствия от осмотра подземных заводов не получили. То, что когда-то увлекло бы и захватило их, стало теперь обычным, будничным. Линии автоматических станков работали так же четко, как и на Земле; всеми процессами руководили такие же умные электронно-вычислительные машины, — так не все ли равно, где находится завод?

Но когда путешественники снова поднялись на поверхность Луны, они увидели такое, что в первое мгновение потеряли дар речи: в нижней части желоба стартовой эстакады сверкала огромная металлическая ракета.

— Это — мираж или галлюцинация?! — воскликнула Алена. — Вы видите, Лейф?

— Но это же... — он тоже был крайне удивлен. — Это же наша экспериментальная ракета! Как она сюда попала из Праги?

— Ракета, но не ваша! — раздался в наушниках голос академика Шайнера. — Вот это и есть мой сюрприз номер два. Надеюсь, коллега Навратил не рассердится на меня,

если я проверю предельную скорость ракеты чуть раньше, чем сделает это он с представителями Академии? Возможно, моя попытка поможет усовершенствовать его ракету перед запуском.

Если бы перед Аленой внезапно провалилась земля, девушка удивилась бы меньше.

— Молчите — значит, не возражаете, друзья! — победно сказал Шайнер. — Ну, идите сюда. Скоро мы начнем эксперимент.

Странно было слышать этот голос в наушниках: на большом расстоянии вокруг никого не видать, а слышно так, будто Шайнер стоит совсем рядом. А действительно, где он?.. Неужели та точка, что медленно движется от стартовой эстакады навстречу гостям с Земли?

— Быстрее, друзья, быстрее. Медлить нельзя.

Северсон и Алена прибавили шаг. Через несколько минут — уже втроем — они вошли в бункер управления, расположенный в стороне от стартовой площадки. Там их ждали помощники академика Шайнера у астронавигационной аппаратуры сопровождения полета ракеты.

— Все проверено? — спросил академик.

— Да, — ответил один из помощников.

— Старт!

Внезапно из серебряного корпуса ракеты вырвалось яркое красное пламя, она словно подпрыгнула, пронеслась по наклонному ажурному мосту, со скоростью молнии по-

кинула его, прочертила длинную багряную черту на звездном небе и исчезла из виду.

Глава XIX

Смерть в пустыне

— Не хотите послушать необычную музыку? — предложил Цаген, заходя в кабинет Чан-су.

— Может, вы написали кантату в честь таинственной планеты? — улыбнулся Чан-су, намекая на склонность Цагена к созданию гимнов в честь Вселенной.

— Нет, на этот раз таинственная планета сама написала себе кантату. Только что мне удалось принять и записать на ленту почти всю программу. Это какой-то концерт, откровенно говоря, не очень приятный для уха человека. И все же представляю, как скривится Ватсон, когда его услышит!.. Сейчас передают какую-то лекцию. Пойдемте, слушаем это чудесное «хныканье»!

Ученые уже направились к лаборатории, когда по видеофону раздался голос дежурной с Центральной станции:

— Вызываем товарищей Цагена и Чан-су... Вам нужно немедленно прибыть в больницу кратера Тихо...

— Может, случилось несчастье во время эксперимента Шайнера? — встревожился Чан-су.

— Не должно бы... — пожал плечами Цаген. — Ведь ракета стартовала нормально... Во всяком случае, надо спешить.

Через несколько минут ракетоплан покинул обсерваторию на Южном полюсе Луны и направился на север, к кратеру Тихо.

Пилот виртуозно посадил аппарат в нескольких десятках метров от главного входа в подземный металлургический завод.

Наваров, врач заводской больницы, уже ждал ученых. Выбежала им навстречу и Алена Свозилова, — такая бледная, что Цаген испугался.

— Жизнь Северсона в опасности! — проговорила она, с трудом переводя дух. — Зачем только я взяла его с собой!

Больница находилась рядом с заводом. Через несколько секунд ученые уже входили в зал, где лежал Северсон. Пациент не двигался.

— Спит... — сказал врач в ответ на немой вопрос посетителей. — Все в порядке. Он вывихнул ногу, а после у него начался сердечный приступ.

— Как же это случилось? — с тревогой спросил Чан-су.

— Два часа назад дежурные наблюдатели перехватили по радио отчаянный призыв. Неизвестный дважды прокричал: «Помогите!» — а затем еще несколько минут было слышно хрипение. Бедняга не указал место, где находится... Этот призыв услышал и Северсон. Он забыл, что радиоприемник скафандра не дает возможности определить направление звука, помчался на помощь, но, непривычный к малой силе тяжести, упал во время прыжка через камень и вывихнул ногу. Сердечный приступ случился уже здесь... Сейчас ему лучше.

— А тот несчастный, что умолял о помощи?

— Его до сих пор не нашли.

— Кого не хватает?

— Инженера Фаухера. Выходя с завода, он сказал, что идет посмотреть на испытания скоростной ракеты. От центрального входа свернул налево... Сейчас отправляется в дорогу спасательная группа, чтобы обыскать скалы под главным валом кратера.

— Прошу, скажите им, чтобы подождали, я тоже пойду с ними, — попросил Чан-су.

— И я, — решил Цаген. — Откровенно говоря, не понимаю, что могло случиться? Если судить по передаче главной станции, сегодня метеоритного дождя не было...

Спасательная экспедиция двигалась вперед в густом полумраке тени отвесного вала кратера. В сиянии прожек-

торов из темноты проступали острые скалы и каскады застывшей лавы.

У подножия хаотично нагроможденных скал экспедиция свернула в сторону отвесной каменной стены.

— Следы! — воскликнул шедший впереди мужчина.

Действительно: слой тонкого серо-голубого пепла на узкой тропе был нарушен. Кое-где отчетливо виднелись отпечатки тяжелых ботинок скафандра. Эти следы заставили всех насторожиться: инженеру Фаухеру в этой пустыне нечего было делать. Куда же он направлялся?

Одинокий пешеход держался созданной природой тропы еще несколько сотен метров. И он, и люди, которые шли по его стопам, вынуждены были передвигаться с большой осторожностью, потому что с левой стороны была отвесная стена, а с правой зияла пропасть. Там, где тропинка сворачивала влево, следы загадочно обрывались.

Может, Фаухер полез на скалу? Нет, этим путем он пройти не мог: сверху карнизом нависала морщинистая волна лавы. Итак, спустился вниз?

— Надо заглянуть в пропасть... — сказал Чан-су. — Нет сомнения, здесь что-то случилось: взгляните, как разворочен слой пыли на край площадки...

Участники спасательной группы прикрепили к скале веревочную лесенку, и Цаген начал спускаться в темную рас-

щелину. Он еще не добрался до дна, как увидел человека в скафандре. Бросился к нему. Посветил фонариком.

— Друзья, ко мне!.. Фаухер тяжело ранен, он истекает кровью.

Через несколько секунд все уже были внизу.

— Мертв... — тихо сказал один из ученых.

— Порван скафандр... Сзади на поясе и вот, на левом боку...

Все склонили головы.

— Скорее в больницу! — воскликнул Чан-су. — Возможно, его еще спасут полным переливанием крови!

Но было уже поздно: инженера Фаухера вернуть к жизни не удалось.

* * *

В кабинете академика Навратила вспыхнул экран служебного телевизора, и на нем появилось лукавое лицо Шайнера.

— Приветствую вас, великий завоеватель Вселенной! — задорно воскликнул он. — Я хотел сделать вам сюрприз здесь, на Луне, но не могу больше сдерживаться... Допускаете ли вы возможность того, что шесть часов назад я запустил экспериментальную ракету, которая сейчас несется со скоростью пятидесяти тысяч километров в секунду?!

— Какую ракету, дорогой? — иронично улыбнулся Навратил. — Ее закончат собирать только послезавтра!

— А мы были так нетерпеливы, что изготовили такую же ракету самостоятельно, на наших заводах.

— Гм... Это очень мило с вашей стороны, но боюсь, что попытка не удастся. Думаю, что вам не хватает усовершенствованного приемника радиосигналов ракеты. Не забывайте, что с увеличением скорости, согласно доплеровскому эффекту, будет меняться и частота радиоволн. И главное: при движении нашей ракеты применен самый совершен-

ный процесс, использующий атомную энергию на семьдесят девять процентов...

— ...который предложил Зайцев, знаю! — перебил Шайнер. — Дело в том, что наша ракета использует для движения тот же принцип. Инженер Зайцев одолжил нам копию проекта, направленного вам. И приемник у нас тоже усовершенствованный, системы академика Чан-су. У него в этой области немалый опыт, благодаря охоте на сигналы с Проксимы.

Навратил с минуту не мог опомниться от удивления.

— Это блестящая идея, спасибо вам за помощь! Но почему вы не сообщили мне об этом раньше? Мы могли бы сэкономить время для других неотложных дел.

— Я тоже так же думал, но в конце концов сказал себе: «Парень, а что если во время испытания что-нибудь сорвется? А так ты сможешь хорошенько изучить все недостатки, устранить их и повторить опыт».

Академик Шайнер оглянулся:

— Минутку, сейчас ко мне пришли сообщить, как проходит полет. Ну, ребята, сколько?

— Восемьдесят тысяч — и конец!

— Как это? Какой конец?

— После пятидесяти тысяч скорость нарастала неравномерно, а минуту назад ракета замолчала совсем.

Навратил побледнел:

— Не может быть, чтобы сбылось предсказание Ватсона! Возможно ли, что тело, которое летит со скоростью около ста тысяч километров в секунду, распалось на атомы?!

— Простите, я проверю аппараты, все ли исправно, и через минуту снова вызову вас, — извинился Шайнер, и его лицо исчезло с экрана телевизора.

Навратил встал с кресла и начал нервно прохаживаться по комнате.

Наконец замигал красный сигнал вызова.

— К сожалению, не могу вас ничем порадовать, — сухо сказал Шайнер. — С приемником все в порядке, а ракета молчит. Вряд ли можно предположить, что испортилась аппаратура. Для гарантии мы установили три автоматиче-

ских передатчика; если бы вышел из строя один, мы слышали бы сигналы других.

— Значит, вы тоже думаете, что ракета взорвалась из-за слишком большой скорости? — обеспокоенно спросил Навратил.

— Конечно, нет. Наоборот, я убежден, что ваш проект нас не подведет.

Навратил горько усмехнулся:

— Как видите, подвел, да еще и в важнейшем пункте. Если нельзя достичь скорости более восьмидесяти тысяч километров в секунду, значит, весь мой проект неосуществим. Несмотря на то, что нам удалось продлить человеческую жизнь, отправляться в космическое путешествие, которое продолжится двадцать лет, невыносимо.

— Не теряйте надежды. Благодаря моей предусмотрительности мы имеем возможность повторить опыт! — пошутил Шайнер, пытаясь подбодрить друга.

— А если не сможем преодолеть эти восемьдесят тысяч?

— Значит, попытку завоевать соседнюю планетную систему перенесем немного в будущее. А взамен — начнем бой в другом направлении. Неисследованного перед нами еще много.

* * *

В одну из исследовательских лабораторий подземного металлургического завода, расположенного в кратере Тихо, вошел мужчина в белом халате, обвел взглядом заваленные приборами столы и, хотя никого не увидел, очень тихо спросил:

— Дитриксон, вы здесь?

— Да, здесь и жду вас, — неожиданно появился среди аппаратов высокий стройный мужчина со слегка оттопыренными ушами и густыми бровями.

— Боюсь, что мы зашли слишком далеко. Мы могли бы заставить Фаухера молчать и другим способом.

— Неужели им удалось вернуть его к жизни? — испуганно спросил Дитриксон.

— Нет, но случилось кое-что похуже. При детальном осмотре выяснилось, что скафандр был поврежден еще до того, как Фаухер отправился в путь. Если бы он погиб сразу возле вала кратера, в этом не было бы ничего удивительного. К сожалению, костюм разорвался позже, чем мы предполагали, и теперь никто не может понять, зачем Фаухера понесло в горы... Нам грозит опасность, что тайник будет обнаружен: Чан-су настаивает, чтобы скалы, где погиб Фаухер, были тщательно обысканы.

— Надо как можно быстрее завалить вход в убежище. Восточная сторона вала сейчас в тени, так что мы доберемся туда незаметно. Проекторы можно не включать: вполне хватит отраженного света от противоположного вала... Едем немедленно!

— Если хотите — езжайте, но без меня! — решительно сказал посетитель. — Я не хочу кончить так же, как Фаухер.

— Осторожнее, приятель! Вы как раз и идете по его дорожке... не угрожаете ли вы изменой? — насмешливо спросил Дитриксон.

— Нет, я не доносчик. Но весь наш план завладеть неведомой планетой считаю глупостью. Я скорее примирюсь с тем, что мы уже никогда не обретем могущества наших предшественников. Хорошо вам говорить: «Divide et impera!» — «Разделяй и властвуй!» — но это уже не так легко делается, как нам хотелось бы.

— Вижу, что вы скоро выйдете из игры, трус! — прошипел Дитриксон и отвернулся.

Глава XX

Вторая попытка

Состояние здоровья Северсона настолько улучшилось, что больной уже без особых усилий передвигался по больнице. Несмотря на это, ему устроили основательный медицинский осмотр с участием Наташи Орловой, специально для этого прилетевшей из Москвы на Луну.

— Все в порядке! — уверяла она Алену Свозилову, которая все еще переживала за жизнь Северсона. — Он просто переволновался, поэтому и случился приступ.

— А может, на него неблагоприятно повлияли необычные условия жизни на Луне?

— Думаю, что нет. Скафандры прекрасно держат нужную температуру, не пропускают космических лучей. С этой стороны ему не грозит никакая опасность, даже если учитывать то, что его организм чувствительнее наших.

Алена горячо пожала руку Орловой. Та улыбнулась, ее глаза говорили: «Понимаю, понимаю!»

— И все же, теперь я не отпущу его от себя ни на шаг!

Прибыв на Луну, академик Навратил напрасно искал Алену и в обсерваториях, и на металлургическом заводе. Через несколько часов он нашел ее в оранжерее. Она гуляла с Северсоном среди пышных, причудливых растений, выведенных в среде с вшестеро меньшей силой притяжения.

— Вижу, что вы болезням не уступаете! — приветствовал Северсона Навратил.

— А это потому, что я хочу принять участие в испытании ракеты, — пошутил Северсон, — разрешите?

Навратил почесал затылок:

— Ну, друг, решающее слово должны сказать врачи. Спросите Наташу. Я лично ничего не имею против, но предупреждаю заранее: много надежд на эксперимент не возлагайте.

— Почему? — удивился Северсон.

Алена, стоя за его спиной, изо всех сил подмигивала академику, чтобы тот не продолжал этот разговор.

— Чтобы не вы разочаровались при возможной неудаче.

Наташа Орлова, конечно, запретила Северсону даже думать об экспериментальной ракете. Пациенту, мол, еще требуется полный покой; пациент будет волноваться, значит, пусть себе лежит и ждет, пока эксперимент закончится, а тогда ему все расскажут.

Как не спорил Северсон, ему пришлось подчиниться.

* * *

Экспериментальная ракета академика Навратила готова к старту.

Представители президиума Всемирной Академии наук сидят у приемников в помещении недалеко от стартовой эстакады. Ватсон, поглядывая на металлическую сигару, что помчится сейчас в темноту Вселенной, иронично улыбается.

— Старт! — разрезает напряженную тишину голос Навратила.

Красное пламя на эстакаде; ракета исчезает в необозримой дали, — это уже многократно виденная, вполне привычная картина. И все же сегодня каждый следит за ней напряженно, с волнением. Глаза еще долго не могут оторваться от того места, где расплывается последний след межзвездного путешественника, который никогда не вернется назад.

Периодические сигналы радиопередатчика ракеты монотонно отсчитывают время, как метроном. Только очень чуткое ухо различит увеличение интервалов между отдельными звуками.

Ватсон вытаскивает из кармана записную книжку и спокойно читает свои заметки. Скорость — мизерная, каких-то там несколько сотен километров в секунду; то, что происходит вокруг, пока его не интересует.

Сложные аппараты точно измеряют увеличение интервалов между сигналами и с тихим шорохом вычисляют по ним скорость ракеты.

Тридцать пять тысяч километров в секунду...

Шестьдесят тысяч километров в секунду...

Семьдесят тысяч!

Ватсон начинает искоса поглядывать на циферблат указателя.

Навратил закрывает глаза и прислушивается, будто опасаясь, что вот-вот в глубинах Вселенной раздастся оглушительный взрыв. На лбу у него выступают холодные бисеринки пота.

Шайнер чувствует себя примерно так же, как родственник пациента, уложенного на операционный стол.

— Семьдесят тысяч пятьсот!.. — слышится дрожащий голос оператора электронно-вычислительной машины.

— Критический момент... — шепчет академик Шайнер, сжимая руку Навратила.

— Восемьдесят тысяч!

Все вскакивают с кресел.

Каждый звук метронома напоминает Навратилу удар сердца.

— Та... та... та... Сердце не останавливается.

А скорость все растет: 80500... 81000... 85000... 90000...

Хотенков снова садится и гладит себе колено.

— Ну? — оборачивается он к Ватсону.

Но безобидный вопрос заставляет того отбросить напускное спокойствие.

— Не говорите гоп, пока не перепрыгнем! — тихо отвечает он.

Навратил слышит это, но не сердится, его тоже мучают сомнения: «А действительно, перевалит ли скорость ракеты за сотню тысяч?»

Бурную радость после каждого следующего сообщения проявляет только академик Шайнер. Он даже пробует шутить в этой напряженной обстановке. Но его шутки не встречают отклика.

А Северсон тем временем скучает в большой оранжерее металлургического комбината кратера Тихо, не подозревая, что исторический эксперимент уже начался. Заведующий больницей распорядился среди тропических растений оборудовать для него чудесный уголок, — с креслом, библиотечкой, письменным столом, тахтой и телевизором. Здесь красиво и уютно, но сегодня пациенту как-то не по себе.

Он думает о прошлом и настоящем.

«Я живу в великую эпоху... — говорит он сам себе. — Войны исчезли навсегда, но борьба человечества против природы сейчас достигает своей вершины... Время летит, и вскоре эти славные годы уйдут в прошлое, как и незабываемые путешествия с Амундсеном... Я должен их как-то удержать... Начну писать дневник».

Ход его мыслей прерывает Алена, которая бурей врывается в оранжерею:

— Лейф, дорогой! — кричит она, с трудом переводя дух. — Ракета достигла скорости в сто двадцать тысяч километров в секунду! Скорость все растет... Лейф, мы выиграли!

Северсон сделал шаг навстречу девушке, крепко взял ее за обе руки:

— Алена, я хочу пойти туда.

— Пойдемте, Лейф, пойдемте! Это действительно для вас необходимо.

Когда они вошли в бункер возле стартовой площадки, электронные указатели скорости ракеты показывали сто сорок пять тысяч километров в секунду.

— Ура! — воскликнул Шайнер. — С такой скоростью уже можно отправляться в путь!

Теперь его поддержали и другие. Победа была неоспоримой. Полет к другой звездной системе из невероятной фантастики превращался во вполне реальную вещь.

Академик Ватсон долго сидел молча, потом подошел к Навратилу:

— Я рад, что ошибался... — сказал он тихо. — Если ракета достигнет запланированных вами ста пятидесяти тысяч, я охотно приму участие в экспедиции на Проксиму.

Навратил удивленно взглянул на него:

— Вы это говорите серьезно?.. Вы, принципиальный противник моего проекта?!

— Да. Вот вам моя рука! Я бы хотел собственными глазами увидеть, как выглядят эти ваши квакающие люди.

— О, первый доброволец! — иронично улыбнулся академик Хотенков. — Осознаете ли вы, каким рискованным будет этот полет?

— Возможно, я понимаю это лучше, чем академик Навратил. Именно поэтому и хочу принять участие в полете.

Хотенков медленно покачал головой и подумал: «Он еще откажется от своих слов или же надеется, что ракета не разгонится до ста пятидесяти тысяч километров».

Когда индикаторы показали скорость сто сорок девять тысяч километров в секунду, Ватсон едва заметно побледнел. Он напряженно следил за экранами аппарата и молчал.

Пробегала минута за минутой, прошел час, а скорость не повышалась. Сигналы не замолкали; они повторялись через долгие промежутки времени, но интервалы уже не увеличивались.

— Вероятно, ракета израсходовала все горючее... — с досадой сказал Навратил.

— В таком случае можно считать, что эксперимент закончен... — академик Хотенков встал и пожал руку Навратилу. — Закончен с очень хорошим результатом. Позвольте мне ознакомить президиум Академии с экспериментальными данными и внести предложение отдать приказ о начале постройки межзвездного корабля.

— Одновременно сообщите, что я добровольно заявляю о своем желании быть членом экипажа этого корабля! — попросил академик Шайнер и искоса глянул на Ватсона. — Та тысяча километров, которой не хватает до ста пятидесяти, меня не сможет остановить.

Ватсон вздрогнул:

— Подождите! Я еще не сказал, что это остановит меня. И настаиваю на своем заявлении: я тоже хочу принять участие в полете!

Сидя в углу, Северсон молча наблюдал за учеными. Ему было грустно и тоскливо; его тоже манило путешествие в далекие звездные миры, но возможность такого путешествия исключалась. На Проксиму Центавра его никто не возьмет.

Глава XXI

Праплемянник

(Из дневника Северсона)

15 ноября. Сколько неожиданных перемен за один-единственный месяц! Все это время я не брал в руки пера, хоть и обещал себе, что каждый день буду записывать все события. Меня не оправдывает наплыв работы; просто я все еще непоследователен, — нечего обманывать самого себя.

Хотя каждую свободную минуту я отдаю учебе, до сих пор в моих знаниях встречаются огромные пробелы. Меня утешает только то, что я уже избавился от страха перед завтрашним днем и, ложась спать, не боюсь проснуться утром среди ледяной арктической пустыни.

Погода стоит замечательная, кажется, что осень здесь продлится до весны. Прага нравится мне все больше.

Детали межзвездного корабля уже изготавливаются на многих заводах мира. В течение прошлой недели заявили о своем желании принять участие в экспедиции на Проксиму восемь ученых: руководитель астронавтического отдела Всемирной Академии Хотенков, академики Цаген и Чансу; Надежда Молодинова, диспетчер атомной электростанции, где работает Зайцев; Мак-Гарди из американской академии, Мадараш — из венгерской; Вроцлавский из Варшавского университета и Грубер из института астронавтики в Берлине.

В последнее время Алена ведет себя очень странно. Кажется, она что-то скрывает от меня. Не хочет ли она тоже записаться?

28 ноября. К сожалению, мое предчувствие оправдалось. Во время нашей последней беседы Навратил обмолвился, что Алена полетит с ним. Итак, дни нашей дружбы сочтены. Старт «Луча» разлучит нас. На семнадцать лет? Навсегда?.. Я был бы рад отговорить ее от этого путешествия, но не осмеливаюсь. Боюсь за нее, но при этом знаю, как много значит для нее экспедиция. Она расстанется со мной, как с добрым другом. А я?

3 декабря. Во время вечерней прогулки Алена призналась, что хочет лететь с Навратилом. Не говорила, мол, мне до сих пор лишь потому, что еще не приняла твердого решения. Я пытался прикинуться веселым, но шутки мои звучали как-то натянуто. Надеюсь, что она этого не заметила. Вчера она улетела на Луну.

31 декабря. Только что вернулся с новогодней вечеринки. Не дождался и полуночи. Мне было грустно. Алена все еще на Луне. Обещала, что вернется к концу года — и не сдержала слова. Конечно, это не ее вина, но все же мне неприятно. А может, ее задержал Краус с Тихского металлургического?.. Он намного привлекательнее, чем я...

2 января. Алена вернулась. Монтаж главной стартовой конструкции продвигается быстрее, чем планировали. И рад, и не рад этому.

5 января. Институт физики, по предложению Навратила, подарил мне замечательный вертолет. Мне сказали, что это награда за образцовую и самоотверженную работу. Однако я хорошо знаю, что Навратил просто хотел меня порадовать. Теперь понимаю, какой это чудесный человек. Раньше я считал его немного суровым; иногда мне даже ка-

залось, что он чуть-чуть ревнует Алену, но интересуется только наукой. Если бы так...

6 января. Вчера у меня мелькнула мысль, которую я даже не решился записать. Я надеялся, что выброшу ее из головы, но она упорно возвращалась снова, неотвязно цеплялась ко мне. Даже не дала мне сегодня уснуть. Ну и глупость: как-нибудь пробраться на «Луч» и улететь вместе с Аленой!

Если бы я открыто попросил зачислить меня в экипаж, меня бы подняли на смех: Навратил уже много раз говорил, что каждый член экипажа должен уметь в любую минуту взять на себя управление кораблем. Если же я проберусь на «Луч» тайком, то украду у других членов экипажа долю продуктов, кислорода, воды и часть жилой площади.

Безумная мысль, но все же я, наверно, попробую, так как знаю, что иначе никогда больше не увижу Алену.

10 февраля. Завтра заканчиваю курсы управления вертолетом. Алена обещала Навратилу, что сначала будет летать вместе со мной, чтобы я стал более уверенным. Сейчас ситуация изменилась. Алена замечает, что я что-то скрываю. Постоянно меня спрашивает, что со мной, не сержусь ли я на нее. Жаль, что не могу довериться ей — это, пожалуй, было бы концом нашей дружбы.

15 февраля. Сегодня был так поражен и обескуражен, что у меня до сих пор дрожат руки.

Вчера мы с Аленой договорились о небольшой прогулке на вертолете в окрестностях Праги. Утром, когда мы встретились возле ангара, я увидел по лицу Алены, что с ней что-то не так. Глаза ее были красными и заплаканными. На мой вопрос она ответила, что мало спала, — дескать, было много работы. Всегда такая веселая и разговорчивая, она молчала сегодня. Мне тоже не удавалось начать разговор. Мы поднимались над заснеженной Прагой, словно двое немых.

Погода выдалась прекрасная. Небо было безоблачным, заснеженный край переливался под солнцем роскошной игрой теплых и холодных тонов. Мы летели над влтавской долиной до Дечина. И все молчали.

— Пожалуйста, приземлитесь в той горной долинке... — показала наконец Алена вниз. — Небольшая прогулка нам не помешает, а завтрак в тихом ресторане будет даже полезен... — улыбнулась она почти болезненно.

Вертолет я посадил мягко, словно на перину (должен здесь похвастаться; но это было, пожалуй, единственное, чему я радовался тогда).

Мы оказались на маленькой просеке над скалистым берегом Лабе. Напротив раскинулся город Усти (я определил это по карте), а недалеко под нами — средневековый замок Стршеков.

Сделав несколько шагов, Алена побежала и воскликнула:

— Догоняйте!

Чтобы доставить ей удовольствие, я нарочно бежал не в полную силу. Когда она это заметила, то остановилась и набрала горсть снега:

— На безоружного не нападаю! Защищайтесь!

Только теперь я понял, что она хочет отвлечься, забыть о чем-то неприятном. Это ей и вправду удалось. Мы бросались снежками и смеялись, как дети.

— Теперь будем завтракать с аппетитом. В Стршекове чудесный ресторан! — показала Алена на древний замок.

Петляющая дорога, окна со стеклами в свинцовом переплете, старинные стены, припорошенные искристым снегом, — все это произвело на меня сильное впечатление. Мне действительно показалось, будто мы с Аленой оказались в сказочном мире, мире королей, принцесс и жестоких боев на бастионах. Лучшего места для своей исповеди Алена выбрать не могла.

В ресторане она снова замолчала. Во время завтрака у нее из глаз выкатились две слезинки. Я сделал вид, что не заметил этого.

— Что вас мучает? — спросил я немного погодя.

— Ничего меня не мучает... — сказала она тихо и попыталась улыбнуться. — Я опять разругалась с Навратилом.

Я начал утешать ее, но она покачала головой:

— На этот раз дело обстоит серьезнее. Боюсь, что Навратил навсегда рассердился на меня. Вчера вечером я сказала ему, что не приму участия в полете на Проксиму.

Я был так поражен, что не мог сказать ни слова. Она спросила меня, рад ли я этому, и я хоть и несмело, но все-таки радостно подтвердил. Это ее немного успокоило.

Только теперь, когда я все как следует обдумал, я осознаю, что поступил эгоистично. Только теперь я понял, что Аленка отреклась от полета ради меня. Могу ли я позволить себе стать ее отказа от цели всей ее жизни?.. Могу ли требовать от нее такой великой жертвы?.. Боюсь, однако, что я слишком эгоистичен и слишком труслив, чтобы поступить по-другому.

6 марта. Алена не отказалась от своего решения, а я все еще не нашел в себе силы, чтобы успокоить ее. Работаем вместе над подготовкой полета еще с большим рвением, чем раньше, чтобы хоть чем-то отблагодарить Навратила, но, несмотря на это, мне кажется, что между нами пролегла какая-то тень. Навратил все время внимателен и ласков ко мне, пожалуй, даже еще больше, чем раньше, но я хорошо чувствую, что он видит во мне причину отказа Алены от полета. Вижу и по Алене, что она уже не так весела, как прежде.

Постройка корабля продвинулась так далеко, что в мае можно будет начинать монтаж. Каждый день с заводов всего мира поступают детали и устройства для внутреннего оборудования, а академик Шайнер сообщил, что через месяц будут завершены работы на главной стартовой конструкции. Боюсь, что не смогу принять участие в заключительном монтаже в мастерских на Луне, потому что Навратил меня туда, видимо, не пригласит.

21 марта. Судьба мстит мне за мое трусливое поведение. Я попал в странное положение. Должен стать предателем или доносчиком.

Вчера Алена улетела в Москву в Ядерный институт, где проектируют атомные реакторы для «Луча». Я гулял вечером по Праге один. Направился к Петршину; хотел осмотреть Дворец чешской и словенской культуры. Когда я поднимался по мраморной лестнице, то обратил внимание, что за мной по пятам все время идет какой-то человек. В первое мгновение я заподозрил, что это — шпион. Чтобы узнать, действительно ли он следит за мной, я неожиданно повернулся и пошел по лестнице вниз. Мужчина на мгновение остановился, затем снова направился вслед за мной.

Под Петршином я свернул налево, в сторону средневековой части Праги.

Незнакомец настойчиво шел за мной. Это меня, конечно, разозлило. Я остановился, подождал, пока он меня догонит, и уже открыл было рот, чтобы обругать его, но он меня опередил:

— Вы — господин Северсон, не правда ли?

— Зачем спрашиваете, если знаете это так же хорошо, как и я? — сказал я сухо. — Кто вам приказал шпионить за мной?

Мужчина покачал головой:

— Я бы хотел с вами познакомиться, потому что мы не только земляки, но даже родственники. Я — Олаф Дитриксон... — неожиданно заговорил он на норвежском языке. — Его произношение, узкое лицо и светлые волосы — все как будто говорило, что он говорит правду.

Он сказал, что приходится мне двоюродным внуком (как забавно: он старше меня!) и хотел бы поговорить со мной, но, конечно, не на улице, а хотя бы за чашкой кофе в каком-нибудь тихом кафе. Я охотно согласился; должен признаться, что это неожиданное знакомство меня очень порадовало: приятно после долгого перерыва поговорить на родном языке. К тому же я еще встретил и родственника!

По дороге Олаф перечислил мне всех наших предков. Из его детальной родословной получалось, что его бабушка была моей сестрой.

Мы миновали несколько кривых улочек, пока, наконец, на Малой Стране под Градом в средневековом доме с арками не нашли кафе, которое понравилось моему праплемяннику: сводчатый потолок, поддерживаемый круглыми столбами; стены, на высоту человеческого роста покрытые деревянными панелями; деревянные скамьи. В кафе было безлюдно и тихо.

Когда праплемянник начал говорить, я сначала подумал, что на него просто повлияло окружение, дух прошлого. Однако теперь я уже понимаю, что он умышленно завел меня в то кафе.

— Вы довольны, дядя? — спросил Олаф и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Боюсь, что этот мир — не для вас, что вы в нем чувствуете себя чужим...

Я согласился, потому что такое чувство еще недавно охватывало меня довольно-таки часто; но сразу же начал оправдываться:

— Все-таки я уже начинаю понимать вашу эпоху... Я увидел, что люди теперь живут счастливее, чем во времена моей молодости...

К моему большому удивлению, праплемянник замотал головой:

— Не верьте этому. Нынешняя эпоха отобрала у предприимчивого человека всякую возможность развития.

— Не может быть! — возразил я решительно. — Посмотрите хотя бы на академика Навратила: для того, чтобы он смог осуществить свой блестящий план исследования соседней звездной системы, ему помогает Всемирная Академия наук, а это значит — все человечество.

— Это правда, дядюшка. В науке он может выдвигаться, но только в науке... Но если даже и так: что он со всего этого будет иметь?.. Скоро его идея станет всеобщим достоянием, и соседней звездной системой овладеет не он, а все человечество, если употребить ваше выражение.

Эти слова несказанно удивили меня:

— Я вас не понимаю, Олаф! Ведь и Амундсен не хотел завладеть Северным полюсом!

— А вспомните-ка старых английских путешественников, которые первыми из белых проникли в черную Африку, или тех, кто открыли Австралию и неизвестные острова. Не были ли они разведчиками английской армии, которая довольно быстро захватила все эти вновь открытые земли?.. Всякое новое открытие увеличивало могущество Англии, а вместе с тем и могущество того, кто находил новые земли. И это было справедливо. Человек обладает не только врожденной жадной жизни, но и жадной власти. Стремится не только жить, но и повелевать другими. И теперь рождаются сильные духом избранники, каким суждено было бы властвовать над человечеством. Но у них нет условий для развития. Их благородные порывы подавляются в зародыше.

Праплемянник замолчал, чтобы дать мне возможность осмыслить его философию. Должен признать, что я его не очень понял: ведь я никогда не стремился к власти над другими людьми. Казалось, Олаф читал мои мысли:

— И вы, дядя, человек благородного духа. И вам, члену нашей славной семьи, предназначено властвовать...

— Кем и почему? — запинаясь, спросил я, опасаясь, что мой родственник сошел с ума.

Олаф улыбнулся:

— Это не так глупо, как вам кажется на первый взгляд. Когда я раскрою вам нашу великую тайну, вы поймете, что я говорю вполне здраво... — он понизил голос. — Я твердо верю, что вы, человек нашей крови, не станете подлым доносчиком, и то, что я вам сейчас открою, не расскажете никому — ни Навратилу, ни барышне Свозиловой, с которой, как я замечаю, у вас достаточно близкие отношения...

— Мы только друзья! — запротестовал я. — Можете спокойно говорить... С тем, что я где-то услышу, на базар не хожу.

— Да, это правильно, — сказал он. — Видно, что я не ошибся в вас... — И продолжал: — Итак, никто даже не по-

дозревает, что существует тайное общество, в которое входят все благородные духом люди бывшего высшего света. Я также член этого общества. Мы называемся «Братством сильной руки». Нас немного, однако среди нас есть представители почти всех белых наций. Цветных низшей расы в «Братство» не принимаем. Несколько наших «братьев» выполняют сейчас важные функции в человеческом обществе...

— А почему ваше общество тайное? — удивился я. — Все народы теперь живут свободно и люди, как я заметил, ничем не ограничены в своих действиях...

— И все же мы вынуждены скрываться. Если бы мы сунули свою программу к людям, всех нас арестовали бы, такое нынче время. Раньше такие как мы могли свободно творить что угодно, — даже публично выдвинуть программу завоевания мира, — и никто бы ничего не сделал. Да и не мог бы, потому что мы обладали властью. А теперь мы тайно боремся за возвращение этой власти...

Я не переставал удивляться:

— А зачем вам это могущество? Каждый сегодня получает то, в чем нуждается, никто не боится стать безработным и погибнуть от голода...

— Однако никто не смеет сказать: «Я вам приказываю, а вы должны повиноваться!»

— Чего же тогда хочет это ваше «Братство»?

— Я уже говорил вам: снова завоевать власть.

— Как? С оружием в руках? — вздрогнул я.

— Да, и с оружием. В момент, когда мир будет меньше всего этого ждать, мы объявим ему шах и мат. Среди нас есть много специалистов-энергетиков, которые сумеют вернуть славу атомному оружию.

В университетской библиотеке я видел снимки двух страшных взрывов атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки в Японии. Вспомнил о них, и меня охватил ужас.

— Неужели вы хотите снова убивать матерей и детей?!

Олаф схватил меня за руку и больно сжал:

— Ради бога, тише, чтобы никто не услышал! — зашипел он мне на ухо. — Возможно, в этом и не будет необходимо-

сти, а с вами так или иначе ничего не случится... — попытался он меня успокоить. — Впрочем, сейчас ваши нервы еще слабы, и вы слишком сентиментальны. Неужели вас волнует судьба нескольких миллионов незнакомых людей?.. Людей в мире, достаточно... Разве вы плачете над скотом, который забивают на бойне?

Мне стало дурно, и, признаюсь, я начал побаиваться своего праплемянника.

— Вы меня разыскали, чтобы рассказать только это? — пробормотал я осторожно.

Про себя я уже прикидывал расстояние от стола до двери, чтобы при случае сбежать. Но Олаф все время держал меня за запястье.

— Я нуждаюсь в небольшой помощи с вашей стороны, — сказал он с ледяным спокойствием.

Я упорно не отвечал, решив молчать до конца этой странной беседы.

— Я — известный сотрудник исследовательского ядерного института в Питтсбурге, — продолжал он неумолимо. — Завтра или послезавтра попрошу принять меня в экспедицию Навратила. Я не полез бы туда, — для нашего брата это слишком рискованное дело, — но мне поручено очень важное задание. Я был бы рад, дорогой дядя, если бы вы помогли мне при выполнении этого задания. Вдвоем проще тянуть ляжку...

Я больше не мог молчать.

— Я... я вам... — Я хотел, собственно, сказать, что никогда и ни за что не буду помогать ему, но вовремя осознал, что это — опасный преступник, который не постесняется поднять руку на собственного дядю.

— Рад бы вам помочь, — сказал я осторожно, — но не могу. Я, правда, работаю на сборке межзвездного корабля, но в полете участвовать не буду...

Олаф махнул рукой:

— Если захотите, Навратил, несомненно, возьмет вас с собой, особенно если за вас похлопочет ваша невеста...

Я почувствовал себя так, будто кто-то всадил мне нож в грудь.

— Алена тоже не полетит... Она отказалась из-за меня.

Олаф, видимо, ожидавший такого ответа, спокойно продолжил:

— Тогда, значит, поможет ваше слово. Вам, наверное, не откажут.

Воспоминание об Алене меня опять немного подбодрило:

— Не сердитесь, Олаф, но то, чего вы от меня хотите, просто невозможно...

Праплемянник прищурил глаза и пристально посмотрел мне в лицо:

— Даю вам двадцать четыре часа на размышление. Завтра в это же время жду вас здесь. Моя просьба проста, запомните: во-первых, я хочу, чтобы вы с помощью своей невесты рекомендовали меня для участия в экспедиции. Это будет нетрудно сделать, ведь мы земляки, а я к тому же специалист-астронавт. Во-вторых, нужно, чтобы вы были моим спутником в путешествии к Проксиме. Это тоже не будет для вас слишком твердым орешком. Насколько я информирован, дядюшка, вы — способный работник коллектива Навратила, и академик вас очень уважает. Бесспорно, он найдет для вас какую-нибудь работу на межзвездном корабле... Предостерегаю вас от болтовни, потому что тогда я вынужден буду забыть о том, что мы близкие родственники. Наше могущество простирается далеко... И еще мелочь: в случае вашего отказа сотрудничать с нами — не могу поручиться за безопасность барышни Свозиловой. Случайное несчастье вы не предотвратите, даже если меня арестуют при посадке на корабль. Не забывайте, что я — не единственный в «Братстве»!

Я встал и направился к выходу. Праплемянник задержал меня:

— Пусть вам не придет в голову натравить на меня людей на улице. Если я до полуночи не вернусь на условленное место, не ручаюсь за Свозилову, да и за вас, дядюшка...

— Он вдруг попытался смягчить голос. — Не сердитесь, что я вам угрожаю, но, знаете, — борьба есть борьба. Будьте,

ради бога, уверены, что я вам желаю добра. Вы сами это поймете, когда наши планы осуществятся...

Несмотря на то, что я был ошеломлен и подавлен, я еще держал себя в руках.

— Зачем, собственно, вы вынашиваете такие, скажем, безрассудные планы? — спросил я. — Зачем хотите лететь в другую звездную систему?

— Я сделал ошибку, что не рассказал вам этого сразу, — спокойно улыбнулся Олаф. — Итак, сначала несколько вопросов: почему туда летит Навратил?

Я ответил, что Навратил хочет исследовать другие планеты и жизнь на них, раскрыть новые законы природы, которым подчиняется наша Галактика, и в целом стремится расширить горизонты науки.

— Таинственная планета Икс посылает нам сигналы — свидетельство существования неизвестных людей, — продолжал мой праплемянник. — Именно туда Навратил направится в первую очередь. Что он намерен делать на той населенной планете?

И этот вопрос не озадачил меня:

— А кто бы не хотел встретиться со своим соседом, даже если тот одиноко живет за много километров?.. Научная экспедиция стремится познакомиться с жизнью и культурой неведомых людей и завязать с ними дружбу.

Я до сих пор не представлял, что задумал мой праплемянник. Но ждать разгадки пришлось недолго.

— А вы не догадываетесь, чего могли бы желать на планете Икс мы? Это очень просто, я немного вам помогу... Посетили ли нас те неизвестные люди? Добрались ли они уже к нам, на Землю?.. Не добрались. Это говорит о том, что у них нет такой совершенной техники, как у нас; что они все еще отстают от нас. Совсем невежественными они не могут быть, иначе не знали бы радио. И это хорошо, даже замечательно! Они будут хорошими работниками, и, главное, будет не так трудно разделить их на несколько враждующих лагерей и подчинить себе.

Теперь в голове у меня прояснилось. Так вот почему член «Братства сильной руки» стремится посетить соседнюю

звездную систему! Он хочет обеспечить своим «братьям» власть над неизвестными людьми!.. На Земле это сделать не так-то просто.

— Дорогой праплемянник! — сказал я как можно веселее. — Думаю, что вам поручили сверхчеловеческое задание! Разве можете вы в одиночку завладеть целым миром?.. Не забывайте, что вы будете членом многочисленного экипажа, который разрушит ваши планы.

Олаф загадочно улыбнулся:

— Ошибаетесь. Напротив, экипаж мне поможет при выполнении задания!

— В это я не верю! — воскликнул я.

— Увидите! — сказал праплемянник, и на этом, собственно, наша беседа закончилась. Прощаясь, он напомнил мне про следующее свидание, и мы разошлись.

* * *

Я до сих пор еще не пришел в себя после первой встречи, а через час должен снова встретиться со своим ужасным родственником. Я еще не решил, как вести себя. К сожалению, Алена в Москве. Возможно, это и к счастью — кто знает?..

Что делать?.. Предупредить Алену и Навратила?.. Нет, доносчиком я не стану. Я это говорю не из страха. Как я могу донести на собственного праплемянника?! Следовательно, я должен предать, предать своих лучших друзей, которые вернули мне жизнь и окружили меня любовью и вниманием?.. Молчать, когда вижу, как хладнокровно готовится преступление?.. А с другой стороны, если я донесу на своего праплемянника, поможет ли это? Он сказал, что таких, как он, много. Если не удастся совершить преступление ему, попробует кто-нибудь другой.

Я в отчаянии. Через минуту должен идти на встречу. Лучше было бы мне не жить!

22 марта. Сегодня мне уже легче дышится. Я выбрал золотую середину. Обещал помочь Олафу и действительно помогу. Думаю, что так будет лучше. Попрошу у Навратила место в экипаже «Луча» и для себя. Конечно, я не допущу, чтобы со мной летела Алена. Кто знает, может, мне удастся разрушить планы Олафа. Если во время полета не получится его переубедить, — за восемь лет для этого найдется более чем достаточно времени — разоблачу его перед всем экипажем. Не допущу, чтобы преступление совершилось.

29 марта. Олафа приняли. Когда я об этом узнал, у меня по спине пробежали мурашки. Аленка снова в Праге. Меня мучает совесть.

30 марта. Вчера поздно вечером мне кто-то подсунул под дверь письмо. Олаф предупреждает меня, что в экипаже осталось всего два свободных места и что пришло время действовать. Завтра утром поговорю с Навратилом.

1 апреля. Я успокаивал себя тем, что Навратил сочтет мою просьбу первоапрельской шуткой и вежливо откажет. Меня удивило то, что он отнесся к моим словам серьезно и сказал, что не возражает, но должен получить согласие Тарабкина. Теперь я уже не могу отступить...

— Вы и без Алены полетите? — спросил меня Навратил. Я надулся, как индюк. Однако академик добродушно улыбнулся и сказал: — Вы просто как дети! Я сразу догадался, что крылось за тем неожиданным отказом, и знал, что вы оба возьметесь за ум... Алена уже знает о вашем решении?

— Нет, нет! — сказал я быстро. — Прошу, ничего ей не говорите. С радостью полечу с вами и без нее.

Навратил пожал плечами:

— Я всегда говорил, что вы — дети... Может, вы поссорились?.. Уверяю — я не допущу, чтобы Алена вас покинула...

Я чувствовал себя беспомощным. Как воспрепятствовать ее участию в этом вдвойне опасном полете?.. Что я ей скажу?

2 апреля. Сегодня утром Алена прибежала ко мне и, не обращая внимания на других монтажников в зале, обняла:

— Я знала, что вы поймете!.. Вы — храбрец, мой мужественный Лейф!

У меня чуть ноги не подкосились. С первого взгляда было ясно, почему она так обрадовалась — Навратил ей все рассказал.

Она усадила меня на какой-то ящик, сама села напротив. Сияла, словно солнце.

— Вы даже не представляете, как мне было тяжело... Я так стремилась лететь на Проксиму... и, признаюсь, не хотела потерять вас. Боялась, что слишком многим пожертвовала ради нашей дружбы и что когда-нибудь, — возможно, в будущем, — эта жертва встанет между нами... я счастлива, что все вышло по-другому!

Я тоже был счастлив, но и смущен:

— Итак, вы летите?

Она засмеялась:

— Конечно же, глупенький! Может быть, вы хотели бы полететь один, — вы, неисправимый эгоист?! Спрашиваете, будто не радуетесь так же, как и я!

— Радуюсь... Как не радоваться? — сказал я не очень уверенно. — Но... я боюсь за вас...

К ней уже вернулось веселое настроение:

— Что с нами может случиться?! — засмеялась она. — Что может произойти с людьми, которые отправляются под руководством Навратила завоевывать Вселенную?!

Я был обезоружен. Перед Аленой я казался сам себе глупеньким мальчишкой.

«Возможно, все кончится хорошо! — мысленно утешал я себя. — За восемь лет многое может измениться. Возможно, Олафа удастся переубедить».

26 апреля. Уже почти месяц, как я не брал в руки дневник.

Признаюсь, даже не вспоминал о нем. И не удивительно, потому что у меня теперь есть лучший слушатель. Жалко, ох, как жалко, что не могу открыть Алене самую главную тайну! Это и напомнило мне о моем верном дневнике.

День великого старта быстро приближается. Первого мая мы полетим с Аленой и всем экипажем на Луну, чтобы помочь закончить монтаж. Сейчас о нас пишут все газеты мира. И в телевизионных передачах ежедневно упоминается о нашей экспедиции. Хотенков нам, должно быть, завидует. Академия не одобрила его участие в экспедиции. Он должен остаться на Земле, чтобы в случае какого-нибудь несчастья руководить спасательными работами ...

Только что мне позвонила Алена и сказала, что Навратил назначил старт на четверг, пятнадцатого мая. В этот день Луна, Земля и другие планеты будут находиться в выгодном положении с точки зрения распределения гравитационных сил.

14 мая. Корабль уже несколько дней как готов и проверен. Вчера в присутствии членов президиума Академии он получил имя, которое уже давно предложил Навратил: «Луч». Ведь он, словно луч света, помчится сквозь безграничные просторы Вселенной!

Олаф больше о своем плане со мной не говорил.

15 мая. Через два часа стартуем!

Часть вторая

ПОКОРИТЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ

Глава XXII

«Приветствую жителей планеты Икс!»

В куполе главной башни высотного дома, где проживает Зайцев с семьей, разместилась обсерватория. Сегодня, накануне старта экспедиции в глубины Вселенной, она заполнена до отказа. Телескопы, конечно, захватили старшие пионеры, а младшие терпеливо ждут, пока им хоть на минутку дадут заглянуть в окуляр.

Окруженный толпой мальчишек и девчонок, Митька Зайцев увлеченно рассказывает о героях предстоящего путешествия, с которыми он знаком лично: о Северсоне, Надежде Молодиновой, Алене Свозиловой. Всеобщее внимание так приятно мальчику, что он расхвастался:

— ...Они обещали, что непременно пришлют мне приветствие с планеты Икс!.. А они обязательно долетят, потому что папа специально для них придумал необычный атомный двигатель!.. Папа тоже хотел лететь с ними, но мама сказала, что не пустит его...

Парень говорил бы еще неизвестно сколько, но прозвучала долгожданная команда:

— Малыши, теперь ваша очередь!

Разговоры моментально смолкли. Наблюдение за космосом — важное дело; тут уже не до разговоров.

Митька, как самый старший из маленьких, уступает очередь. Отойдя в сторону, к проему в куполе, сквозь который задувает майский ветерок, мальчик блуждает взглядом по звездному небу.

«Как это, наверное, красиво — лететь мимо сияющих звезд и смотреть на них вблизи... — думает он. — Жаль, что я еще не взрослый мужчина, как Северсон. Тогда, конечно, мама отпустила бы меня. Хотя спокойно могла бы и сейчас отпустить. Я, естественно, не побоялся бы... Вот завидовали бы ребята в школе!»

Эта выдумка начинает нравиться Митьке. Круглое помещение обсерватории вдруг превращается в кабину межзвездного ракетоплана, и мальчик представляет, что берет на себя управление...

Одно движение рычага — и звезды на небе молниеносно приближаются, превращаются в ослепительные солнца, — на крыльях фантазии лететь намного быстрее, чем на «Луче»! Посреди неба сияет большое красное солнце — Проксима. Вокруг нее вращается несколько планет. На одной из них мигают огоньки, — наверно, сигналы, которые подают жители неизвестного мира. Да, это — телеграфные знаки: «.—. / .—.. / .— / —. / . /—/.—//—..—» — «Планета Икс»!.. Недалеко от большого красивого города вспыхивают прожекторы, освещая космодром. «Луч» приземляется. Раздается веселый марш и тысячи людей на космодроме радостно кричат: «Ур-р-ра! Да здравствуют жители Земли! Приветствуем вас!»

Митька первым выходит из корабля. Над толпой прокатывается удивленный ропот. «Тринадцатилетний мальчик храбро отправился в космос!» — шепчут люди. Пионерки дарят ему большие букеты цветов, а мальчишки — модели кораблей и самолетов...

Торжествующий народ несет на плечах славных путешественников до главного зала Академии планеты Икс:

— Прежде всего пообедаем, — говорит академик, очень похожий на Тарабкина. — На нашей планете дети не обязаны кушать суп, друг Зайцев. Можете сразу начинать с десерта... Внимание, сейчас придет президент Академии...

Митька смотрит на дверь... и что же он видит?.. Президент у них такой же, как он, мальчишка.

— Хорошо, что вас взяли с собой в экспедицию, друг Зайцев! — говорит президент. — У нас дети занимают высшие должности. Таким образом, нам будет легче договориться...

— Нам уже пора возвращаться. Нас ждет много работы... — предупреждает Митька и вскоре заканчивает беседу.

Наступает трогательный момент расставания. Жители планеты Икс приносят столько подарков, что их приходится загружать в «Луч» сразу пятью огромными подъемниками. Через минуту корабль снова дома. Митьку на космодроме приветствует вся школа. Все затаив дыхание слушают его рассказ. «Слушайте внимательно! — говорит учительница. — Будете потом писать изложение...»

— Не хочешь посмотреть на Луну? — вдруг пробудил Митьку от мечтаний один из пионеров. — Вся малышня уже ушла домой, можешь смотреть хоть пять минут!

Только взгляд на Луну возвращает Митьку к действительности. Он блуждает глазами по ярко освещенным кратерам, пока не останавливается на маленьком огоньке, который сверкает на неосвещенной части Луны. Наверно, там Северсон ждет старта «Луча».

«Как грустно на сердце! Обещали, правда, что пошлют мне привет с планеты Икс, но что с того, если я не могу лететь с ними!»

* * *

Северсон сидит в главном зале космодрома и ждет сигнала к посадке. Навратил, Молодинова, Шайнер и Алена уже на «Луче», готовят корабль к старту.

Стрелы кранов, точно стальные руки, укладывают в трюм гиганта громадные ящики, заполненные самыми разнообразными аппаратами, запасными частями машин, кассетами с киноплёнкой. В одном из ящичков находится вертолет, предназначенный для исследования чужой планеты.

Солнце медленно клонится к горизонту. Окаймляющие космодром горные хребты отбрасывают длинные темные тени на всю стартовую площадку.

Северсон так углубился в созерцание, что даже не замечает Цагена, который сел напротив и что-то рисует в альбоме.

Серп Земли заглядывает через острые вершины скал в долину и своим голубовато-белым сиянием пытается затмить свет заходящего Солнца. В этом удивительном освещении могучий корабль производит впечатление сказочного чудовища. Своими очертаниями он напоминает великана, который с гордо поднятой к звездному небу головой ждет мгновения, когда, опираясь на конструкцию, что поддерживает его тело, оттолкнется и устремится прямо в безграничную Вселенную. Какими же крошечными, по сравнению с ним, выглядят люди в скафандрах, которые возятся возле кранов; какой маленькой кажется сейчас вся Земля!

«В “Луче” наша Земля приобрела первого конкурента! — думает Северсон. — Так же, как она, наш корабль одиноко полетит во мраке Космоса; как и она, должен стать жизненным пространством и защитником для людей... Человек ходит по Земле и не задумывается над тем, что вместе с земным шаром несется со скоростью тридцати километров в секунду вокруг Солнца, и одновременно, в десять раз быстрее — вокруг центра нашей Галактики, ему даже в голову не приходит, что воздушная оболочка Земли предохраняет его от разрушительного воздействия рентгеновских, ультрафиолетовых и космических лучей; что твердый грунт под ногами создает земная гравитация; что воздух и вода — такая роскошь, о которой в межзвездном пространстве нельзя и мечтать... Как искусно должен быть сконструирован “Луч”, чтобы предоставить четырнадцати членам экипажа те же условия для жизни, какие давала им родная Земля!»

В нескольких иллюминаторах цилиндрического корпуса звездолета зажегся свет. Северсон вздрогнул. Только сейчас он ясно осознал важность момента. Это, стоящее перед ним металлическое сооружение, в течение многих лет будет его единственным миром. Через несколько часов исчезнет из глаз любимая Земля, а он с Аленой и друзьями окажется среди нескончаемой темной ночи. Достаточно небольшой погрешности в расчетах — и все рухнет в пропасть, откуда нет возврата...

Цаген встал с кресла и осторожно положил руку ему на плечо:

— Узнаете себя? — спросил он, показывая альбом с карикатурой. — Лоб я вам нарисовал немного угловатым, слегка приподнял нос и чуть-чуть увеличил рот. А в остальном вроде бы точно придерживался действительности...

Северсон с минуту молча смотрел на рисунок. Потом заставил себя улыбнуться:

— Даже не предполагал, что сижу здесь для вас как на турщик...

— Рисование меня успокаивает. Занимает все внимание, так что мне не остается времени на излишнее волнение. Когда полетим, совсем другое дело, у нас будет столько работы, что быстро забудем о тоске по родине.

Северсон с благодарностью посмотрел на Цагена. Он хорошо понял, что тот, в такой деликатной форме, хочет его подбодрить.

* * *

Когда был погружен последний ящик, большие металлические двери гиганта закрылись, и на его вершине засиял красный свет. Члены экипажа, ждавшие этого сигнала уже в скафандрах, еще раз быстро обнялись с провожающими, прикрепили шлемы и направились к кораблю. На трапе Северсон встретился с праплемянником.

— Вверх на небо, дядюшка! — весело воскликнул Олаф и взял своего родственника под руку. — Очень жалею, что Навратил не назначил вас ко мне на электростанцию. Нам работалось бы веселее. А так будем видеться только изредка.

— Да, очень обидно, дорогой праплемянничек! — иронично заметил Северсон и, не оглядываясь, поднялся по

главному коридору в кабину управления, где его ждала Алена.

В кабине шла оживленная беседа.

— Пожалуйста, соедините меня со всеми служебными помещениями, я хотел бы убедиться, что все в порядке, — попросил Навратил сидевшего в удобном кресле возле пульта управления корабля Мадараша.

На веренице экранов постепенно появлялись лица всех членов экипажа, находящихся на своих постах в «Луче».

— Еще раз напоминаю состав первой смены: капитаном будет Молодинова, главным пилотом — Мадараш, главным наблюдателем — Цаген, за контролем топлива следит Шайнер. Связь с Землей будет поддерживать Мак-Гарди. Через шесть часов их должны сменить Чан-су, Вроцлавский, Губер, Фратев и Ватсон. Пока не покинем Солнечную систему, всем быть внимательнее!.. — Навратил взглянул на часы. — Через сорок пять минут стартуем. Еще есть достаточно времени, чтобы спокойно проверить все приборы. Семь раз отмерь, один раз отрежь! — ведь так гласит старинная пословица. Мы втроем пока свободны, — обратился он к Алене и Северсону. — Осмотрим весь корабль, не забыли ли что-нибудь. Через час уже будет поздно.

Они спустились по главному коридору в лаборатории, расположенные в большом шаре в голове гиганта. В обсерватории застали академика Ватсона; он проверял, как работают радиотелескопы. Увидев посетителей, Ватсон встал и шагнул им навстречу.

— Ну, я сдержал слово? — спросил он с вызовом. — Признайтесь, товарищ Навратил, ведь вы до последней минуты не верили, что я полечу с вами.

— Говоря по правде — не верил! — улыбнулся Навратил. — Я знал, что вы последовательно умеете защищать свои убеждения, но что в этом споре зайдете так далеко...

— Это вам даже не снилось, не правда ли? — перебил его Ватсон. — Ошибаетесь. Сильно ошибаетесь. Для меня сейчас, и никогда раньше, и речи не было о споре. Я просто защищаю то, в чем твердо убежден. Пока что вы мои взгляды опровергли лишь в одном: доказали, что ракета

выдержит половину скорости света. Да, признаю свою ошибку. Но мне интересно, как эту скорость перенесем мы, люди. А еще больше меня интересует, каких существ мы найдем на планете Икс. Боюсь, мы оба будем разочарованы. Кроме того, вероятно, нас ждет много сюрпризов, о которых мы и понятия не имеем.

— Риск есть в каждой экспедиции, — пожал плечами Навратил.

— Боюсь, что слишком большой риск... Разве не достаточно нам тех блестящих результатов, каких достигла наука?.. Мы овладели атомной энергией, продлили человеческую жизнь до ста пятидесяти лет, научились предсказывать и обезвреживать стихийные бедствия, производить искусственную пищу и превращать элементы, выводить новые породы животных. Мы проникли в глубь морей и в космос. Скоро научимся управлять погодой. Разве этого не достаточно, чтобы жить на Земле безбедно и спокойно?.. Чего нам желать еще?

— Проникнуть глубже в Космос и раскрыть, наконец, тайну возникновения Солнца и Галактики; установить дальнейшие законы развития материи; научиться управлять не только поверхностью Земли, но и всем земным шаром, чтобы в критический момент иметь возможность передвинуть его в более выгодное место Вселенной...

— Ладно, посмотрим, — улыбнулся Ватсон. — Мы с вами на одном корабле, и нас связывает общая судьба. Надеюсь, вы об этом не жалеете?

— Почему же я должен об этом жалеть? — удивился Навратил. — Наоборот, уважаю вас и убежден, что несмотря на различия во взглядах, мы идем одной дорогой.

Навратил, Алена и Северсон попрощались с Ватсоном и продолжили осмотр «Луча». Они побывали на радиолокационной станции, осмотрели телевизионные передатчики, гравиметры и астротелевизоры, потом спустились из головной части корабля в его «туловище».

Два верхних этажа были поделены на небольшие помещения, служившие жилыми каютами. Остроумная конструкция мебели говорила о желании конструкторов сэконо-

мить каждый квадратный сантиметр площади; мягкая упругая пластмасса, которой были обтянуты стены и отдельные предметы, должна была защищать астронавтов от ударов при неожиданных рывках корабля.

Нижний этаж представлял собой большой круглый зал. Телевизоры, библиотека и цветы свидетельствовали, что здесь члены экипажа будут проводить свое свободное время.

Под клубом были расположены кухня и химические лаборатории. Здесь будет командовать Алена.

Другие помещения корабля Северсона мало интересовали. Он знал, что там — склады кислорода, которые будут обеспечивать обновление воздуха, и склады горючего, но в целом там было слишком много до сих пор непонятных ему аппаратов.

Зато атомную электростанцию он полюбил еще во время монтажа. Принимая участие в работе над ней, он считал ее и своим детищем. Однако присутствие праплемянника Дитриксона испортило ему настроение. Он перевел дыхание только тогда, когда осмотр корабля закончился и они вошли в кабину управления.

Молодинова, Цаген и Шайнер уже сидели вместе с Мадаршем на своих местах.

— Пристегнитесь, через шесть минут стартуем! — напомнила Молодинова, даже не подняв глаза от контрольных приборов.

Северсон сел в кресло рядом с Аленой и начал затягивать предохранительные ремни. Вдруг его рука коснулась какого-то шарика в кармане комбинезона.

«Что это может быть, ведь я ничего туда не клал?» — мелькнула у него мысль.

Он вытащил свернутую в шарик бумажку.

Северсон вопросительно взглянул на Алену. Она смотрела в другую сторону и не заметила его находки. Тогда Северсон развернул бумажку и, к своему огромному удивлению, прочитал: «“Братство сильной руки” против вашего участия в полете. Предупреждаем: лучше откажитесь!»

Северсон быстро сунул письмо в карман. Это было сделано вовремя, потому что Алена повернула голову и тихо спросила:

— Вы рады, что мы летим вместе?

— Да, рад и очень! — кивнул он и, чувствуя, что его слова прозвучали недостаточно убедительно, сразу же добавил: — Вы даже не представляете, как я счастлив, что мы не расстались. Я боялся бы за вас...

— Желаем вам успехов в вашем путешествии и счастливого возвращения! — раздалось из репродуктора. — Примите поздравления от всего человечества и приветствуйте от нашего имени далеких соседей на планете Икс!

По знаку Молодиновой Мадараш передвинул один из рычагов.

Легкое дрожание стен показало, что включились реактивные двигатели.

— Старт!

Северсон погрузился в мягкие подушки.

«Кто же положил мне в карман это письмо? — размышлял он. — Это не Олаф; тот даже глазом не моргнул, не показал, что не рад здесь видеть меня. К тому же он сам меня просил, чтобы я летел с ним... Возможно, на “Луче”»

есть еще один его сообщник?.. Кто это может быть?.. Только... Ватсон. Да, бесспорно, это Ватсон... Потому он так неожиданно изменил свое отношение к проекту Навратила... Отчего я не сообразил этого раньше?»

Он вытащил письмо из кармана и снова украдкой заглянул в него.

«Да, без сомнения Ватсон! Олаф не стал бы писать мне на английском языке!»

Глава XXIII

Сквозь Солнечную систему

Вид из иллюминатора атомной электростанции «Луча» быстро менялся. Земля, неподвижно висевшая над горизонтом Луны, спряталась за вершины гор. Отдельные скалы незаметно сливались в гряды, постепенно превращаясь в кратеры и цирки, знакомые каждому по снимкам Луны.

Дитриксон, поглощенный наблюдением за контрольными приборами, все-таки то и дело поглядывал на захватывающее зрелище, разворачивавшееся за иллюминатором. Поверхность Луны закруглялась; она отдалялась, уменьшалась, пока не превратилась в шар. Из-за ее нижнего края опять появился голубовато-зеленый лик Земли. Казалось, наша планета остается неизменной, тогда как Луна заметно уменьшалась.

Через несколько часов полета размеры обоих шаров сравнялись. В звездном небе плыли два диска разного цвета, на противоположной стороне сияло окутанное ослепительной лучезарной короной Солнце.

Какое оно пустое, чудовищно пустое, это межпланетное пространство!

Взглянув на удаляющуюся родную планету, Дитриксон вздрогнул. Правда, он никогда не чувствовал щемящей тоски по дому, а любовь к отечеству была для него незнакомым понятием, пустым словом. Но сейчас его сердце сжа-

ла странная печаль. Земля с живописными рассветами и закатами, с роскошной природой и жизнью исчезает в темноте ночи. Скоро и Солнце превратится в крохотную звездочку, которая затеряется среди миллионов других... Жизнь или смерть, победа или поражение — все теперь зависит только от надежности замкнутого мира, который создали для себя люди и который летит сейчас вместе с ними по Вселенной. Достаточно, чтобы подвело хотя бы одно звено в этом хитроумно устроенном круговороте материи — и астронавты умрут от голода или жажды либо задохнутся. А что ждет их на этом долгом пути? Когда «Луч» покинет Солнечную систему и умолкнут ракеты, наступит темная ночь, полная всяких неожиданностей. Можно ли с уверенностью сказать, что в межзвездном пространстве нет блуждающих космических тел, что там не таятся облака газа, несущие звездолету огненную гибель?

Рассуждая так, Дитриксон вспомнил и о судьбе экспериментальной ракеты Шайнера. Какова была причина ее неожиданного молчания?

По спине у него пробежали мурашки. Мерзкое чувство страха он попытался заглушить мыслями о цели путешествия. Безумец представлял, как он отдает приказы миллионам неведомых людей; как гордо сообщает «Братству сильной руки» о своей неограниченной власти над планетой Икс... Но и в эти розовые мечты врываются мрачные сомнения: а что если люди этой планеты перестреляют экипаж корабля, прежде чем представится возможность завязать с ними близкие отношения?.. Или окажется, что неизвестные существа обладают смертоносным оружием, против которого до сих пор нет защиты?

В помещение вошел Северсон. Дитриксон вздрогнул так, словно кто-то внезапно ударил его ножом в спину.

«Еще одна опасность! — мелькнуло у него в голове. — Он может предать меня перед самым приземлением!»

— Видимо, я оторвал вас от плодотворных мыслей? — улыбнулся Северсон. Оттенок иронии в его голосе не прошел мимо внимания Дитриксона.

— Вы правы, — натянуто любезным тоном ответил он. — Я думал о нашей атомной электростанции. Это действительно очень хорошая штука. Она заменяет нам Солнце, помогает обновлять воздух и производить искусственное сырье, дает нам энергию для бешеного полета...

— Вы правы, Олаф. Наш преподаватель химии любил смеяться над алхимиками, а его собственный внук сегодня умеет из ртути сделать не только золото, но даже «философский камень» или «живую воду». Но я не за этим пришел к вам, Олаф...

Северсон сунул руку в карман и вытащил из него старательно свернутый листок.

— Пожалуйста, прочитайте это! — сказал он медленно, не сводя глаз с опасного родственника.

Лицо Дитриксона осталось неподвижным. Он развернул записку и пробежал глазами по строкам.

— Кто вам ее дал? — спросил он спокойно. — Ни один член «Братства» ничего подобного мне не говорил. Хорошо, что вы не послушались. Записка — фальшивая. Когда вы ее получили?

— Не знаю, — сказал с облегчением Северсон. — Я нашел ее в кармане за несколько секунд перед стартом, когда для послушания уже не было времени.

— Благодарите счастливый случай, а записку лучше уничтожим... — и, прежде чем Северсон опомнился, Олаф разорвал листок пополам и продолжал рвать на все более мелкие кусочки.

— Не делайте глупостей, Олаф! Зачем порвали? — воскликнул Северсон, схватив пращлемянника за руку. — Как мы теперь установим, кто это писал?

— Кто писал? — засмеялся Дитриксон. — Тот, кого здесь, на «Луче», бесспорно, нет. Уверяю вас, что автор этого подметного письма сидит где-нибудь на Луне или на Земле. Я один из всего экипажа имею честь представлять наше великое «Братство»! — сказал он полушутя, полусерьезно.

Северсон пожал плечами и посмотрел на часы:

— Что ж — пусть будет так... знаете ли вы о том, что Навратил доверил мне важную работу? Я буду диктором нашего телевизионного передатчика.

* * *

Митька Зайцев вышел из вертолета, приветливо помахал пилоту и побежал по лестнице института Тарабкина. Под мышкой он держал большую коробку, завернутую в шелковистую прозрачную бумагу. В лифте парень нетерпеливо переступал с ноги на ногу; ему казалось, что сегодня тот поднимается слишком медленно. Не успел лифт остановиться, как Митька выбежал к коридору и застыл перед большими белыми дверями.

Он колебался с минуту, потом робко постучал. Услышав приглашение, зашел в светлый просторный зал, в конце которого стояло несколько медицинских аппаратов.

— Здравствуй, Митя! — поздоровалась с мальчиком Наташа Орлова. — Давненько тебя не было. Тарабкин уже думал, что ты на нас сердисься.

— У меня было очень много дел... — оправдывался Митька.

— Признайся, что ты все свободное время просидел у телевизора! — рассмеялась Наташа. — Не думай, что мы не такие. Поверь, что репортаж с «Луча» нас интересует так же, как и тебя...

Ее взгляд упал на коробку. Заметив это, мальчик покраснел:

— Несу вам подарок, сам сделал...

— Подарок?.. А какой, Митя?

— Посмотрите сами... Только я хотел бы, чтобы вы коробку открыли вместе с товарищем Тарабкиным.

— Тогда пойдем к нему, он сейчас свободен.

Академик Тарабкин, который в своем кабинете в это время настраивал телевизор, чтобы послушать репортаж из

«Луча», обрадовался гостю. Наташа открыла коробку, и ученые с интересом заглянули внутрь.

— Чудесно, мой милый конструктор! — Тарабкин вытащил модель звездолета, высоко поднял ее и прошел с ней несколько шагов. — А летает?

— Конечно! — гордо ответил мальчик. — Все мои модели летают. Что бы это был за ракетоплан, если бы не летал?

Тарабкин погладил усы:

— Конечно, мы сегодня же опробуем «Луч», а потом вернем тебе. Ты с ним умеешь обращаться лучше, чем мы.

— Я его сделал для вас и назад не возьму!

— Ладно, в таком случае спасибо. Он будет напоминать нам нашего дорогого Северсона. Кто знает, что он сейчас поделявает, сквозь какой иллюминатор на нас и на нашу Землю смотрит? — академик слегка провел рукой по модели.

— ...Вас приветствует «Луч»! — вдруг послышался знакомый голос.

Это было так неожиданно, что все испуганно повернулись к телевизору. С экрана им улыбалось лицо Северсона. Он был немного бледен, на широком лбу у него выступили вены в форме буквы «У». Конечно, он был смущен, как и всякий начинающий диктор, так как сознавал, что сейчас на него смотрят миллионы глаз по всему миру.

— ...Прежде всего — несколько кадров из нашей жизни...

Картина на экране сменилась. Появилась кабина управления. В креслах у пульта сидели главный пилот Цаген и Навратил — капитан корабля в этой смене.

— Простите, что они не смогут принять участие в нашем репортаже... — продолжал Северсон. — Скоро подлетаем к поясу астероидов, а здесь необходима повышенная осторожность. Чтобы избежать возможного столкновения, движемся по большой дуге в направлении движения астероидов. Все они вращаются вокруг Солнца в одну и ту же сторону.

Как я сам убедился, управление звездолетом в межпланетном пространстве — нелегкое дело. Мы в полном смысле слова можем полагаться только на реактивную тягу. Очень сложной для нас является и ориентация. Нельзя определить, где верх, где низ; единственными неподвижными точками являются только отдаленные звезды. Для тех, кто уже летал на Луну, я не рассказываю ничего нового. Напоминаю же нашей молодежи, которая путешествует по Вселенной пока что только в учебниках и романах...

Теперь продолжим осмотр «Луча»...

На экране телевизора появляются Молодинова и Чан-су. Они внимательно изучают карту Солнечной системы с отмеченной на ней траекторией корабля и проверяют с помощью приборов правильность полета.

На служебном телевизоре замигал красный огонек. С экрана в кабину смотрит Мак-Гарди:

— Внимание, в направлении полета, недалеко от Альдебарана, мы обнаружили небольшую планетку. Диаметр — двадцать шесть километров, расстояние — двадцать тысяч километров...

Молодинова и Чан-су быстро подбежали к иллюминатору. Альдебаран ярко сиял в созвездии Тельца, а вокруг него спокойно светили более слабые звезды. Ни следа далекой планетки. Пока что ее заметили только чувствительные глаза астрорадиолокатора.

Но через несколько секунд одна из звезд настолько увеличилась, что затмила Альдебаран. Она быстро передвигалась вправо и все росла.

Зрители в кабинете Тарабкина затаили дыхание, Митька даже привстал с кресла и сжал Наташе руку.

Звезда незаметно превратилась в планетку яйцевидной формы. Яйцо, освещенное Солнцем, вращалось вокруг своей меньшей оси так, будто его положили на стол и раскрутили. Только вращалось оно значительно медленнее. В зависимости от того, каким боком оно поворачивалось к Солнцу, изменялась и интенсивность его освещения.

«Луч» пройдет мимо планетки, вероятно, с левой стороны, потому что тело, которое все время увеличивается, следует рядом. Оно уже настолько близко, что холмы на его поверхности видны невооруженным глазом.

Тело вдруг начало расти значительно быстрее... и одним прыжком исчезло из поля зрения. Картинка на экране сменилась. На фоне звездного неба снова виднелось лицо диктора.

— Опасность миновала, астероид уже позади... — с облегчением сказал Северсон.

Зрители перевели дух и поудобнее уселись в креслах.

— Сейчас академик Навратил сообщил мне, что по его предложению этот новооткрытый астероид получил имя — «Северсон»... — добавил диктор смущенно.

— Ура! — подскочил Митька и начал аплодировать, его поддержали академик Тарабкин и Наташа Орлова.

* * *

Северсон и Алена свободны. Короткие минуты отдыха они проводят в клубе. Сидят у иллюминатора под чахлой сосной, которая растет в закрытом вазоне. Это растение никогда не знало Земли. Его вырастили садоводы в оранжерее на Луне. С детства оно приспособилось к пониженной силе тяжести, а в межпланетных кораблях научилось расти и вовсе без притяжения. Освободившись от оков гравитации, деревце сразу же изогнуло свои ветви в такие удивительные формы, что ему позавидовали бы и искусственно выращенные японские сосны. К сияющим лампочкам сосенка тянется с такой же любовью, как ее сестры на Земле — к Солнцу. Возможно, что она не отличает этих ламп от Солнца и, несмотря на свой достаточно большой возраст, все еще имеет гладкую кору, так как давно узнала, что в этих условиях должна экономить воду. Капли влаги, оседающие на нее из содержащегося в воздухе пара, не остаются на ее ветвях сияющей росой. Они моментально

расплываются по всей поверхности, так что кажется, будто всю сосну кто-то окунул в воду.

Северсон созерцал необычное дерево и вспоминал. Легко догадаться, куда улетели его воспоминания. Угадала это и Алена.

— Сосна вам напомнила Норвегию, правда? — прервала она затянувшееся молчание.

Он кивнул в знак согласия.

— Ну, в этом мы с вами похожи. Теперь я тоже мысленно часто бываю дома. Знаете, пока человек где-то на Земле, он не грустит так, потому что знает, что может в любой момент быстро вернуться. Но здесь... Пока ты дома, все кажется обычным. А если человек от дома далеко... Вспоминаю одно стихотворение, которое я учила еще в школе. Надеюсь, вы не будете сердиться, если процитирую вам отрывок из него...

Много прошел я стран и дорог,
Прекрасных, щедрых — пускай.
Но сердцу милее всего и дороже,
Судетский родимый мой край.

Там небо синее чудесным рассветом,
Средь снежных, суровых вершин.
Потоки и речки — веселые птицы,
Щебечут в прохладе долин.

Весною проснулись поля и дубравы.
Цветы улыбаются мне.
И гордая песня, звенящая счастьем,
Летит по родной стороне.

Она замолчала. Повернулась к иллюминатору, скрывая лицо. Влажными глазами смотрела на Землю, которая уже превратилась в ярко сияющую звезду.

— Чьи это стихи? — спросил Северсон, чтобы продолжить прерванную беседу.

— Нашего чешского поэта Иржи Гавела. Он написал их в тяжелые времена борьбы за мир и безопасность нашего

отечества. Поэтому свою «Песню о родном крае» он закончил так:

Льется чудесная светлая песня,
над нашей любимой страной.
Но если беда вдруг нагрянет,
Мы снова выйдем на бой.

Мы удаляемся от дома и не увидим его много лет, но в одном мы более счастливы, чем было поколение Иржи Гавела: можем лететь со спокойным сердцем, зная, что наше отечество и вся планета уже живут в мире...

— Посмотрим, что у нас нового, — предложил Северсон и включил телевизор.

Передавали репортаж о победоносном окончании обводнения Сахары.

Там, где несколько лет назад была пустыня, теперь зеленели пальмовые рощи, а над ними в небе реяли флаги всех народов мира. Люди торжествовали. Негр обнимался с американцем, русский с англичанином, чех с немцем. В центре красочной клумбы улыбался большой портрет Жолио-Кюри, который еще в 1953 году предсказал обводнение Сахары. Он сказал тогда, что человечество могло бы оросить Сахару на те средства, которые за один-единственный месяц тратит на подготовку войны.

Репортаж закончен. Начинаются вести Всемирного информационного и телевизионного центра.

— ...Академик Сырцов предложил сегодня президиуму Всемирной Академии наук детально разработанный проект управления погодой... Если удастся его осуществить, мы сможем не только предупреждать стихийные бедствия, но и создавать самые благоприятные климатические условия на всем земном шаре. Проект опирается на победу над Арктикой и новые открытия в области атомной физики...

Демонстрируется несколько кадров с места работы академика Гарингера. По последним сообщениям, ему удалось продолжить скважину в глубь Земли до 305 километров. Исследования глубинных слоев подтвердили предположе-

ние советских ученых: недра Земли, несомненно, сложены не из железа, а из каменистого вещества...

Затем — обзор сообщений, которые передавались в течение дня.

— ...Исследовательская группа Бергера обнаружила во льдах вблизи Северного полюса трех мертвых людей. После изучения первых снимков можно предположить, что среди них есть и Амундсен...

Северсон вскочил. Широко раскрытыми глазами он смотрел на экран. К сожалению, на мутных фотографиях невозможно было различить детали.

* * *

«Главный повар» звездолета Алена Свозилова и ее временный помощник Северсон священнодействуют в кухне, синтезируя необходимые питательные вещества. Это не легкая работа, она требует сосредоточенности и внимательности. И все же Северсон время от времени поглядывает в иллюминатор на небольшой шарик, окруженный тонким кольцом: это Сатурн, к которому приближается «Луч».

— Сатурн... — говорит он задумчиво. — Жаль, что мы не пролетели также мимо Марса и Юпитера...

— Не вижу в этом никакой беды! — засмеялась Алена. — Навратил умышленно выбрал такое время для старта, чтобы обойти эти планеты. Сейчас они на противоположной стороне системы, за Солнцем, и это хорошо. Мы должны были бы изрядно поманеврировать, чтобы преодолеть их гравитацию, а она довольно мощная, особенно у Юпитера... Вы ничего не потеряли, Лейф. Юпитер вообще неинтересен: он состоит из жидкого вещества немногим плотнее воды и окутан непригодной для дыхания атмосферой. Марс — интереснее, на нем даже существует жизнь. Но что вы увидели бы издалека? А у нас на «Луче» есть копия документального фильма, привезенного с Марса советской

экспедицией. Если хотите, мы посмотрим его сегодня после работы.

Северсона не пришлось уговаривать дважды. Сразу же после обеда они с Аленой пошли в проекционную и включили аппаратуру.

Засиял экран. Побежали титры; кратко показано путешествие в межпланетном пространстве. И вот уже ракетоплан приземляется на заснеженной равнине чужой планеты.

Небо над ней не голубое, как на Земле, а розоватое. Из ракетоплана выходят ученые в скафандрах — ведь воздух на Марсе слишком разрежен и непригоден для дыхания человека.

Микроскопический снимок снежинок. Они имеют форму звездочек, как и наши, но строение их не такое сложное.

Под тоненьким слоем снега прячутся растения, напоминающие лишайники.

Группа ученых отправляется исследовать окрестности. За низким холмом перед ними открывается удивительный пейзаж: густая поросль кустарника. С волнением ученые исследуют растения. Их стволы пористы, покрыты отверстиями. На концах кривых ветвей раскрываются веера зелено-голубых тычинок; видимо, они выполняют функцию листьев.

Новый кадр: ракетоплан стоит среди талого снега, сквозь который прорываются тысячи мелких ручейков. Снег исчезает на глазах.

Из темного мокрого грунта быстро вырастают низкие растения. У них нет стволов, листьев и цветов, как у наших растений. Это скорее шарики, нанизанные на причудливо изогнутые проволочки.

Живут ли здесь животные? Да, и даже такой странной жизнью, что на Земле не найдешь ничего похожего. Некоторые напоминают длинноногих пауков, другие — богомолов... Опасны ли они для наших ученых? Нисколько, потому что эти животные являются, собственно, ходячими растениями. Они имеют такой же зелено-голубой цвет, как и растения, а это свидетельствует о наличии хлорофилла в

их организме. При ближайшем изучении было установлено, что они, так же как и растения, получают энергию непосредственно от солнца, а материал на построение своего тела берут из почвы... Почему растения здесь ходячие? Со сменой времени года и появлением снега эти существа отступают в более теплые зоны планеты...

Но в тот раз Северсону так и не удалось досмотреть фильм до конца: примчался Вроцлавский и, не объясняя, в чем дело, позвал друзей в обсерваторию межзвездного корабля. Там уже собрались все члены экипажа.

— Ну, друзья, а сейчас, прошу, взгляните! — Вроцлавский включил астротелевизор и показал на экран.

Картина в самом деле была ошеломляющая: на черном, глубоком фоне неба ярким красным светом полыхал Сатурн. Еще несколько минут назад он сиял спокойно и тускло, а сейчас на нем бурлило пламя.

Что было причиной такого необычного освещения плотной завесы облаков над планетой?

Вроцлавский включил астрорадиолокатор, и через несколько секунд на экране появилась захватывающая картина: поверхность планеты будто разорвалась в тысячах мест. Из глубин Сатурна вырывались, поднимаясь вверх, бесчисленные пряди огня.

— Вулканы... — тихо сказал Вроцлавский. — И еще какие вулканы! Таких, видимо, Земля не знала и в самую бурную свою эпоху!

По приказу Навратила почти все члены экипажа приступили к изучению вулканической деятельности Сатурна. Но звездолет уже удалялся от этой планеты; Сатурн уменьшался в отдалении.

«Луч» пересек орбиту Урана и Нептуна так, что ученые не видели их вблизи. Только на самой границе Солнечной системы встретились с последней планетой, Плутоном. Он проплывал в извечной тьме, словно забытый всеми сирота.

Едва ли не каждого из членов экипажа «Луча» эта встреча взволновала, заставила задуматься, загрузить: ведь корабль выходит в межзвездное пространство. Но если другие могли побороть подсознательное беспокойство, у Дитриксона оно постепенно превращалось в настоящий страх.

Точки звезд в темноте — и более ничего. Солнце, то Солнце, которое утром заглядывало к тебе в окно, сияние которого дарило жизнь, давно уже потеряло свою зеленую корону. Теперь оно светит не ярче Венеры на земном небе, его свет летит в эту часть Солнечной системы более пяти часов!.. Землю же отсюда не увидишь, даже если обладать зрением орла. Она затерялась где-то в бесконечной Вселенной... Куда же, куда летит корабль?! Вот уже позади и Плутон. Впереди, на миллиарды километров — пустота.

Внезапно весь звездолет вздрогнул. Нет, то не был страх, пробежавший по телу межзвездного гиганта. Наоборот, то было свидетельство огромной отваги его обитателей: были включены дополнительные двигатели, чтобы увеличить скорость. Теперь уже нет никаких преград. Итак, вперед, наперегонки со светом! Недаром корабль носит название «Луч»!

Лежа на кровати в своей крохотной каюте, Дитриксон пытался заснуть. Он хотел проспать самые тяжелые минуты полета, разлуку с Солнечной системой. Но сон все не приходил. Нервы напряглись до предела; уши прислушались к каждому звуку. Как там?.. Что там?..

Вдруг постель под Дитриксонем дернулась назад; ремни, которыми он был привязан к кровати, сжали ему грудную клетку. Взрывы реакторов смолкли, наступила тишина.

«Что случилось?.. Повреждена атомная электростанция?» Дитриксон вскочил, нащупал выключатель, щелкнул... Нет, электрическая сеть цела. Почему же не работают двигатели?.. Может, вышли из строя реакторы?

По кораблю прокатился глухой грохот; Дитриксона швырнуло вперед.

«Ну, все в порядке!» — вздохнул он с облегчением. Но радость его длилась недолго: реакторы замолчали снова.

Страшно перепуганный, Дитриксон судорожно ухватился за ремни и закрыл глаза. Ему казалось, что межзвездный корабль падает, — падает в бездонную темную пропасть безграничной Вселенной.

Реакторы еще несколько раз заработали, но то были только отдельные взрывы с неправильными интервалами.

— Конеч... конеч... — шептал Дитриксон, схватившись за голову. — Зачем?.. Куда?.. Во имя чего?.. Проклятие!

Глава XXIV

Черный бродяга

Академик Хотенков с сияющим лицом вошел в кабинет президента Всемирной Академии наук.

— У вас родился сын? — пошутил президент.

— Да, прекрасный черноволосый сын, товарищ президент! — подхватил с улыбкой Хотенков. — Парнишка хоть куда!

— В таком случае от всего сердца поздравляю вас!

— Сын у меня родился, но... — Хотенков прищурил глаза и вздохнул. — Но, сказать правду, он не мой...

— Интересно! А чей же он тогда?

— С таким же успехом мог бы быть и вашим.

— Вы шутите? — заморгал глазами президент. Правда, он чувствовал подвох: Хотенков любит отпустить какую-нибудь шутку. Но на сей раз у него был очень серьезный вид.

— Действительно, вы тоже виноваты, что сын не мой! — так же серьезно продолжал академик. — Поясню вам позднее... Пожалуйста, скажите-ка мне, — сказал он, показывая на большую схему Солнечной системы. — Как вы думаете, эта карта — верна?

— Надеюсь, что да. Иначе бы мы ее здесь не повесили.

— Несмотря на это, позволю себе утверждать, что она — ошибается.

— Этого не может быть. Схема много раз проверена тщательными наблюдениями... Вы сегодня говорите одними загадками. Не интригуйте, а лучше говорите прямо, что у вас на уме.

— Ладно. Тогда вернемся к моему новорожденному. Хотите видеть его фотографии?.. — Хотенков достал из кармана несколько снимков и положил их на стол, нарочно перевернув.

Президент осторожно перевернул их и озадаченно замер. Однако сразу же засмеялся:

— Это хорошо, это хорошо! Говорите — сын?.. — через минуту он стал серьезным. — Вы открыли еще один спутник Плутона?

— Это не спутник, а планета.

— Итак, дочь!.. Погодите, что это вы говорите? Только сейчас понял... Планета?.. В нашей Солнечной системе?.. Ведь минуту назад вы утверждали, что карта ошибочна?

— Да, я это утверждал. А доказательство того, что я прав, лежит перед вами.

— Итак, десятая планета?.. Невероятно!.. Как она могла так долго прятаться от наших совершенных приборов?.. Может, вы хотите сказать, что мы, обнаружив планеты возле Сириуса, были настолько слепы, что не сумели разглядеть Черного бродягу, этого безбилетного пассажира, который скрывался буквально на расстоянии вытянутой руки?

— Черный бродяга! Да, хорошо сказано. Вы попали прямо в яблочко! — засмеялся Хотенков. — Только что открытую планету так и следует назвать.

— Кто же ее открыл?

— Трудно сказать. Их было много: Молодинова, Вроцлавский, Мадараш, Навратил...

— Экипаж «Луча»!.. Это изумительно! Дважды мы облетели Солнечную систему — и ничего... Прошу вас, не интригуйте меня больше, рассказывайте все, что знаете.

— Пока немного. Я получил сообщение от «Луча» десять минут назад, и пока еще неполное. Оно летело к нам приблизительно шесть часов — значит, около семи часов назад «Луч» встретил космическое тело, что чуть не привело к

катастрофе. Черный бродяга не случайно получил свое имя. Планета, в прямом смысле слова, черная. Абсолютно лишена атмосферы, как наша Луна, и примерно такая же по размеру. Ее поверхность имеет удивительное свойство, которое скрывало планету от зорких глаз астрономов. Она поглощает солнечный свет. Наверное, содержит большой процент углерода и, скорее всего, покрыта пылью. Поэтому не удивительно, что этот Черный бродяга так долго прятался от нас.

— Я не удивляюсь, что его не обнаружили наши обсерватории на Земле и Луне, но как могло получиться, что его не нашли даже наши исследовательские экспедиции? И почему его не выдали гравитационные силы?

— И на этот вопрос экипаж «Луча» дал нам ответ. Черный бродяга удален от орбиты Плутона почти на два световых часа. Когда наша первая экспедиция пересекла орбиту Плутона, десятая планета, видимо, находилась на противоположной стороне Солнечной системы. Подобное произошло и во время второй экспедиции. Что же касается гравитационных сил, то они, из-за незначительных размеров Черного бродяги, слишком малы, чтобы оказывать какое-либо влияние на движение Плутона.

Президент Академии снова внимательно рассмотрел снимки десятой планеты:

— Значит, нужно сердечно приветствовать нового соседа и исправить наши несовершенные карты... — сказал он задумчиво. — Жаль, что мы не знаем его лучше. Возможно, он нам расскажет что-нибудь про тайну, которой окутано возникновение нашей Солнечной системы. Наконец, не следует исключать гипотезу, что он и является тем недостающим звеном в «менделеевской таблице» астрономов, которое даст нам возможность точно определить законы движения и внутреннего строения небесных тел. Если бы мы разработали такую же таблицу, как химики, достаточно было бы обнаружить у какого-нибудь светила хотя бы три планеты, и тогда для остальных мы могли бы с абсолютной уверенностью оставить свободные окошки, где были бы точно определены вес, скорость вращения и состав

неизвестных планет. Ничего не могу с собой поделаться, — меня то и дело преследует мысль, что Солнечная система и атом имеют много общего.

— Вы хотите сказать, что наша Земля является обычным электроном в каком-то гигантском атоме? — улыбнулся Хотенков.

— Этого я не говорю. Но нельзя забывать и того, что изучение звездных систем уже много раз открывало нам глаза именно в области атомной физики.

* * *

Десятая планета заставила экипаж «Луча» существенно изменить план путешествия. После такой неприятной встречи пришлось увеличивать скорость полета намного медленнее, чем планировалось раньше. Вскоре оказалось, что осторожность была вполне оправдана: несколькими днями позже «Луч» встретился с очередным жителем Вселенной. В полном одиночестве он скитался в бесконечном пространстве. Однако на сей раз это была не планета, а блуждающая комета. Она появилась совершенно неожиданно. Ее легкое, почти нематериальное тело засверкало на звездном небе голубоватым сиянием и исчезло из поля зрения, не оставив после себя никаких следов.

Астрорадиолокаторы и астротелевизоры непрерывно ощупывали пространство перед кораблем. Их сообщения были такими же короткими, как и отметки астрогравиметра: «Путь свободен!»

Атомные реакторы включились на полную мощность. Скорость полета все время нарастала, а вместе с тем сообщения с Земли запаздывали все сильнее.

— Пусть я буду первой телегой на Млечном Пути, если мое терпение скоро не лопнет от этой скорости света! — горячился инженер Фратев. — Что ни делай, а этих проклятых триста тысяч километров в секунду не перепрыгнешь. Свихнуться можно! Радиоволны ползут, как улитки.

В нашей Солнечной системе это еще терпимо, но куда с нами теперь?.. Поздороваешься с приятелем с Альфы Центавра: «Приветик!» — А потом жди больше восьми лет, пока услышишь его: «Мое почтение!» Что же будет, когда мы заглянем на противоположную сторону Галактики?.. Только через сто лет узнаешь, что у тебя родился сын! Хорошо еще, что мы научились продлевать человеку жизнь, иначе о столетнем юбилее младенца и не узнал бы!

По странной случайности Фратеву ответил не Навратил, который уже открыл рот, чтобы что-то сказать, а передатчик с Земли:

— Важное сообщение для «Луча»... Важное сообщение для «Луча»... — несколько раз повторил диктор. — Сообщаем, что братиславский ученый, доктор Заяц, изобретатель астрогравиметра, известил Всемирную Академию наук о попытке осуществить новый способ связи с помощью гравитационного поля. Поскольку гравитация распространяется намного быстрее, чем свет, это означало бы, что так же ускорится космическая связь. Просим один из астрогравиметров «Луча» постоянно держать направленным в сторону Земли и регулярно следить за его контрольными записями. В случае, если предположение ученого подтвердится, наше первое сообщение с помощью гравитации вышлем телеграфными знаками.

Эта новость вызвала бурную радость у экипажа «Луча». Да и не удивительно: любая радиограмма с Земли на Проксиму сейчас путешествует более четырех лет; кому же не хочется, чтобы новости поступали быстрее?

Но радость длилась недолго. Гравитационный передатчик оставался только мечтой. А радиосвязь с Землей все больше затруднялась: в соответствии с увеличением скорости необходимо было непрерывно менять частоту, иначе сигналы не воспринимались бы совсем. Опоздание радиограмм стало уже чувствительным. Очень угнетало путешественников явление, которое хоть и предсказывалось, но все равно было необычным: чем быстрее мчался «Луч» во Вселенной, тем сильнее менялся вид звезд перед кораблем и за ним. Их желтый свет постепенно превращался в оран-

жевый, потом в красный, темно-фиолетовый. Они сияли все слабее, пока наконец не погасли совсем. Наше Солнце спряталось за черной пеленой, сквозь которую не могло проникнуть человеческое зрение.

Грустно было расставаться с желтой звездочкой, что давала жизнь всей Земле. Она исчезла в темноте вместе с обрамлявшим ее созвездием Андромеды. И цель путешествия — Альфа и Проксима Центавра — утонула в темноте. Только созвездия, видимые в боковых иллюминаторах великана, продолжали весело сиять на небе.

Но там, где человеческий глаз оказывался бессильным, помогла наука. Навратил с Цагеном и Чан-су еще перед вылетом «Луча» сконструировал специальные демодуляторы, делавшие свет видимым.

Внешне это были довольно простые инструменты: две трубки, напоминающие бинокль, прикрепленный к ним крошечный полупроводниковый усилитель и эластичные обручи, которыми ученые закрепляли прибор на голове, чтобы не держать его руками. Такими же устройствами были оснащены и телескопы обсерватории и все другие аппараты, чья работа зависела от света. Экипаж межзвездного корабля не имел права потерять ориентацию ни на мгновение.

Прошло несколько дней, а астронавты все еще не могли привыкнуть к мертвому покою, наступившему после того, как замолчали реакторы. Так же трудно привыкали и к двум большим черным дырам на небе впереди и позади «Луча». Поэтому все чаще после работы экипаж собирался в клубе, чтобы развеять тоску и усталость.

Здесь ученые превращались в артистов. Из Навратила получился неплохой пианист, из Мадараша — виртуоз скрипке и цимбалов. Сначала их исполнение было не очень совершенным: руки в пространстве, лишенном силы тяжести, не хотели слушаться; первые попытки с цимбалами были просто смехотворны. Но прошло немного времени, и в зале раздались зажигательный чардаш и очаровательная полька.

Вскоре Вроцлавский похвастался своими новыми стихами, Цаген — кантатой в честь планеты Икс, а Грубер — фантастическими рисунками. Шайнер очень жалел, что не может рисовать акварелью.

— А вы попробуйте! — коварно предложил Навратил.

— Ладно, попробую, на смех всем, — согласился Шайнер и пошел в свою комнату.

Он вернулся с большой палитрой и несколькими кистями. Открыл выпуклую бутылку и резким движением выплеснул из нее немного воды. Вода сразу же приобрела форму шара и поплыла в воздухе, словно мыльный пузырь.

Как только новоиспеченный художник прикоснулся к ней, она растеклась по всей поверхности кисти и быстро поползла на руку. Пока кисть совершала путь от краски до бумаги, ее щетина стала абсолютно сухой.

— Прошу, не смейтесь! — шутливо сердился Шайнер. — Я еще что-нибудь придумаю и нарисую вам столько акварелей, что и рады не будете!

Песни, смех, шутки, задушевные разговоры о Земле... Все стремились как можно ближе познакомиться друг с другом. Путешествие длинное и далекое, и потому теснее нужно объединить коллектив, крепче должна быть дружба.

— Мне кажется, Ватсон словно избегает нас... — заметила как-то Алена. — За все время полета я только один раз видела его здесь.

— Действительно, вы правы, Алена, — согласился Навратил. — Теперь я припоминаю, что он не приходит в клуб. Когда я хотел поговорить с ним в свободное время, то всегда находил его или в кабинете, или в обсерватории, где он молча наблюдал за работой другой смены.

— Может, он неисправимый отшельник? — предположила Алена.

— Дело не в этом, — возразил Северсон. — Кто был бóльшим отшельником, чем я когда-то? Особенно после пробуждения. А теперь одиночество, наверное, свело бы меня с ума. Разве может существовать на свете человек, который в этой бесконечной ночи не затосковал бы по людскому

обществу?.. Как подумаю, что вот сейчас я бы летел здесь совсем один, то даже вздрагиваю от ужаса.

— Ваша правда, Лейф! — задумчиво сказал Навратил. — Почему же тогда он нас избегает?.. Возможно, не может забыть наши былые споры? Или не доверяет нам?

— Возможно, опасается, что мы не доверяем ему! — резко сказал Северсон.

Навратил удивленно посмотрел на него:

— Вы так думаете? Как ему вообще может прийти в голову нечто подобное? Но если так... Нет, я поговорю с ним и прямо спрошу, почему он нас избегает.

Через двадцать четыре часа Навратил пришел в клуб в глубокой задумчивости.

— Не знаю, что и сказать, — медленно произнес он. — Представьте себе, как и обещал, я навестил Ватсона, но прежде чем я успел заговорить, он встретил меня словами: «Знаю, зачем вы ко мне пришли. Хотите спросить, почему я не хожу развлекаться в клуб? Правда?» Представляете, как он меня удивил. Тогда я говорю: «Да, я не понимаю вашей любви к одиночеству. Одна наша моравская поговорка гласит: “Где труба, там и печь, где люди, там и веселье, и разговоры”. На английском языке, правда, не рифмуется, но это все-таки остается правдой. Когда-то у нас в селе любили поболтать возле печи, особенно зимой. Хозяйки во время беседы пряли или драли перья. Каждый вечер собирались старые и молодые, и поверьте, в тяжелые времена им становилось веселее. Одиночество, дорогой Ватсон, вредит...» Говорю ему всевозможные слова, пытаюсь воздействовать на чувства, взываю к логике, но он только покачивает головой, улыбается и молчит. «Не бойтесь, я вовсе не думаю, что после наших споров вы мне не доверяете!» — произносит он вдруг. «Тысяча туманностей! — говорю я себе. — Этот человек не то ясновидящий, не то читает наши мысли!..» — «Что вы!» — отвечаю я, а сам все еще удивляюсь. А он дает мне понять, что не хочет дальше разговаривать на эту тему. «Не сердитесь, но я пока не могу вам сказать, почему не хожу в клуб!» — сказал он мне

на прощание... Теперь придется поломать себе голову над тем, что он там задумал...

— Чудак! — сочувственно улыбнулась Алена. — Видимо, у него слишком болезненное самолюбие.

Глава XXV

Коварный вирус

Рассказ Навратила произвел на Северсона очень сильное впечатление. Он сразу же вспомнил загадочное письмо и свой разговор с праплемянником.

«По-видимому, Дитриксон общается именно с Ватсоном!.. Может, они уже замыслили нечто преступное?»

Подозрение быстро росло и крепло: да, Олаф, бесспорно, утаил правду. Один он вряд ли мог бы причинить экспедиции много вреда, но два преступника уже представляют серьезную угрозу. Молчать — значит стать их сообщником; выдать Ватсона — означало выдать и своего родственника...

Северсон ворочался с боку на бок на кровати, голова у него раскалывалась.

«Выдам! — решил он после тяжелой душевной борьбы... — Но как я докажу, что они — преступники? — подумал он вдруг. — Записку Дитриксон уничтожил, других вещественных доказательств нет. Оба будут отпираться и скажут, что я сошел с ума. Наконец, ученые скорее поверят своим коллегам, чем незнакомому гостю из прошлого...»

«Алена... Алена — мое единственное спасение... Она, конечно, поверит мне... Но нельзя рассказать и ей; ее не порадует то, что я так долго молчал, так долго скрывал от нее...»

Всю ночь Северсон так и не сомкнул глаз, но ничего путного придумать не смог. На рассвете он решил отложить решение проблемы на вечер; вечером — на другой день;

затем — на следующую неделю... И так проходили месяц за месяцем.

А тем временем жизнь в крохотном одиноком мирке в межзвездном пространстве текла спокойно, без серьезных происшествий. С Земли приходили известия о новых успехах человечества в борьбе с природой, а с планеты Икс — непонятные программы с «визгливой» музыкой. Она казалась все время одинаковой, только слышимость постепенно улучшалась.

Северсон еще некоторое время упрекал себя за трусость и нерешительность, но его нечистая совесть уже медленно засыпала. Но однажды произошло событие, которое вновь пробудило его тревогу.

— Вы хоть понимаете, Лейф, что уже скоро год, как мы летим во Вселенной? — спросила его как-то Алена.

— Время только для бездельников тянется медленно, а мы не можем пожаловаться на недостаток работы! — засмеялся он в ответ. — Сколько хлопот доставляет нам одна только кухня! Робинзону было легче: убил какое-нибудь животное, поджарил, и готово. Моя мама готовила блюда по кулинарной книге, где было написано: «Возьми три яйца, полкилограмма муки и сто граммов сахара...» Она, наверное, за голову схватилась бы, если бы прочитала наши «поварские рецепты»: «Взять атомы углерода, добавить к ним столько-то электронов и нагревать под давлением в три тысячи атмосфер». А ведь все очень просто!

— И прибавьте еще, что в нашей столовой в мире невесомости каждый сначала должен научиться есть! — засмеялась Алена. — вспомните, как вы кривились, когда вам впервые предложили пить чай из бутылки через соску...

Девушка вдруг насторожилась: у входа в лабораторию послышался странный шорох. Она сделала шаг, чтобы посмотреть, что там творится, когда дверь вдруг резко распахнулась.

В комнату вплыл Дитриксон. Его глаза лихорадочно горели, взъерошенные волосы топорщились вокруг головы. Дрожащими руками он придерживался за косяк и невидящим взглядом тупо смотрел в лабораторию.

— Доктор Свозилова, спасите меня! — прошептал он наконец.

Когда Северсон и Алена бросились к нему, Дитриксон уже был без сознания. Голова у него горела.

Результат медицинского осмотра оказался неожиданным: тяжелое вирусное воспаление мозговых оболочек.

— Заразное заболевание... Как это могло случиться? — покачал головой Навратил.

— Да еще в наше время, когда заразных болезней уже давно нет на Земле! — добавила Молодинова. — Тем более странно это здесь, в герметичном помещении, которое мы так старательно проверяли.

— Остается предположить, что Дитриксон носил в себе инфекцию еще до начала путешествия, — высказал догадку Шайнер.

— Это невозможно, — запротестовал Вроцлавский. — Как вы знаете, я присутствовал при медицинском осмотре Дитриксона перед стартом и могу поклясться, что обследование было проведено так же тщательно, как и у всех. Никаких вредных микроорганизмов не было обнаружено.

Академик Навратил положил на стол несколько снимков.

— Но эти пробы все-таки ясно показывают целую колонию вирусов в опасной близости к коре головного мозга. Товарищ Шайнер, бесспорно, прав. Теперь вспоминаю, что вчера перед началом смены Дитриксон зашел ко мне и попросил, чтобы вместо него на электростанции подежурил академик Ватсон, — мол, тот согласен. Дитриксон ссылался на то, что плохо себя чувствует. Откровенно говоря, я подумал, что он немного симулирует, потому что выглядел он здоровым...

При упоминании Ватсона у Северсона сильно застучало сердце.

«Почему Олаф попросил именно его? — промелькнуло в голове. — Очевидно, они тайно встречались... не причастен ли случайно Ватсон к этому заболеванию?.. Нет, теперь уже нельзя молчать... Нужно все рассказать Алене... Все?..

И про Дитриксона?.. Нет, его пока трогать не стоит. Все равно он болен, следовательно, безвреден».

Алена, выполняя обязанности врача, большую часть времени находилась возле больного. Северсон скучал. Теперь он редко заглядывал в клуб, свободное время проводил в библиотеке, а по вечерам, ложась спать, обдумывал, как открыть свою тайну Алене. Он старательно обдумывал каждую фразу, даже каждое слово, пытаясь предугадать вопросы и ответы девушки.

Тем временем состояние больного значительно улучшилось. После быстрого вмешательства Вроцлавского и Алены температура сразу же спала. Причина болезни — вирусы были изолированы и немедленно уничтожены.

Наконец настал миг, которого так боялся Северсон.

— Алена, я хотел бы вам кое-что рассказать... — начал он несмело, когда они встретились в клубе.

Они были там практически одни. Только на противоположной стороне круглого помещения сидели Чан-су с Цагеном и время от времени передвигали металлические фигурки по намагниченной шахматной доске.

— Помните, как к нам ввалился Дитриксон?.. Северсон загнулся, вдруг осознав, что позабыл заученные фразы. На лбу у него от напряжения проступили капли пота.

— Скажите, что вас беспокоит! — подбодрила его Алена, заметив, что с другом что-то творится. — Погодите, а вы случайно не больны? — спросила она и вдруг побледнела. — Когда вы в последний раз встречались с Дитриксоном?

— С месяц назад... Вы думаете, что я заразился от него?

— Будем надеяться, что нет, — попыталась улыбнуться Алена. — Как вижу, мы сделали ошибку, что сразу не провели специальный медицинский осмотр всего экипажа... Слишком уж мы привыкли к жизни без заразных болезней и забыли о бдительности. Но скажите мне, кто бы мог ожидать такое на «Луче», который так хорошо охраняется от незваных гостей?.. Идемте немедленно в амбулаторию!

«Я дурак! Зачем я вообще начал этот разговор! — рассердился на себя Северсон. — Теперь отступить уже нельзя!»

Как и следовало ожидать, никаких болезнетворных вирусов в организме Северсона не нашли.

— Ну и прекрасно, — вздохнула с облегчением Алена. — А теперь рассказывайте, что вас мучает?

— Не знаю, как и начать... — смущенно улыбнулся Северсон. — То, что я вам скажу, — только предположение, над которым, возможно, вы будете смеяться. Но его стоит принять во внимание.

Он на мгновение замолчал, чтобы лучше обдумать, что надо сказать.

— В последнее время я наблюдал за жизнью на «Луче» внимательнее, чем раньше, — решил он соврать. — И мне кажется, что у нас не все в порядке...

Алена удивленно вскинула брови, но промолчала.

— Прежде всего, мне не нравится Ватсон.

— Только и всего? — с облегчением засмеялась девушка. — А я уже думала, что вас здесь кто-то обижает. Сказать по правде, я тоже его не очень люблю. Не нравится мне его постоянное одиночество.

— Речь не только о его одиночестве, — перебил Северсон. — Вспомните, как яростно он выступил против вас на заседании Всемирной Академии наук. Вы, возможно, скажете мне, что он признал свою ошибку и в конце концов добровольно попросился в опасную и рискованную экспедицию. Однако не кажется ли вам странным, что волк за одну ночь превратился в ягненка?.. Возможно, я клевету на Ватсона, но не поручусь, что он не присоединился к нам только для того, чтобы помешать экспедиции и доказать этим, что он был прав.

— Понимаете ли вы, что вы говорите?! — ужаснулась Алена. — У Ватсона есть свои недостатки, как и у каждого из нас. Возможно, их даже немного больше. Но считать его преступником — это слишком! Не сердитесь, Лейф; вы хорошо знаете, что я вас люблю, но за одно я должна вас упрекнуть: вы еще не избавились от пережитков старого мира. В каждом видите, прежде всего, недруга, который хочет вас обмануть или эксплуатировать. Я не удивляюсь этому, раньше так было принято повсюду. И все же, умоляю вас,

поймите, что с тех пор мир полностью изменился, что сегодня человек человеку не волк, а друг. Думаете, мы смогли бы покорить природу и завоевать отдаленные уголки Вселенной, если бы не любили друг друга, если бы не доверяли друг другу?

Северсон покраснел. На широком лбу у него выступили вены.

— Алена, хорошо знаю, что я человек старого мира... — прошептал он взволнованно. — Возможно, именно поэтому я и вижу теперь остатки прошлого у Ватсона лучше, чем вы. Боюсь, что сказанное вами час назад про инфекционные заболевания касается и случая с Ватсоном. Вы слишком полагались на то, что болезни уничтожены навсегда. А теперь слишком надеетесь, что ни в одном из вас не осталось и следа прошлого. Вы думаете, что все люди хорошие. А я в это не верю. Не забудьте, что империализм рухнул всего лишь сорок лет назад и оставил вам здесь своих потомков, в которых, возможно, вложил такие же зародыши злобы, какими были вирусы у Дитриксона...

Алена взглянула на Северсона с нескрываемым удивлением.

— Вот сейчас, Лейф, вы меня действительно удивили! И, признаю, прочитали мне прекрасную лекцию. Вижу, что растете быстрее, чем я думала. Простите... Почему все же вы подозреваете именно Ватсона? Может, есть какие-нибудь доказательства?.. Вы упомянули, что за последнее время более внимательно следили за жизнью вокруг себя...

Северсон оказался в тупике. Достаточно сказать правду, и он раскроет, что существует тайная преступная организация «Братство сильной руки», которая хочет в благоприятный момент завладеть Землей, а с помощью Дитриксона, в конечном счете, и планетой Икс. Мысль, что при этом он предал бы собственного праплемянника, отняла у него всякую храбрость.

— Ватсон прячется от других... — медленно начал Северсон после короткого молчания. — Знает ли кто-нибудь, что он делает в одиночестве? Не знает!.. Иногда он встречается с Дитриксонем. А Дитриксон вдрут тяжело заболе-

вает. Не причастен ли к этому Ватсон?.. И еще одно: откуда Ватсон знал, зачем к нему приходил Навратил?.. Если вы над этим задумаетесь, то скажете, что я прав...

Северсон с облегчением вздохнул. Исповедь закончилась благополучно. И достигла своей цели, потому что Алена после короткого раздумья спросила:

— Может, об этом следует рассказать Навратилу? Мне кажется, что во многом вы правы. Только мне все же не хочется верить, что Ватсон так низко пал. Ведь он прежде всего ученый.

— Навратилу пока ничего не говорите! — быстро сказал Северсон. — Сначала надо убедиться, обоснованно ли подозрение. Лучше всего было бы последить за ним какое-то время. Надо узнать, что он делает в одиночестве, чем занимается в своей каюте и как ведет себя на дежурстве.

— Хотя это не совсем правильно, но что же, в таком случае поиграем в детективов. Если окажется, что мы его напрасно подозревали, попросим у него прощения.

Глава XXVI

Детективы

Когда Северсон узнал, что карантин у праплемянника закончился, он навестил того в амбулатории. Выглядел Дитриксон очень плохо, однако посетитель, как водится, похвалил его:

— О, да вы уже совсем здоровы! Через несколько дней снова будете как огурчик!

— Да нет... — невесело покачал головой Дитриксон. — Мне еще лежать и лежать. Я знаком с этой проклятущей болезнью и хорошо знаю, как она протекает... — Он приподнялся на кровати и пальцем поманил Северсона. — Не бойтесь, не заражу... Я хочу вас кое о чем попросить, но так, чтобы никто не слышал. У стен порой тоже бывают уши...

Северсон наклонился к больному.

— Все, что я вам скажу, сделайте с величайшей осторожностью и так, чтобы никто не заметил. Не рассказывайте даже невесте, потому что она только усложнила бы дело. Позже я вам все объясню... Итак: когда будете дежурить в лаборатории, возьмите там аппарат АУК-235. Насколько помню, он лежит недалеко от печи высокого давления. Незаметно отнесите его к моей каюте; удобнее всего это сделать сразу же после смены дежурств, когда одни спят, а другие едят... Будьте внимательны: прежде чем открыть дверь, возьмите аппарат и держите его перед собой так, чтобы круглое переднее отверстие было направлено в сторону каюты. Затем нажмите на красную кнопку с правой стороны корпуса. Загорится красная лампочка — сигнал, что аппарат работает. Ни в коем случае не поворачивайте аппарат отверстием к себе — попадете под очень вредное для всего живого поляризованное радиоактивное излучение...

Северсон хотел что-то сказать, но праплемянник махнул рукой:

— Не перебивайте, дядюшка, дело очень серьезное... Когда включите аппарат, откройте дверь и зайдите с ним в каюту. Просветите аппаратом, как карманным фонариком, все пространство комнаты. Вы, наверное, уже поняли, зачем эта процедура? Этим вы защитите себя от вирусов, возможно, все еще находящихся в каюте.

— Извините, Олаф, за меня это уже сделал Вроцлавский, — перебил его Северсон. — Мне рассказала Алена.

Дитриксон побледнел:

— А больше она вам ничего не говорила? Не упоминала случайно, что в моей каюте найдено что-то особенное?

— Нет... А что там можно было найти? — пожал плечами Северсон.

— Скоро узнаете... — немного успокоился Дитриксон. — Словом, хотя каюту и обработали, сделайте это еще раз — речь идет о вашем здоровье... Далее: откройте нижний ящик шкафа и достаньте из него все вещи. Затем нажмите на пра-

вый угол задней стенки и с помощью ножа снимите ее. В тайнике найдете две металлические коробочки. Заберите их с собой и в удобный момент бросьте в какой-нибудь из реакторов двигателей. Ничего не бойтесь; как вы знаете, мы летим по инерции; двигатели сейчас не работают.

— Ладно. Только скажите откровенно, что в этих коробочках? — строго спросил Северсон. — Нет ли там взрывчатки?

Дитриксон тихо засмеялся:

— Почему там должна быть именно взрывчатка? Неужели вы думаете, что я сошел с ума и взорву корабль, на котором лечу сам? Не бойтесь, взрывчатки в коробках нет. А впрочем, если бы и была, с реактором ничего не случилось бы. Он рассчитан на большую взрывную силу, чем могли бы дать две небольшие коробочки. Советую вам, оставьте любопытство и сделайте все точно так, как я вам говорю. Ведь я сказал, что позже вы все узнаете; даже о содержимом коробочек. А сейчас очень серьезно предостерегаю: не открывайте их, ради собственной жизни!

— Ладно, Олаф, — сказал Северсон. — Я сделаю все, о чем вы попросили. Но дайте честное слово, что тем самым я не совершу ничего преступного.

— Преступного! Фу, какое гадкое слово! — пожал плечами Олаф. — Однако, если хотите, — слово чести!

На этом они и распрощались.

Северсон долго колебался, послушаться ему Олафа, или нет. С Аленой посоветоваться он не мог, потому что пришлось бы рассказать всю правду... Поверить Олафу?.. Возможно. Ведь он дал честное слово. А тут еще и мысли о Ватсоне...

— Ну, так что же вы придумали, мистер Шерлок Холмс? — приветствовала его Алена, когда он зашел к ней после дежурства.

— У меня не было времени для размышлений, — соврал Северсон. — Но кое-что мне пришлось в голову. Прежде всего следует осмотреть каюту Ватсона.

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросила Алена.

— Серьезно. Если у него совесть чиста, он не обидится на нас, даже если когда-нибудь узнает об этом. Мою каюту может осмотреть кто угодно и когда угодно.

— Но ведь вы говорили, что ведете дневник, а его не дают читать никому, если он написан искренне, — возразила Алена. — Я, например, его читать не стала бы. Ведь это — ваша личная вещь.

— Да, это правда. Но если бы это было необходимо, я не был бы против того, чтобы следственные органы прочитали его.

— Кто же уполномочил нас, Лейф, выполнять роль следственных органов?

— Мы идем на это ради общего дела, — защищался Северсон.

— Все же я сомневаюсь в правильности нашего поведения, — колебалась Алена.

— Как же вы в таком случае узнаете, виновен Ватсон или нет?

— Хорошо, тогда сделаем это. И пожелаем себе от чистого сердца, чтобы подозрения оказались необоснованными. Я уже давно наблюдаю за Ватсоном и заметила, что он очень трудолюбивый человек. В то время, как все ученые сидят после дежурства в клубе и развлекаются, Ватсон упорно работает в обсерватории. Как я заметила, чаще всего он хлопочет возле радиотелескопа, — видимо, ищет новые радиозвезды.

— Или ловит какие-нибудь особые передачи с Земли... — загадочно добавил Северсон.

— Кто же их посылает?.. Однако, Лейф, у вас богатая фантазия!

— Может, какой-то сообщник... — ответил Северсон и тут же спохватился: еще слово — и он выдаст Дитриксона и его «Братство сильной руки».

Час спустя, когда Ватсон заступил на дежурство, наши детективы проникли в его каюту. У Алены учащенно би-

лось сердце; она все не могла избавиться от отвратительного ощущения, что ведет себя подло.

Уже в первое мгновение в каюте были обнаружены подозрительные предметы.

— Видите, я был прав! — воскликнул Северсон, поднимая металлическую коробку с экранами и многочисленными кнопками. — Что это за странный аппарат?!

— Тс-с-с!.. Не кричите так, нас могут здесь поймать! — Алена подошла ближе. — Гм... Это — мощный приемник с предварительным усилением... Зачем Ватсон принес его из лаборатории?.. Действительно, тут что-то не так.

В ящиках настенного шкафа Северсон обнаружил еще целый ряд предметов, которые наводили на тревожные размышления: несколько кассет с фонограммами, звукозаписывающий аппарат и толстый блокнот, исписанный непонятными словами.

— Вот послушайте, Алена, что здесь написано: «вехагете», «есвеелес», «охаогехаим»... «есвеелн», «геха», «вехагете»... Ну, что вы на это скажете?

— А взгляните-ка на эти значки, — Алена протянула ему тетрадь в плотной обложке. — Это нотные знаки... Ля-ся-ля-соль...

— Если это ноты, Ватсон лишен всякого музыкального слуха. Здесь нет никакой мелодии. Скорее всего — это просто шифр!

— Лейф, Лейф! Мне кажется, что на вас слишком повлияла романтика приключенческих повестей! — шутливо сказала ему Алена. — Через минуту вам все покажется загадочным. Однако на эти аппараты и блокнот стоит обратить внимание. Положите все на свои места, и лучше пойдем. Посоветоваться можем и в другом месте.

В клубе было весело. Навратил рассказывал занимательные истории Моравской Словакии — рассказы, которые передаются от деда к отцу, и от отца к сыну: о том, как Францек Пагач обманул святого Антоничека, как Ежка Несвадба чистил окна топором или как на меже, из-за которой

двое крестьян судились до тех пор, пока не потеряли свою землю, каждую ночь появлялся призрак.

— Идите к нам! — смеясь, позвал Шайнер.

— Оставьте их, — хитро улыбнулся Навратил. — Вероятно, они хотят сказать друг другу что-то более важное, чем моя болтовня. Да и большинство историй они уже знают, это мои старые сотрудники, я их всегда угощаю чем-то подобным.

Алена вспыхнула.

— Пойдемте к ним! — прошептала она.

— Одну минутку! — попросил Северсон. — Только договоримся, как быть дальше.

— Следовало бы обо всем рассказать Навратилу.

— Рановато. Возможно, натолкнемся на более важные вещи. Я придумал, как проследить за Ватсоном во время работы.

— Как?

— С помощью служебного видеофона. Не знаю, как это устроить, но должно получиться.

— Ладно, ладно, а теперь — тише, на нас смотрят.

Затея с видеофоном была еще авантюрнее, чем осмотр каюты, но теперь Алена не возражала. Результаты обыска действительно оправдывали более активное вмешательство.

Осуществление плана заняло много времени: на центральной станции требовалось осуществить кое-какие изменения, позволявшие в любое время выключить индикаторную лампочку в аппарате, которым Ватсон пользовался реже всего.

Пробраться на центральную станцию незамеченными было сложно — она располагалась возле атомной электростанции, где ни Северсон, ни Алена не дежурили. Случай выдался только через несколько дней, да и то совершенно неожиданно. Северсон снова вел передачу для Земли. Алена была свободна и пришла в студию, чтобы помочь приятелю.

В репортаже, как обычно, были кадры с отдельных рабочих мест. Перед началом передачи Северсон по видео-

фону попросил всех членов экипажа приготовиться. Однако служебный аппарат Ватсона не работал.

— Вызывайте пока других, а я схожу на центральную станцию, посмотрю, нет ли там каких-нибудь поломок... — Алена многозначительно подмигнула Северсону и убежала.

— Все в порядке! — улыбнулась она, вернувшись через минуту. — Можем начинать передачу... и прием! — добавила она шепотом.

Оба еле дождались момента, когда можно будет начать эксперимент.

Алена прикрыла «глазок» иконоскопа плотной бумагой и набрала номер кабинета Ватсона.

Затаив дыхание, они следили за экраном. На нем появилась обсерватория. Ватсон сидел спиной к аппарату, через который за ним следили.

— Удалось! — прошептала Алена. — Сигнальный огонек не светится.

Вдруг Ватсон обернулся. Обвел взглядом обсерваторию и снова погрузился в работу.

— Как же я испугался! — с облегчением сказал Северсон.

— Не бойтесь, все в порядке. Как я заметила, по этому аппарату Ватсон почти никогда не разговаривает. Главным образом пользуется тем, что на столе.

Картина на экране не менялась.

— Сегодня, наверное, не увидим ничего особенного, лучше выключим... — предложила Алена минут через десять. — Ватсон слишком добросовестный работник и не станет пренебрегать дежурством возле исследовательского астро-радиолокатора и астрогравиметра.

Северсон уже коснулся рычажка, когда Ватсон вдруг вскочил и отчаянно замахал руками. Быстро повернул красный рубильник, который включал связь одновременно со всеми каютами:

— Внимание, внимание, опасность!.. Внимание, внимание, опасность в двадцати пяти минутах полета перед на-

ми!.. Летим к большой туманности. Немедленно отклоняйте «Луч» вправо, в направлении созвездия Девы!

Алена страшно побледнела:

— Держитесь!

Едва она сказала это, как пол задрожал у них под ногами. Оба сильно ударились о стену, и их тела погрузились в защитные подушки.

Через несколько минут реакторы двигателей заработали на полную мощность.

— С вами все нормально? — с трудом спросила Алена.

— Да. Что случилось? Почему нас не предупредили заранее?

— Вы ведь слышали Ватсона? Это самое серьезное предупреждение, которое я когда-либо слышала. Решается вопрос жизни и смерти, поймите. Для всех нас. Мы должны любой ценой уйти от туманности, даже если кто-то из нас погибнет во время этого маневра. У нас остается очень мало времени. Если мы попадем в туманность, то заживо сгорим вместе с «Лучом».

— Почему же Ватсон заметил ее так поздно?

— Откуда я могу знать? Сама удивляюсь. — Алена взглянула на часы:

— Итак, все решится через двадцать четыре минуты...

— задумчиво сказала она.

Северсон хотел обнять ее за плечи, но центробежная сила слишком крепко удерживала его на месте.

— Неважно, чем это закончится, но жить стоило. Люблю тебя, Алена! — прошептал Северсон еле слышно.

— Ты хорошо знаешь, что и я тебя...

— Сердишься на меня?

— Почему, дурачок? Скорее я благодарна, что переживаю этот момент. Когда бы мы еще набрались храбрости, чтобы откровенно сказать все друг другу?.. Я боялась, что мою любовь ты осудишь как сентиментальность или по-прежнему остаешься верен девушке, которую когда-то любил...

— Ни одной девушки я до сих пор по-настоящему не любил. Просто не имел на это времени... Были когда-то у меня

две возлюбленные, но назывались они Арктика и Антарктика... Сколько минут нам еще осталось?

— Забудем про время! — попросила девушка. — Пусть себе несется своей дорогой. Расскажи мне лучше про свою молодость. И о том, как тебе понравилось у нас. И про Митьку из Москвы. Ты любишь о нем вспоминать. А я люблю слушать.

* * *

В кабине управления все молчат.

Молодинова и Навратил внимательно следят за экраном астротелевизора; Грубер смотрит на часы; Шайнер обернулся к иллюминатору и разглядывает огненную полосу, которую оставляют в пространстве реакторы двигателей.

— Не успеем... — шепчет Молодинова.

Действительно, на корпусе «Луча» одна за другой начинают вспыхивать яркие крошечные крапинки: свободно плавающие в космическом пространстве атомы водорода с бешеной энергией бьются о металл обшивки звездолета.

Крапинки вспыхивают все чаще и чаще; оболочка корабля уже начинает накаляться. Она розовеет, и это — страшно...

Включены все охлаждающие устройства, но они уже не помогают. Лица космонавтов заливают пот; они с трудом хватают ртом воздух, сухой и жаркий.

Каждая минута тянется бесконечно; начинается затуманиваться сознание. Вот-вот наступит конец... И уже хочется, чтобы он наступил, потому что терпеть больше нет сил...

Но вот огоньки начинают угасать. Темнеет металл обшивки. В звездолете еще очень и очень жарко; двигатели продолжают работать с таким перенапряжением, что весь «Луч» вибрирует. Однако опасность уже миновала.

— Туманность была очень разреженной, и мы зацепили только ее край... — сухо сказал Ватсон. — Именно поэтому

я и обнаружил ее слишком поздно... Вы, вероятно, упрекаете меня за невнимательность. Но знайте: все, что Ватсон делает, он делает добросовестно.

— Это, несомненно, так, — горячо сказала Алена. Северсон промолчал.

Глава XXVII

Прогулка в безвоздушном пространстве

Отклонение «Луча» хотя бы на ничтожную долю градуса от своего маршрута означало бы потерю цели и блуждание по бесконечной Вселенной, так что после встречи с туманностью все внимание астронавтов было сосредоточено на исправлении траектории корабля. Измерения выполнялись со всей возможной точностью; после сравнения отдельных результатов допущенные ошибки исправлялись, и лишь затем определялись окончательные данные для маневрирования.

Этот период всеобщей интенсивной работы Северсон использовал для выполнения поручения, которое дал ему Дитриксон. Он незаметно вынес из лаборатории поляризационный аппарат, обработал каюту Олафа и, найдя в ней описанный праплемянником тайник, забрал две металлические коробки.

«Половина задания выполнена!» — с облегчением вздохнул он в своей каюте и взял в руки одну из коробочек.

Что в ней может быть?.. Жаль, что здесь нет силы тяжести — не поймешь даже, какой у нее вес.

Матово-белый металл был гладким, без всяких надписей или значков.

Северсон потряс коробочку над ухом — внутри ничего не шелохнулось.

Открыть или не открывать?

«Лучше не надо... — решил он наконец. — Олаф, беспорно, зря не предостерегал бы».

Дитриксон просил выбросить коробочки в реактор. Но прежде всего необходимо было разведать обстановку, и Северсон отправился к атомной электростанции.

Грубер и Мадараш, дежурившие возле реакторов, не обратили внимания на Северсона. Они сидели перед длинным полукруглым пультом и внимательно следили за контрольными экранами.

— Пе — триста двадцать семь... Эр — семьдесят два... А — сто тридцать шесть... Ка — семьсот тридцать... — раздался голос Навратила из громкоговорителя видеофона.

Ученые покрутили несколько ручек, посмотрели друг на друга, кивнули головами в знак согласия, и Мадараш доложил:

— Пе — триста двадцать семь, Эр — сто семьдесят два, Ка — семьсот тридцать — выполнено!

— Могу ли я осмотреть реакторы двигателей? — спросил Северсон, когда наступила пауза.

— Нет! — отрывисто бросил Грубер. — Подождите.

— Двигатели сейчас работают, — приветливее объяснил Мадараш. — Когда скорректируем траекторию, тогда — пожалуйста. Я даже помогу вам изучить их конструкцию.

— Простите, — смущенно промямлил Северсон. — Я совсем забыл об этом...

«Какой я дурак! — упрекал он себя, возвращаясь в каюту. — Проклятое невежество! Будь прокляты эти коробки, праплемянничек и все его коварное “Братство”!.. Почему я вообще веду себя, как идиот?.. Зачем Олаф велел мне бросить коробочки в реактор?.. Видимо, их надо просто уничтожить... Но не для этого же он пронес их сюда, на корабль?.. Нет, что ни говори, а нужно узнать, что там».

Открыть коробочку было не так легко, как казалось на первый взгляд. Крышка прилегалась настолько плотно, что под нее нельзя было просунуть острие ножа, и металл оказался значительно тверже, чем думал Северсон.

Изрядно намучившись и сломав нож, Северсон с досадой швырнул коробочку на пол. То ли благодаря упругой обшивке каюты, то ли из-за того, что удар пришелся в нужное место, коробочка неожиданно раскрылась, из нее выплыли полоски шелковистой бумаги и несколько небольших стеклянных ампул, в которых обычно хранятся лекарства для инъекций. Он поймал одну и посмотрел на свет. Жидкость в ампуле была абсолютно прозрачна.

А коробочка тем временем продолжала свое путешествие по каюте, рассыпая ампулы. Упругие стены отбивали летящие предметы в самых разных направлениях. Через несколько секунд каюта стала похожа на улей, где снует рой пчел.

Коробочку и несколько ампулок Северсон поймал довольно быстро, а потом дело осложнилось. Размахивая кожаным шлемом, он летал по каюте, напоминая самому себе чудаковатого профессора-энтомолога, который с сачком

в руках бегают по луку за редкой бабочкой. Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем Северсон завершил охоту. Тогда он принялся внимательно рассматривать ампулы.

После тщетных усилий разобрать полустертые надписи на стекле Северсон положил ампулки обратно в коробку, а одну старательно завернул в бумагу и запихнул в карман, — на всякий случай, как вещественное доказательство.

Коробочки он спрятал в выдвижном ящике, среди белья.

* * *

Реакторы двигателей снова замолчали. Жизнь экипажа вошла в привычную колею.

По предложению Молодиновой, немного изменили распорядок дня: после шестичасового дежурства каждому ученому выделялось еще два часа для научной работы. Чтобы упорядочить наблюдения, распределили и области исследований: Чан-су с Цагеном должны были изучать радиозвезды, Навратил — центр Галактики, Ватсон — его окрестности, Шайнер — «новые» звезды. Фратев проверял параллаксы светил. Словом, работы хватало всем. Никто не жаловался, что время тянется медленно.

Свободные минуты Северсон посвящал «разведывательной работе», однако Алена уже начала терять интерес к этому занятию.

— Мы следим за Ватсоном уже много дней, подсматриваем за ним во время работы, подслушиваем под дверью каюты, а что обнаружили? — спрашивала она. — Ничего! Правда, у него в каюте есть приемник и блокнот с таинственными знаками. Но что в этом преступного?

Северсон не возражал девушке, однако втайне продолжал свое дело. Его интересовал не только Ватсон, но и Дитриксон и отношения между ними.

Наконец Олаф выздоровел. Узнав об этом, Северсон сразу же сел к видеофону и набрал номер запасного аппарата Ватсона.

Его предположение подтвердилось: действительно, раньше других Олаф посетил Ватсона.

С огромным вниманием Северсон следил за тем, что происходит в каюте Ватсона. Хозяин и гость беседовали, как давние друзья.

— Как чувствуете себя, больной? Очень рад, что снова вижу вас живым и здоровым! — приветствовал Олафа Ватсон.

— Жив — это правда, но болезнь все-таки дала себя знать... Я вам очень благодарен, дружище.

— За что? — удивился Ватсон.

— За сочувствие и поддержку, за частые посещения в больнице... Разве этого мало?.. Ну, а как продвигается дело?

Ватсон схватил его за руку и прижал палец к губам:

— Тс! Тише, дружище!.. Пока что все в порядке. Вот будет сюрприз, когда... — И он начал говорить так тихо, что нельзя было разобрать ни слова.

— Хороший из тебя детектив, Лейф! — вдруг послышался за спиной Северсона голос Алены. — Не пугайся, это я. Хотя мог бы быть и кто-нибудь другой. Осторожным тебя назвать никак нельзя, мой Шерлок Холмс!

— Ты давно стоишь здесь? — спросил он смущенно.

— Нет, только зашла. Что нового у Ватсона?.. О, у него гость!.. О чем же они разговаривают?

Северсон побледнел и наклонился к видеофону, чтобы Алена не видела его лица:

— Плохо слышно, а усилить нельзя. Но ты ничего не потеряла, Аленка. Рассказывали анекдоты, к тому же слегка пикантные, поэтому и продолжают шепотом...

Олаф действительно засмеялся, и Ватсон тоже.

— Если узнаете что-нибудь новое, — позовите меня, — сказал Дитриксон, прощаясь. — Я пойду. Надо еще зайти к

Молодиновой и Навратилу.

— Все-таки никчемные из нас детективы! — снисходительно улыбнулась Алена и выключила аппарат.

«Никчемные... Действительно никчемные! — отдавалось в голове Северсона, когда он, попросившись с Аленой, шел в свою каюту. — Эти злодеи все-таки заключили союз; они замыслили что-то недоброе, а мы до сих пор не можем вывести их на чистую воду... Что же делать?»

Он не спал всю «ночь», как по привычке называли время, предназначенное для сна. На «Луче», конечно, не было ни дня, ни ночи, ни весны, ни зимы; продолжительность периодов определяли только атомные часы; но экипаж жил по земному календарю.

Согласно этому распорядку наступило утро, когда Северсон наконец обдумал детальный план действий, однако выполнение замысла пришлось отложить, потому что как раз на это утро была запланирована передача на Землю для Всемирной Академии наук. То были недельные сводки по результатам научных исследований — преимущественно цифры, значки и непонятные аббревиатуры. Сегодняшняя передача была интереснее, чем обычно: экспедиция сообщила, что Мадараш обнаружил неизвестные до сих пор нуль-лучи, способные разрушать ядра атомов. Но Северсон даже не вчитался как следует в это сообщение, обещавшее стать на Земле настоящей сенсацией; он с трудом дождался конца передачи, чтобы приступить к более важному делу.

Как настоящий детектив, он украдкой пробрался на склад, раздобыл там усовершенствованный фотоаппарат с автоматической экспозицией, прихватил длинный трос. Все это было ему нужно, чтобы совершить путешествие за пределы «Луча», в безвоздушное пространство.

Пока Северсону везло. Никем не замеченный, он проплыл к шлюзовой камере, заполнил ее воздухом, надел скафандр. Один конец троса прикрепил к пряжке пояса, а второй — к кольцу на перекладине.

Обезопасив себя таким образом, Северсон нажал на рычаг внешнего герметичного люка. Давление воздуха резко распахнуло его. Перед человеком открылось свободное межзвездное пространство.

От страха у Северсона замерло сердце. Судорожно вцепившись в проем люка, он прижался к гладкой обшивке великана. Звездное небо отражалось в ней, как в кривом зеркале.

Ни звука, ни движения. Казалось, «Луч» утратил свою бешеную скорость и просто неподвижно висит в безвоздушном пространстве.

Северсон осторожно повернул голову. Его взгляд упал на большой шар, где находился «мозг» великана: кабина управления, обсерватория, передающая станция. За большими иллюминаторами двигаются ученые. Они даже не подозревают, что извне кто-то смотрит на них.

«На самом деле не подозревают?.. Не увидел ли меня случайно кто-нибудь?» Северсон взглянул на свой скафандр. На него падали только слабенькие блики света; с большого расстояния вряд ли их заметишь. Значит, все в порядке. Вперед!

Передвигаться было трудно. Перчатки скафандра скользили по гладкому металлу; тело стремилось оторваться от поверхности звездолета и нырнуть в пространство. Иногда Северсону казалось, что движется не он, а корабль — оптическая иллюзия, характерная для мира невесомости, где нет ни «верха», ни «низа»: человек все время считает, что «верх» там, где голова.

Только через час утомительного путешествия Северсон добрался до цели — шестого иллюминатора во втором ряду. Он был ярко освещен.

Очень осторожно Северсон заглянул в каюту. Да, Ватсон у себя. Он сидит у стола, спиной к окну, и что-то пишет. Перед ним груда словарей и загадочные таблицы, так поразившие Северсона и Алену.

Ватсон неожиданно шевельнулся, и Северсон быстро спрятал голову в тень. Когда, через минуту, он снова заглянул в каюту, Ватсон, — уже с наушниками на голове, — сидел возле магнитофона и крутил ручки настройки.

«А, дорогой, так ты записываешь передачу какого-то сообщника с Земли?! — злорадно подумал Северсон и, нацелив фотоаппарат, нажал на спуск. — Один снимок уже есть. Сделаем для верности еще один».

Но вдруг аппарат выпал у него из рук, а «Луч» рванулся и крутанувшись вокруг своей оси, помчался куда-то в сторону. От страха Северсон закрыл глаза. Ему показалось, что

он падает в бездну; даже не падает, а его просто тянет туда какая-то неведомая сила...

«Но что же случилось с кораблем?.. Катастрофа?»

Открыв глаза, Северсон первым делом увидел на фоне освещенного проема шлюзовой камеры знакомый силуэт головы Навратила в прозрачном шлеме скафандра. Академик быстро сматывал трос, притягивая к себе незадачливого путешественника.

Не успел Северсон опомниться, как оказался в шлюзовой камере, а затем в коридоре. И только там Навратил сердито сказал:

— Вы сошли с ума, приятель?! Что вы искали в межзвездном пространстве?.. Вам надоело жить?!

— Я... я... фотографировал... — Северсон запинаясь, словно ученик, которого учитель поймал на списывании.

— Фотографировали?! Что там можно было фотографировать, скажите мне, пожалуйста?

— Я фотографировал «Луч». Хотел получить интересный снимок для телевизионной передачи... — Северсон овладел собой и говорил теперь намного увереннее. — Когда вы потянули меня за трос, аппарат выпал из рук.

— Вот так идея!.. Интересный снимок, гм... А подумали ли вы о том, что мельчайшая пылинка, летящая во Вселенной, может пробить вам сердце?.. Не допускаете, что вам могли нанести непоправимый вред нуль-лучи? Ведь мы еще не знаем даже, задерживает ли их скафандр... Вы должны немедленно пройти медицинский осмотр.

— Простите мое безрассудство, товарищ Навратил. Я очень сожалею, что доставил вам столько неприятностей. Больше никогда такого не сделаю, клянусь!

— Я в этом твердо убежден. Ваше счастье, что я заметил вас из кабины управления. «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить!» — помните об этом. Если вам еще когда-нибудь взбредет в голову нечто подобное, посоветуйтесь со мной или с товарищем, который в этот момент будет исполнять обязанности капитана. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Да. И, прошу, не говорите об этом никому.

— Уже поздно. Все в кабине управления видели вас.

Алена сразу же догадалась, зачем Северсон вышел из «Луча».

— Видишь, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты оставил свое расследование, все равно это ни к чему не приведет, — упрекала она его. — Ведь я чуть не потеряла тебя! Если бы ты хоть словечком намекнул мне! Мы должны закончить с этим. Просто расскажем обо всем Навратилу, и все.

— Нет, еще рано! — с отчаяньем запротестовал Северсон. — Еще не настало подходящее время. Обещаю тебе, что больше не наделаю никаких глупостей. Нужно еще немного понаблюдать за Ватсоном. Ведь, кроме вещей в каюте, мы не имеем против него никаких вещественных доказательств. Потерял я и снимок, который с таким трудом добывал. Возможно, мы поймаем Ватсона еще на чем-нибудь. Для этого нам вполне хватит видеофона.

— Повторяется прежняя ошибка... — тихо сказала Алена. — Но я не могу с тобой спорить.

Вскоре после этого Северсона посетил Олаф.

— Здравствуйте, дядюшка! Как ваши дела, парашютист?.. Ну, не сердитесь. Я пришел спросить, что вы сделали с коробочками.

— Уничтожил их, как вы просили.

— Действительно? Ну, ладно. А почему, собственно, вы вылезли из корабля? Выслеживаете меня? — спросил он насмешливо. — Не советовал бы вам этого делать. Знаете, не люблю шпионов.

Северсон покраснел и невольно сжал кулаки:

— Если бы вы не были моим родственником, я разделся бы с вами тут же, на месте, вы, «брат сильной руки»! Слишком много себе позволяете! Но я вас предупреждаю: не играйте со мной! Достаточно одного слова — и вам конец. Ведь знаете пословицу Навратила про кувшин и воду?

Дитриксон испуганно отступил:

— Я не хотел вас обидеть, дядюшка... — сказал он примирительно. — Не сердитесь... Значит, не можете объяснить

эту прогулку в безвоздушное пространство?

— Могу! — отрезал Северсон. — Полез я туда, собственно говоря, из-за вас. К реакторам я попасть не мог, поэтому ваши проклятущие коробки швырнул в космос!

— Жаль. Все успокоились, и я их еще мог бы использовать. Но все же я вам очень благодарен! — сказал иронично Дитриксон.

Глава XXVIII

Тайна Ватсона

Проходили недели, месяцы... Год сменялся годом.

В труде и развлечениях время для отважных астронавтов проходило незаметно. После открытия нуль-лучей работать стало еще интереснее: оказалось, что эти лучи могут стать хорошими помощниками в целом ряде отраслей науки. Они помогали точнее исследовать строение атомного ядра, значительно ускоряли процесс преобразования элементов в лабораториях. Однако источник нуль-лучей все еще оставался неизвестным; безрезультатными были и попытки получить их искусственно.

Время от времени академик Навратил просматривал контрольные записи направленного на Землю астрогравиметра и качал головой:

— Бесполезно, бесполезно... Выпущенное слово не поймашь, а свет не догонишь. Боюсь, что доктор Заяц поставил перед собой непосильную задачу. Гравитация — это столбчатый дракон: одну голову отрубишь, а пять новых вырастут. Скорее топором побреешься, чем промодулируешь гравитацию!

Перспективы связи с помощью гравитации для экипажа «Луча» представляли уже не теоретический, а вполне практический интерес. Радиоволны с Земли долетали сюда с опозданием в два с половиной года. А сообщений с родной планеты все ждали с нетерпением.

Первые попытки управлять погодой на Земле с помощью атомной энергии вызвали на «Луче» восторг. Менее радостными были сообщения о ходе оживления Амундсена. Операции продвигались очень медленно, так как на теле героя оказалось несколько ран. Однако Тарабкин, к великой радости Северсона, не терял надежды.

* * *

Так прошло пять лет. Чтобы отпраздновать знаменательную годовщину, все собрались в клубе на торжественный обед.

— О, жареная курица! — радостно воскликнула Надежда Молодинова. — Да это же мое любимое блюдо!

— Фаршированный перец! — присоединился к ней Мадараш. — Чудесно.

— Свинина, кнедлики и капуста со шкварками! — обрадовался Навратил.

— Пусть я буду президентом планеты Икс, если это жаркое не лучше того, что готовила мама! — ликовал Фратев.

— Вы волшебница, Алена! Как это вам удалось всех порадовать? — удивился Чан-су.

— А что же здесь сложного? — весело улыбнулась Алена. — Сколько раз вы в клубе вспоминали свои любимые блюда! Еще на Земле я, составляя план нашего меню на восемь лет путешествия, не забывала про национальную кухню.

— И втайне протащили на «Луч» ящик с консервами, собираясь порадовать нас после этой искусственной пищи, правда? — продолжил за нее Навратил.

Северсон пожал руку возлюбленной и прошептал:

— Я рад за тебя.

Как только обед закончился, Навратил затянул старинную песенку:

Это праздник, это праздник,
Пойдем, старая, к пивной —
Гой-я-я, гой-я-я,
Гой-я-я, гой-я-я!
Гой-я-я, я!

Все присоединились, и в клубе весело зазвучало:

Будем до утра
Танцевать гулян.
Гой-я-я!

* * *

— Товарищ Молодинова, я должен сказать вам нечто очень важное, — послышался голос Ватсона из громкоговорителя видеофона в кабине управления. — Не можете ли вы зайти ко мне?

— Не могу, Ватсон. «Луч» немного сбился с курса, сейчас определяем причину.

— Тогда коротко: я обнаружил на планете Икс еще одну радиостанцию. Она немного слабее и говорит на языке, который отличается от языка первой. Следует надеяться, что...

Его перебил резкий сигнал тревоги, а вслед за тем на экране служебного видеофона появилось взволнованное лицо Цагена:

— Товарищ Молодинова, астрогравиметры показывают большое тело в направлении Денеболы... И еще одно — чуть поменьше — в направлении Регула...

На этот раз опасность была обнаружена заранее, и торопиться не понадобилось. По приказу Молодиновой начальник радиолокационной станции Вроцлавский старательно обследовал пространство и примерно через полчаса сообщил:

— Направление Регула: темное тело, величина ноль-три, расстояние двадцать шесть целых и семь десятых минуты... Направление Денеболы: темное тело, величина ноль-ноль-восемь, расстояние тридцать две целых, девять десятых минуты. В направлении на центр созвездия Льва: темное тело, размер ноль-ноль-четыре, расстояние тридцать девять минут...

Молодинова быстро включила все видеофоны «Луча».

— Внимание... Внимание... Пристегнитесь! Включаем реакторы двигателей!

Ровно через минуту из дюз корабля вылетело красное пламя.

— Как у нас говорят, больше счастья, чем ума, — сказал Навратил. — Погасшая звездная система, или что это там такое, могла бы с таким же успехом просто стоять у нас на пути.

— Тогда бы я ее уже давно обнаружил, — возразил Мадараш, сидевший сейчас в кресле первого пилота. — Я не спускаю глаз с главного астрогравиметра.

С экрана заглянуло в помещение всегда улыбающееся лицо Фратева.

— Представьте себе, самое крупное тело у Регула — радиозвезда! — воскликнул он радостно. — И как интенсивно излучает! Это уже не шум, а просто грохот водопада!

Навратил надел наушники и подошел к радиотелескопу.

— Фратев прав, послушайте! — подал он наушники Молодиновой. И с улыбкой добавил: — Я думал, что он, как всегда, немного преувеличивает.

— Нет сомнения, источник радиоволн не может быть далеко. Проверьте, пожалуйста, точно ли направлен радиотелескоп на самое крупное тело.

Навратил подошел к пульту и прищуренными глазами обвел несколько экранов.

— Да, данные астрогравиметра, радиолокатора и телескопа совпадают. Радиоволны исходят из тела величиной ноль-три.

— Итак, мы стоим на пороге раскрытия тайны радиозвезд! — обрадовалась Молодинова. — Это, несомненно, угасающие звезды, температура которых понизилась настолько, что они уже не излучают видимого света.

— Вы правы, — показал Мадараш на экран астротелевизора. — Взгляните: угасающее солнце излучает инфракрасные лучи.

— С этой минуты Проксима потеряла право на свое имя. Ближайшая звезда это... Как ее назовем? — почесал затылок Навратил.

— Радиозвезда Фратева. Пусть порадуется Фратев! Он первый услышал ее голос! — предложил Чан-су.

Минуту спустя Северсон сел к микрофону и начал говорить.

— Внимание, внимание! Специальное сообщение для Земли!.. Во-первых, мы раскрыли тайну радиозвезд... Это темные тела, или, лучше сказать, угасающие звезды. Одна из них недалеко от нас. Мы назвали ее... Ради бога, что случилось?! В кабину снаружи ворвалось ослепительное сияние!.. Секунду!.. Темное солнце засверкало! Взорвалось!.. Вокруг него расширяется огненная сфера!.. Выключаю... Вызову вас через минуту...

Неожиданная вспышка новой ослепительной звезды вызвала тревогу на «Луче».

— Реакторы двигателей — на полную мощность! — командовал Навратил.

Ватсон влетел в кабину управления:

— Не делайте этого! Не превышайте порог в сто пятьдесят тысяч километров! Это может плохо закончиться!

— Пан или пропал! Сейчас трудно выбирать, на это нет времени. Мы намного меньше рискуем при повышенной скорости, чем если поплетемся в пределах досягаемости новой звезды и сгорим, — ответил Грубер.

— Да, крылышки нам может опалить! — Мадараш пытался скрыть свою тревогу за шуткой, но это ему плохо удавалось.

Только Чан-су оставался абсолютно спокойным.

— Я согласен с академиком Ватсоном, — сказал он так, будто выступал на обычном научном диспуте. — Не следует увеличивать скорость: так мы растратим топливо, а оно нам еще пригодится. Продолжим путешествие, вот и все. Извергнутая радиозвездой Фратева раскаленная масса не полетит быстрее двух тысяч километров в секунду. Она никогда нас не сможет догнать.

— ...Через три года, в тот момент, когда до вас долетит мой голос, на вашем небе засияет новая звезда! — продолжал Северсон передачу. — Когда увидите ее, вспомните о нас и назовите ее радиозвездой Фратева...

* * *

Взрыв космического масштаба на расстоянии пяти световых часов — не самое приятное зрелище. Но нашим завоевателям Вселенной представилась идеальная возможность изучить жизнь космического тела.

Внезапные вспышки звезд астрономы Земли наблюдали неоднократно. Однако эти явления происходили так далеко, что результаты наблюдений были очень скромными. И только теперь космонавты могли исследовать физические и химические изменения на поверхности только что возникшего солнца и в короне, которую звезда выбросила из себя с невероятной силой.

Сразу же после вспышки «Луч» оказался во все нарастающем потоке рентгеновских и космических лучей. Также и интенсивность новооткрытых нуль-лучей все увеличивалась.

— Так оно случилось, что счастье за беду зацепилось, как говорят у нас! — улыбнулся Навратил. — Ну что же, нам остается только почтительно поблагодарить нашу дорогую радиозвезду Фратева за бесценные факты, которые она подарила науке. Нет сомнения, что они помогут раскрыть тайны возникновения новых и прочих звезд и происхождения космических лучей.

— Да, мы собираем более богатый урожай, чем могли рассчитывать, — кивнула Молодинова. — А сколько новых великих открытий еще ждут нас в звездной системе Проксимы Центавра!

— Может, даже удастся раскрыть тайну происхождения всей Галактики? — мечтательно сказала Алена.

Ярко-желтый цвет радиозвезды Фратева через несколько дней превратился в оранжевый, затем — розово-красный. Светимость звезды настолько уменьшилась, что ее уже можно было наблюдать только в сильные телескопы.

— Следовало бы назвать ее не радиозвезда, а Брызгалка! — шутил Фратев. — Засияла, наделала шуму и исчезла... Видите, как быстротечна мирская слава?!

* * *

Жизнь на «Луче» снова вошла в привычную колею. Ученые направили объективы своих аппаратов на цель путешествия — Проксиму Центавра.

Северсон во время этих бурных событий позабыл о Ватсоне. Напомнил о нем разговор с праплемянником. Олаф пожаловался на непрерывную головную боль, которая иногда доводила его до безумия.

«Хоть бы у тебя лопнул мозг, тогда бы я избавился от хлопот! — подумал Северсон. Когда же через мгновение осознал смысл своего тайного желания, вздрогнул: — До чего я дошел?! Так может думать только трус! — злился он сам на себя. — Время летит, и цель путешествия приближается. Надо действовать!»

Теперь он ежедневно следил за Ватсоном, работавшим в обсерватории. После многих тщетных попыток ему удалось, наконец, поймать того на месте преступления.

Северсон включил видеофон и без особого внимания наблюдал картину на экране. Она не заинтересовала его, потому что была слишком похожа на все предыдущие. Северсон уже знал каждое движение Ватсона. Не было ни-

чего особенного и в том, что тот набрал какой-то номер на видеофоне.

Однако то, что произошло потом, Северсона безгранично удивило. На экране аппарата Ватсона появилось изображение кабины управления. Чан-су разговаривал с Навратилом о только что открытой планете в системе Альфа Центавра А. Ни один из ученых не обращал внимания на видеофон.

«Разве там не загорелась сигнальная лампочка?»

Когда Ватсон вдоволь насмотрелся на кабину управления, он соединился с клубом. Там было весело. Вроцлавский рассказывал анекдоты, собравшиеся смеялись. Время от времени улыбался и Ватсон.

В клубе также никто не заметил, что видеофон работает.

Северсон хлопнул себя по лбу:

«Я просто глупец! Как это я не догадался сразу: Ватсон делает то же, что и я — подслушивает с помощью видеофона. Что же он хочет выведать?.. Нет, теперь уже действительно пора вмешаться».

Он решил сразу же после дежурства рассказать все Алене и попросить, чтобы она сообщила Навратилу про обоих заговорщиков.

Но, войдя в клуб, где должен был встретиться с Аленой, Северсон в изумлении остановился.

В пустом зале возле окна с искривленной сосной сидел... Ватсон. Он так углубился в просмотр каких-то бумаг, лежащих на столике перед ним, что ничего не замечал вокруг.

«Ватсон в клубе?! Никогда раньше он сюда не ходил. Что это он задумал?» — промелькнуло в голове Северсона.

Ватсон держался спокойно, временами его глаза даже улыбались, обирая двумя веерами морщинки у висков. Просмотрев бумаги, он аккуратно сложил их в большую стопку, облокотился на раму иллюминатора и, машинально поглаживая посеребренные сединой волосы, поглядел на звездное небо.

Мало-помалу в зале начали собираться остальные астронавты. Каждый из них, замечая Ватсона, удивлялся так же, как и Северсон, но никто по этому поводу не сказал ни слова.

— Как тебе нравится наш посетитель? — прошептал Северсон, когда к нему подседа Алена.

— Я ему рада. Наконец-то он взялся за ум.

— Ты знала, что он сюда придет?

— Да, мне об этом сказал Навратил.

— Откуда такая перемена? Чего ему надо?

— Ты неисправим! — засмеялась Алена. — Во всем видишь какую-то тайну.

— А приемник и зашифрованные заметки — это ничего не значит?! — обиженно спросил Северсон.

Ответить Алена уже не успела. Навратил поднялся и сделал знак рукой:

— Садитесь, друзья, послушаем академика Ватсона. Он хочет рассказать нам что-то очень важное.

Северсон вопросительно взглянул на Алену. Она пожала плечами.

— Прекрасно знаю, что многие из вас считают меня отшельником, мизантропом... — сухо и холодно заговорил Ватсон. — Именно поэтому я хотел бы объяснить вам причины своего уединения... — Он помолчал и обвел взглядом присутствующих. — Сегодня я уже могу сказать, почему не ходил в клуб. Мне нужно было много времени. Я пытался разгадать смысл слов незнакомого языка жителей планеты Икс...

По немногочисленной аудитории прокатилась волна изумления, но Ватсон не обратил на нее никакого внимания.

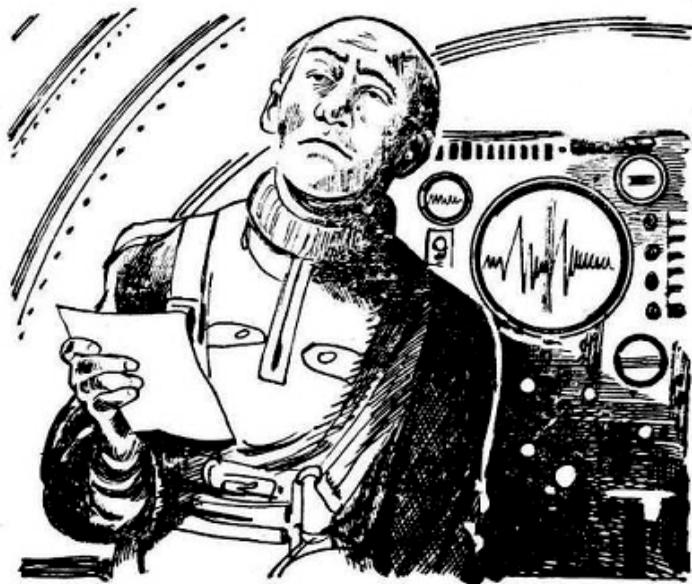
— Надеюсь, мне это частично удалось сделать...

Алена слегка толкнула Северсона и многозначительно подмигнула.

— Как я уже докладывал товарищу Молодиновой, планета Икс транслирует свои передачи с двух станций. К сожалению, вторую я обнаружил только недавно, и передает она на совсем другом языке, нежели первая. Поэтому вся

моя работа касается только мощной станции, которую мы слышим уже много лет...

Ватсон подошел к магнитофону и щелкнул выключателем. В зале раздался визгливый голос.

— Так обычно разговаривают жители планеты Икс. А теперь пустим пленку медленнее... Будьте внимательны... Чаще всего услышите слова: «вехагете», «есвеелес», «охогхим», «есвеелен», «гехе»... Очевидно, это наиболее употребительные у неведомых людей выражения.

Я установил, какие слова чаще всего употребляются в большинстве языков мира, и пришел к выводу, что среди тех слов, которые вы только что услышали, прежде всего должны найтись местоимения, глагол «быть» и прочее.

Было бы слишком долго описывать, как шаг за шагом я раскрывал смысл неизвестных слов. Тот, кто заинтересуется данной проблемой ближе, может изучить вот этот материал, — положил он руку на толстую кипу бумаг. — Я бы хотел обратить ваше внимание, что путь к решению был

очень сложным. Сначала я обратился к разным, известным с древнейших времен системам дешифровки. Это ничего не дало. Потом я изучил научные труды академиков Грозного и Лексы, расшифровавших неизвестный язык на надписях с Востока. Но и это мне мало помогло. Только после целого года безуспешных поисков я заметил, что некоторые слова, хотя и имеют в нашей транскрипции одинаковые буквы, произносятся всякий раз по-иному. Разница состоит в высоте тона слогов. Неизвестные люди, собственно, не говорят, а поют. Для нашего слуха звучит не очень приятно, а для них — имеет большое значение. Отдельные тона им заменяют буквы.

А теперь я прочитаю вам перевод нескольких фраз, которые мне удалось понять...

«Математический турнир (поединок или олимпиада) прошли хорошо, на высоком уровне. Абсолютным победителем является... (непонятное имя)».

«Враждебное государство (или континент) стремится уничтожить нашу цивилизацию (или религию). Бог нам вложил в руки меч (оружие), чтобы мы наказали богоотступников. Наша земля (континент) для нас слишком мала. Самые урожайные места принадлежат безбожникам (непонятное название народа), а мы голодаем. Мы должны расширить свое жизненное пространство. Наше терпение лопнуло. Объявим священную войну...»

Кажется, наше посещение планеты Икс будет не из приятных. Согласно результатам, полученным ценой долгого и упорного труда, там вот-вот разразится буря. Возможно, мы попадем именно в разгар...

Он замолчал. В зале стояла тяжелая тишина.

— Признаюсь, — и, наверное, я говорю от имени всех, — что меня академик Ватсон приятно удивил, — сказал Навратил. — За этот титанический труд мы должны выразить ему искреннюю и пламенную благодарность...

Восторженные аплодисменты подтвердили его слова.

— Во всяком случае, для нас эта работа имеет огромную ценность. Она поможет нам наладить отношения с обитателями планеты Икс. Однако не сердитесь, товарищ

Ватсон, если укажу вам и на неясную сторону вопроса. Бесспорно, вы знаете, что и вам, и нам я желаю на этом пути наибольшего успеха. Я не беру также под сомнение и вашу добросовестность. Однако боюсь, что при всей тщательности в расшифровке, мы можем легко впасть в заблуждение. Не забывайте, что наше мышление слишком «земное», и нам нелегко проникнуть в мышление неизвестных существ только на основе звуковых записей. Полагаю, правда, что академику Ватсону удалось раскрыть закономерности неизвестного языка, но боюсь, что смысл слов во многих случаях другой, чем тот, который придаем ему мы.

Началась оживленная дискуссия. Одни встали на сторону Ватсона, другие соглашались с Навратилом.

— Я решил изучить музыку неизвестных людей, — заявил Мадараш, когда ученые расходились по своим каютам. — Для открытия ее закономерностей словари не нужны.

Северсон был так потрясен сообщением Ватсона, что всю беседу прослушал словно во сне.

«Он самоотверженно трудился, а я его подозревал... Но почему он так часто встречается с Олафом? Зачем подслушивает разговоры? И кто положил мне в карман это предостерегающее письмо?.. Нет, еще не все выяснено. Не расшифровывает ли он этот язык из других соображений?»

Глава XXIX

Хороший слуга — страшный хозяин!

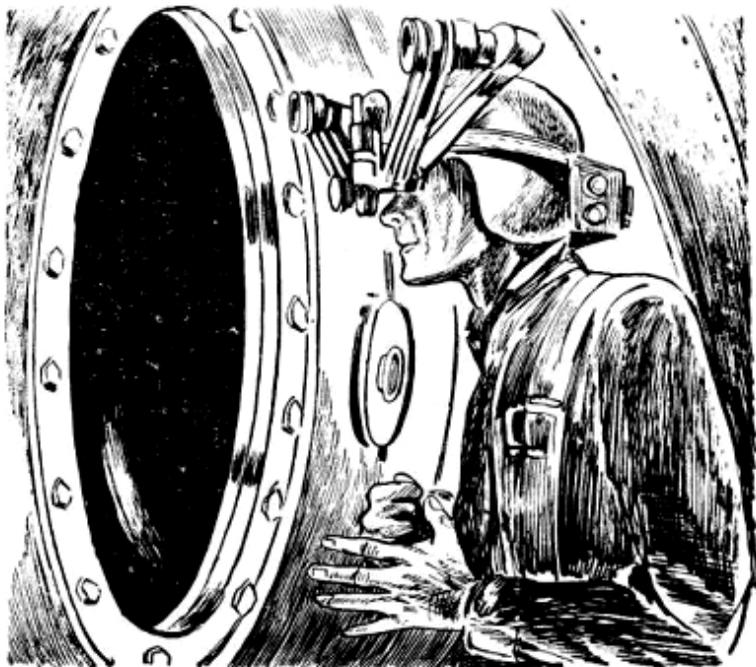
— Внимание, внимание! Через десять минут включаем реакторы двигателей! Приготовьтесь, корабль будет разворачиваться!.. — торжественно прозвучал из репродукторов голос дежурного капитана Надежды Молодиновой.

— Ура, приближаемся к цели! — воскликнула Алена. — Путешествие было замечательное, но всему свое время. Признаюсь тебе, Лейф, что эта вечная ночь временами уже начинала раздражать меня. Даже не представляешь, как я

рада! Ты ведь тоже, да?.. Вот будет чудесно, когда почувствуем твердую почву под ногами, а над головами у нас засияет настоящее солнце. И даже не одно, а сразу целых три!

Она вытащила из футляра демодулятор и протянула Северсону:

— Посмотри, как весело сияют они нам навстречу!

Северсон смотрел на солнца, затаив дыхание. Какие они красивые! Одно — желтое, как наше, второе — оранжевое, а третье — ярко-красное.

— К какому из них мы летим? — спросил он задумчиво.

— К тому самому большому, красному. Правда, говорить «самому большому» можно только условно, ведь в действительности Проксима Центавра — самая маленькая звезда из трех. Она кажется большой, потому что находится ближе всего к нам.

— Как далеко от нее другие солнца?

— Примерно в четырнадцать световых днях. Наш «Луч» пройдет такое расстояние максимум за шесть недель. Туда тоже заглянем, когда попрощаемся с жителями планеты Икс. Это будет интересное путешествие! Желтое солнце — Альфа Центавра А — имеет семь планет, а оранжевое — Альфа Центавра Б — четыре. Вполне возможно, что на какой-нибудь из них найдем разумных существ, похожих на нас. Оба солнца со своими планетными системами вращаются вокруг общего центра тяжести. А вокруг этой пары движется Проксима со своими планетами.

В кормовой части «Луча» послышался шум и грохот атомных двигателей. Тройная система исчезла из поля зрения аппарата. Небо начало поворачиваться; появилось созвездие Девы, затем Волосы Вероники, Малая Медведица с Полярной звездой, Кассиопея и созвездие Андромеды, в центре которого блестела невзрачная звездочка — наше Солнце.

Как только «Луч» занял новое положение — кормой вперед, — Северсон расстегнул предохранительный ремень, поднялся с кресла и испуганно вскрикнул: ноги не держали его.

— Ну и глуп же я! — покраснел он. — «Луч» тормозит, вот к нам и вернулась сила тяжести... Знал об этом, но забыл...

— Не обращай внимания. Мало ли что забудет человек за пять лет?.. Прежде чем начнешь ходить, Лейф, переобуйся. Ботинки со стальными подошвами теперь лишние; пол уже не намагничен.

Северсон прошел несколько шагов, топнул ногой.

— Конечно, к весу привыкаешь быстрее, чем к его отсутствию. У меня такое приятное ощущение, будто я уже стою на твердой почве.

Он вытащил из кармана карандаш, поднял его вверх и отпустил. Тот не повис в воздухе, как случилось бы полчасика назад, а довольно быстро упал на пол.

— Действительно, как на Земле!

На видеофоне замигал красный огонек:

— Алена, зайдите в кабину управления!

Северсон остался один.

За долгие годы работы в лаборатории он изучил все аппараты так досконально, что мог уже работать самостоятельно.

— Еще двадцать минут... — сказал он, взглянув на часы, и положил перед собой большой блокнот-дневник.

«С чего начать? — размышлял он, рассеянно покусывая кончик карандаша. — Столько впечатлений!»

— Будьте здоровы и веселы, дядюшка! Как поживаете? — раздалось вдруг от двери.

Олаф! Что ему здесь нужно?

Северсон взглянул на него с удивлением и вместо ответа только кивнул головой.

— У вас такой вид, словно вы лимон куснули! Может, не рады мне? — сладко улыбнулся Дитриксон. — Я должен на часик заменить здесь Свозилову. Она на совещании капитанов. Вижу, что ей вы бы обрадовались больше, чем собственному праплемяннику. Хотя это не имеет значения... Занимаетесь чем-то важным?

— Через десять минут должен извлечь из межзвездного пространства искусственный белок. Я выставил его для облучения нуль-лучами. Опыт номер восемьсот двадцать три. Впрочем, я это сделаю сам.

— Как вижу, вы сегодня не в настроении, дядюшка. Ну, как хотите. Посмотрю тогда, как идет приготовление пищи.

— И об этом я позабочусь сам, — проворчал Северсон. В глазах Дитриксона вспыхнули зеленые огоньки, но он сразу овладел собой. Сел в кресло и посмотрел на контрольный щит котла высокого давления.

— Послушайте, у меня возникла идея, — через минуту обратился он к Северсону. — Хотели бы вы порадовать свою невесту?

— Порадовать?.. Чем же это? — спросил тот неохотно.

— Опытom восемьсот двадцать четыре, который, возможно, принесет неожиданные результаты. Потом, дядюшка, можете свободно сказать, что это была ваша идея. С радостью вам ее дарю.

— Не стоит. Не люблю хвалиться чужим перьями, как говорит Навратил... Как вы себе этот опыт представляете?

— В общем просто. Исследуем, какие изменения вызовет в искусственном белке радиоактивное облучение. Когда Свозилова вернется, опыт уже будет завершен. Она удивится, когда мы предложим ей рассмотреть белок под электронным микроскопом!

Северсону предложение понравилось. На мгновение он даже избавился от неприятного ощущения, вызванного присутствием Олафа.

— Смотрите... — Дитриксон вытащил из шкафа плоский закрытый контейнер с образцами белка и подал его Северсону. — Идите с этим на атомную электростанцию. А впрочем, не заходите туда через главный вход, чтобы напрасно не беспокоить дежурных возле реакторов. Пройдите через заднюю дверь номер четырнадцать. Прямо напротив двери увидите стену с несколькими заслонками. Откройте одну из них и положите туда кассету с белком. Оставьте ее там на пять минут, этого вполне хватит, а затем принесите ее сюда. Вот и все. Ничего сложного здесь нет. А я тем временем позабочусь об опыте номер восемьсот двадцать три... Когда вытащить кассету?

— Через две минуты. Я вам помогу...

— Разве я маленький ребенок?.. Спокойно идите, жаль терять время. Свозилова скоро может вернуться, и наш сюрприз не удался.

У двери номер четырнадцать Северсон остановился.

«А не отослал ли меня Олаф только для того, чтобы что-нибудь натворить в лаборатории?» — пришло ему в голову. Он хотел было вернуться, но передумал: за десять минут его отсутствия Олаф ничего не успеет испортить. А впрочем, потом все придется как следует проверить.

Погруженный в свои мысли, Северсон не заметил шкафов, висевших на противоположной стене узкого коридора. Привстал на цыпочки, взялся за металлический маховик герметичной заслонки и несколько раз крутанул его.

— Недостаточно... — сказал он после первой неудачной попытки открыть толстую заслонку. Еще раз провернул колесо.

— Остановитесь, ради бога, остановитесь! — закричал кто-то, схватив его за руку.

Северсон вздрогнул и быстро оглянулся... Ватсон!

— Вы что — с ума сошли?! Вам жить надоело?! Разве не знаете, что как только откроете эту заслонку, попадете под смертоносное радиоактивное излучение?!.. Удивляюсь Навратилу, как он взял на корабль такого невежду! А еще больше меня удивляет Дитриксон. Почему он, дурак, не сказал, что здесь нельзя находиться без скафандра? Разве вы их не видите?.. Этот ваш идиотский опыт с белком мог легко закончиться распадом белков вашего тела!

В первое мгновение Северсон вообще не мог понять, что случилось и почему Ватсон так ругает его. Однако последние слова тут же заставили его опомниться.

— Дитриксон не виноват, я сам должен был это знать... Но как вы меня здесь нашли? Откуда знаете, что меня послал сюда Дитриксон и что я проводил опыт с белком?

— Откуда? Я слышал ваш разговор. Но об этом поговорим позже. А теперь — наденьте скафандр и завершите этот ваш окаянный опыт... Что вы хотите обнаружить? Ничего нового не получите, это уже давно исследовано.

— Вы подслушиваете через видеотелефон. Можете сказать, зачем вы это делаете? — прямо спросил Северсон.

— Ваша правда, подслушиваю. И раньше частенько этим развлекался. Такова моя слабость и в некоторой степени невоспитанность, признаю. Но, в конце концов, чему, как не этой моей дурацкой привычке, вы обязаны своей жизнью?

— Я вам весьма благодарен, товарищ Ватсон, — тепло сказал Северсон после долгой паузы. — Теперь я вижу, что ошибался в вас. Вы — добрый человек, и поэтому я не могу понять, зачем вы подслушиваете чужие разговоры.

— Вы допрашиваете меня, точно прокурор. Если уж так настаиваете, скажу вам все. Просто мне было тоскливо. Одиночество я выдерживаю намного хуже, чем вы думаете. Планета Икс отнимала все свободное время. На развлечения его не оставалось, так что я, хотя бы при помощи видеотелефона, посещал клуб и кабину капитана. Никаких секретов там нет. К вам в лабораторию я попал совершенно случайно. Сам того не зная, меня соединил Фратев, когда по аппарату, к которому я был подключен, вызвал товарища Свозилову. Надеюсь, что мою слабость вы не используете против меня. Ко мне и так не очень благосклонно относятся на «Луче» из-за моих старых споров с Навратилом. Я даже иногда жалею, что тогда так неблагоразумно попросил включить меня в состав экспедиции.

Северсон крепко пожал ему руку:

— Напротив, мы все вас очень уважаем и любим, поверьте мне!

На этот раз он говорил искренне.

* * *

О том, что произошло на атомной электростанции, Северсон не сказал Алене ни слова. Ватсона он теперь посещал часто. Пытался мелкими услугами выразить свою благодарность и заглушить этим голос нечистой совести.

Олафа Северсон всячески избегал.

«Послал он меня на электростанцию умышленно, пытаясь избавиться от нежелательного свидетеля, или, может, тому виной несчастный случай и мое проклятое невежество?» Ответов на эти вопросы он пока не находил.

Дни теперь не бежали, а ползли словно улитки. Отважные завоеватели Вселенной жили в постоянном ожидании.

Скорость уже настолько уменьшилась, что черные дыры в небе начали оживать. Сначала появились три тусклые звездочки Альфы Центавра. Вскоре после этого выступили из тьмы и другие звезды, наконец, появилась и маленькая звездочка — наше Солнце.

Свет трех солнц Альфы Центавра проникал в кабины, как слабое сияние нашей молодой Луны.

Один из астротелевизоров был установлен в клубе, чтобы и в свободное время ученые могли наблюдать за планетой Икс.

Сперва она появилась на экране в виде макового зернышкв. Медленно выросла до размера горошинки, потом стала как орешек, как теннисный мячик...

Сложнейшие электронно-вычислительные машины работали на полную мощность. Следовало как можно быстрее вычислить орбиты всех четырех планет Проксимы, и в первую очередь орбиту планеты Икс; точно определить время ее вращения вокруг центрального светила и вокруг собственной оси, — так же, как и расстояние между Проксимой и ее планетами. Расчеты, которые ранее потребовали бы труда десятков ученых на протяжении многих лет,

электронно-вычислительные машины провели за несколько часов.

«Луч» успел приблизиться к планете настолько, что при помощи астротелевизора можно было рассмотреть ее поверхность. Четыре пятых планеты покрывал океан, остальное занимали два континента и несколько небольших островов. Точную карту планеты ученые еще не могли составить — мешала густая облачность.

— Если телескопы неизвестных людей более совершенны, чем наши, то они, несомненно, уже заметили нас, — рассуждал Броцлавский. — Какое впечатление произведет на них наш «Луч»? Догадываются ли они, что к ним прибывают гости из другой звездной системы?

— Знаете, что я придумал? — воскликнул Северсон. — Проверим, насколько правильно академик Ватсон понял их язык. Пошлем им сообщение, чтобы они, невзначай, не испугались, когда мы появимся у них в небе.

— Чудесно! Пусть я стану атомом тория, если это плохая идея! — восторженно согласился Фратев.

— Идея действительно неплохая, но не знаю, смогу ли я осуществить ее, — улыбнулся Ватсон. — Разве я сумею «скулить», как они?

— Это не так сложно, — сказал Мадараш. — Переведите наше сообщение на «иксовщину» и запишите текст нотами. Я спою их, как соловей! Их язык я немного усвоил, пока изучал музыку.

— Вот будет сюрприз, когда мы неожиданно вклинимся в их программу! — засмеялся Фратев.

Так и решили поступить. На следующей неделе радиоволны понесли странные звуки к планете Икс. Мадараш безупречно выполнил свою работу.

Теперь Ватсон не отходил от приемника. Он ждал, ответят ли незнакомые существа.

— Внимание! — вдруг торжественно воскликнул он. — Они слышали наш призыв! Передатчик замолчал!

Через десять минут станция планеты Икс заговорила. Ватсон включил магнитофон на запись. Спустя некоторое время передатчик снова замолчал.

— Повторите наше сообщение. А я тем временем попробую расшифровать текст.

Ватсон достал свой кропотливо составленный словарь и принялся переводить... Записав первую фразу, покрутил головой:

— Какая чушь! Здесь вообще нет логической связи: «Война создает мир, бросать камни в лес, время сдерживания не может...»

— Они нас плохо поняли либо мы не понимаем их, — улыбнулся Навратил. — Попробуйте перевести следующие фразы.

— Секунду! Они возобновили передачу. — Ватсон снова начал записывать.

— Плохо их понимаю, слишком много помех. Вот послушайте! — он переключил приемник на репродуктор.

Шум и треск совсем заглушали голос диктора.

— Похоже на грозу, — сказал Фратев.

— Наблюдаю странные вспышки на планете Икс! — сообщил Цаген из кабины управления.

Ученые подбежали к астротелевизору.

— Это не гроза, а скорее взрывы вулканов, — сказал Чансу.

— Вулканическая деятельность, видимо, захватила только левый континент.

Ватсон быстро перенастроил приемник.

— Вторая станция молчит. Наверное, она находится на континенте, пострадавшем от стихийного бедствия.

Навратил включил видеофон:

— Товарищ Молодинова, увеличьте скорость. Есть опасность, что мы прибудем слишком поздно.

— Вот и на втором континенте начались взрывы вулканов! — воскликнул Броцлавский.

Все замолчали. С ужасом в глазах наблюдали картину на экране.

— Первая станция также замолчала...

Ватсон вытащил из кармана платок и медленно вытер вспотевший лоб.

— Своим злополучным пророчеством я словно навлек катастрофу... — сказал он сокрушенно. — Ведь я говорил, что мы не встретим здесь никаких людей ...

— Не опережайте события, — успокаивал его Навратил. — Вулканическая деятельность, конечно, страшное явление, но всю жизнь на планете она уничтожить не может. Особенно если речь идет о человечестве. Жители планеты все-таки разумные существа. Знакомы с радио, а значит, вполне вероятно, есть у них и авиация. В худшем случае, спасутся в воздухе.

* * *

«Луч» уже настолько приблизился к планете, что ее поверхность можно было наблюдать невооруженным глазом. Вулканические вспышки все продолжались.

Мадараш вбежал в кабину управления и пошатнулся. На его лицо упал багровый отсвет ослепительно сверкавшего на звездном небе красного солнца. В руке он судорожно сжимал только что проявленную, еще мокрую фотографию.

— Товарищ Молодинова, товарищ Навратил...

На снимке была изображена часть планеты с правым континентом. В нескольких местах на его поверхности вздымались огненные шары. На вершине одного из них, как терновый венец, причудливо клубился дым. Из мрака выступал освещенный ярко-фиолетовой вспышкой зубчатый горный кряж.

— Это не взрывы вулканов, это... — голос Молодиновой оборвался.

— ...взрывы атомных бомб! — прошептал Навратил. Мадараш достал авиационные снимки взрывов в Хиросиме и Нагасаки и положил их рядом с фотографией.

— Сомнений нет...

— На планете Икс зафиксирован высокий уровень радиации! — послышалось сообщение из кабины наблюдения.

— Мы прибыли слишком поздно!.. Безумцы, для того ли природа дала им разум, чтобы они уничтожали друг друга? — Молодинова сжала кулаки. — Они сами себе подписали смертный приговор... И какая ужасная смерть! Те, что не погибнут сразу, будут долго умирать в страшных муках...

«Луч» вплотную приблизился к планете. И только теперь, своими глазами увидев затухающую атомную войну, каждый ясно осознал, что здесь, за миллиарды километров от Земли, происходит трагедия, какой Вселенная до сих пор не знала.

Все, кто был свободен, собрались в клубе и молча наблюдали грозную картину. Никто не хотел сейчас оставаться в одиночестве, всех тянуло к людям.

Ватсон прислонился лбом к холодному стеклу окна и прошептал:

— Никогда я не думал, что увижу наяву Дантов ад! «Тяжелый град, и снег, и мокрый гной пронизывают воздух непроглядный, земля смердит под жидкой пеленой...»¹

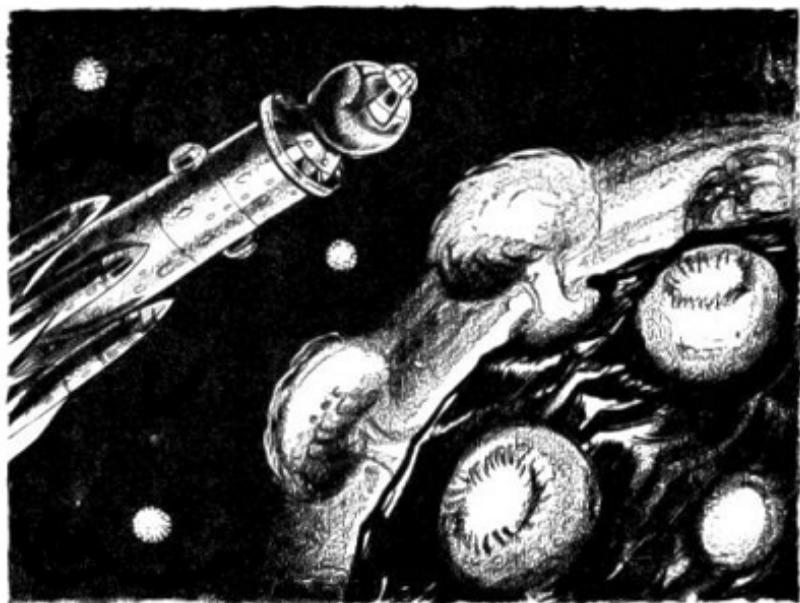
Еще несколько взрывов — и на планете Икс наступила мертвая тишина. Только то здесь, то там облака дыма и пыли прорывало багровое зарево огня.

«Луч» спустился еще ниже и вращался вокруг планеты на минимальной высоте.

На экране астротелевизора проплывала ужасная картина сплошных руин: горящие города, села и леса; пепел сожженных полей. Кое-где валялись трупы тех, кого взрывы застали на большом расстоянии. Горные массивы и металлические конструкции зеленовато светились, словно натертые фосфором. Так же сияла и вся атмосфера неосвещенного солнцем полушария.

А над всем этим горела кровавая Проксима. Казалось, она тоже плакала. Длинные языки протуберанцев взлетали в черное небо и медленно отрывались от своей огненной матери.

¹ Пер. М. Лозинского (*Прим. ред.*).

— Сверху атомная энергия, которая дарит жизнь, а внизу — та, что эту жизнь уничтожает...

Плакали все и никто этого не стеснялся.

— Радиоактивное излучение имеет необычные характеристики. Оно такое же мощное, как космические лучи. По всем признакам, проникает на пятьсот метров в глубь земли, — слышался голос в репродукторе.

Северсон схватился за голову.

— Товарищи! — закричал он. — Я вас предал. Теперь вижу, каким преступником является Олаф, какими убийцами — «Братья сильной руки»!

Мадараш от неожиданности выронил кинокамеру, на которую снимал самый шокирующий в истории человечества документ. Ученые подбежали к Северсону, решив, что тот сошел с ума.

— Что ты говоришь, мой милый?! Опомнись! Не теряй рассудка! Такая катастрофа нашей Земле уже не грозит, мы давно послали атомных авантюристов к чертям!

— Не бойся, Алена, я не обезумел. Только я больше не могу молчать. Этот ужас внизу открыл мне глаза. Не могу больше молчать! — он с трудом поднялся. — Я вам все должен рассказать... С нами летит убийца! Убийца, который за вашей спиной готовится устроить вот такое! — показал он на планету Икс. — Это — Дитриксон; да, мой праплемянник Олаф! А я его укрывал!

— Но Дитриксон не может быть вашим праплемянником, я знаю его уже давно, — покачал головой Ватсон. Его предки переехали в Америку примерно в тысяча восемьсот шестидесятом году. Успокойтесь, Северсон, у вас слегка разгулялись нервы, но скоро это пройдет. Катастрофа на планете Икс сильно подействовала на всех нас... Вроцлавский, да не стойте же вы, как соляной столп! Принесите каких-нибудь лекарств, что ли!

— Ничего не надо, дайте мне договорить. «Братство сильной руки» существует, это не моя выдумка. Об этом мне рассказал сам Дитриксон, когда мы с ним встретились в Праге... Здесь, в моем дневнике, вы прочтете все! — он вытащил из кармана блокнот и бросил его на стол. — Это

преступники, считающие, что они выше других людей и что им суждено владеть миром. Сила и власть — вот их цель. Возможно, у них есть и спрятанное атомное оружие, которое они когда-нибудь используют против вас. После нас — хоть потоп! — показал он дрожащей рукой на иллюминатор.

— Чушь! — резко возразил Грубер. — Разве существует сейчас на Земле хоть одно существо, именуемое «гомо сапиенс», «человек разумный», которое не знало бы, что атомная война в первую очередь уничтожит агрессора?.. Такой человек давно уже должен был бы лечиться в психиатрической больнице.

— Оставьте, пусть говорит! — прервал его Фратев.

— Да, «Братство сильной руки» готовит войну! — упрямо повторил Северсон. — Дитриксон сказал мне это ясно и откровенно. Он обещал, что в случае их победы я стану таким же властелином, как они. Я к этому никогда не стремился, поверьте мне. Я всего лишь не хотел предавать своего праплемянника и успокаивал себя тем, что, в конце концов, сумею переубедить его... Но теперь, над руинами планеты Икс, я с ужасом понял, кого укрывал. Я понял, что о преступлении нельзя молчать, потому что замалчивать его — значит быть соучастником... Почему я так поздно осознал это?

Я четко разделял — Алена меня не раз упрекала за это — «себя» и «вас». Ватсона я подозревал из-за необщительности, а между тем, сам отгородился от вас. Правда, я честно выполнял свою работу, но не сжился с вами — и, по сути, остался вне коллектива. Теперь я сознаю это, но как дорого я заплатил за эту мудрость!

Алена обняла его и погладила по волосам:

— Это ничего, любимый, все уже прошло...

Навратил недоверчиво покачал головой. Северсон заметил это. Он высвободился из объятий Алены и воскликнул:

— Вы мне не верите? Одно доказательство у меня в кармане. Не знаю, правда, что это такое, но уверен, что здесь что-то не так. Иначе зачем Дитриксон попросил бы меня

уничтожить две коробочки таких ампул? Могу вам их показать, я спрятал их у себя в каюте, в ящике с бельем...

Навратил рассмотрел ампулку под электронным микроскопом.

— Немедленно арестовать Дитриксона! Действительно — это преступник! — сказал он хрипло. — Самый мерзкий преступник! Он готовил бактериологическую войну. Взгляните: вирусы менингита...

Он замолчал, переводя дух.

— Какое счастье, друзья, что человечество вовремя увидело, в чем кроется корень зла, и поняло, какую опасность представляет для его существования капитализм и империализм! Какое счастье для человечества, что у этих преступников вырвали из рук атомное оружие, что Советский Союз своевременно мобилизовал народы на борьбу за мир... Атомная энергия похожа на огонь: она хороший слуга, но страшный хозяин. Теперь, к счастью, она только хороший слуга, дарующий нам силу для многих побед. Какое изобилие создали мы благодаря этой силе на Земле! Без нее мы не были бы сегодня здесь, в звездной системе, удаленной от нашего дома более чем на четыре световых года... Безумцы, которые в болезненном стремлении к власти забывают о человечности и честности и даже теряют естественный инстинкт самосохранения, должны помнить, что тот, кто сеет ветер, пожнет бурю! И буря сметет только их. Человечество не допустит, чтобы повторился ужас прошлого. Оно хочет жить спокойно и мирно и поэтому безжалостно уничтожит каждого преступника...

И еще одно грозное предостережение дает нам эта катастрофа: в радостной мирной жизни мы утратили бдительность и осторожность. Мы полагались на то, что пережитки империализма навсегда исчезли из сознания людей... Как видите, успокаиваться рано... Товарищи, мы должны немедленно созвать суд и поставить перед ним коварного преступника!

Однако Дитриксона не нашли ни на атомной электростанции, где он должен был дежурить, ни в лаборатории, ни в его каюте.

— Я хотел бы сказать вам, Алена, несколько откровенных слов, раз уж мы случайно остались наедине... Помните: любовь не слепа и не пассивна. Настоящая любовь облагораживает людей, делает их лучше. Вы должны были больше заботиться о Северсоне... Ну, ничего, вы это исправите. У вас впереди вся жизнь.

— Товарищ Навратил, знаю, что на мне лежит большая вина...

В клуб вошел Северсон. Навратил вдруг вспомнил, что должен заглянуть в кабину управления, и вышел. Северсон наклонился к Алене и едва слышно спросил:

— Сердишься на меня?

— Глупенький! — улыбнулась она. — Наоборот...

— Эти две коробочки лежали между нами, как камень... Подожди минутку. Сбегаю за ними, чтобы они больше не жгли меня...

— Пойдем. Я пойду с тобой.

Северсон открыл дверь своей каюты и сразу же выскочил обратно. На его кровати, среди разбросанного белья, сидел Дитриксон. В левой руке он судорожно сжимал металлическую коробочку, а правой доставал из нее ампулки и бил их об пол.

— Фаухер, Йонес, Северсон — все так кончите! Замордую вас, как собак! — глаза у него были безумные, выпученные, и он весь трясся. — Пошел вон, убийца! — закричал он, увидев Северсона. — Ты уничтожил планету Икс!

Коробку с ампулками он швырнул к двери.

— Сошел с ума! — Северсон резко закрыл за собой дверь и схватил Алену за руку. — Скорее позови Навратила!

Алена убежала. Северсон навалился на дверь, пытаясь задержать безумца.

Дитриксон несколько раз подергал за ручку и затих. Казалось, он успокоился. Неожиданно дверь широко распахнулась. Безумец выскочил из каюты, наткнулся на стенку,

упал. Сразу же вскочил и, не замечая Северсона, побежал к шлюзовой камере корабля.

Прежде чем Северсон опомнился, Дитриксон открыл дверь шлюзовой камеры, которая автоматически закрылась за ним, затем наружный люк; оттолкнулся и прыгнул в безвоздушное пространство.

Его лицо и руки моментально залила кровь.

Мертвое тело кануло во тьму.

* * *

— Как он отвратителен и как жалок! — тихо произнес Навратил. — Северсон, вы уже послали сообщение на Землю?

— Да. Сообщил также, что из-за чрезвычайно высокого уровня радиации мы не сможем совершить посадку на планете Икс.

— Для человечества и для «Братства сильной руки» это будет серьезным предостережением. Действительно, предупреждающие сигналы из Вселенной, как сказала Алена. Жаль только, что наше сообщение услышат только через четыре года... А теперь — вперед к планетной системе Альфы Центавра А!

— Погодите, товарищ Навратил, — положил ему на плечо руку Мак-Гарди. — Не следует ли нам подождать здесь некоторое время, пока не спадет радиация, а потом послать вниз вспомогательный ракетоплан с группой исследователей? Мы изучили бы там остатки культуры и результаты атомной войны. Возможно, раскрыли бы тайну смертоносного излучения и обогатили бы этим науку.

— Я не согласен с вами, товарищ Мак-Гарди. Несомненно, они не знали, что такое культура. А потом, к чему нам тайна смертоносных лучей? Что хорошего дало бы нам изучение гигантского кладбища неизвестного человечества?.. Того, что мы знаем о нем, для нас вполне достаточно: оно получило неизлечимую рану, потому что использовало атомную энергию во зло. Дальше идти уже нельзя. Здесь и наука стоит на грани, за которую не скоро перешагнет.

Он включил видеофон и повторил приказ:

— Направление на звезду Альфа Центавра А — вперед!
В кабину управления вошел Чан-су.

— Я поймал сообщение из Москвы. Человечество с помощью атомной энергии научилось управлять погодой на всем земном шаре. Начинается наступление на ледники Южного полюса... Амундсен шлет привет Северсону и всем нам...

Об авторе

Владимир Бабула родился в 1919 г. в Моравии (Чехия) в семье коммунистов. Окончил Центральную художественную школу в г. Злине, работал как художник-иллюстратор детских книг. После начала Второй мировой войны и немецкой оккупации Чехословакии эмигрировал в Швейцарию (информация о его пребывании в нацистском концлагере не соответствует действительности).

Вернувшись после войны на родину, работал редактором северочешского издания «Mladé fronty», а после переезда в Прагу — редактором отдела сельского хозяйства в том же издательстве, затем — недолгое время проработал на заводе «Татра».

С 1952 года — редактор, затем главный редактор журнала «Mladý technik», переименованного позже в «VTM-věda a technika mládeži» («Наука и техника молодежи»). В 1960 г. перешел в Česká tisková kancelář (ČTK), а спустя непродолжительное время — стал независимым журналистом.

Публиковаться начал в 40-х годах в качестве автора детских книжек-картинок. Сочинять научную фантастику его убедил коллега и писатель фантаст Рудольф Фаукнер (Rudolf Faulkner), вместе с которым он позже написал научно-популярную книгу «Kdyby přišli Martané aneb Průvodce po Zeměkouli pro návštěvníky z vesmíru» («Если бы пришли марсиане или Путеводитель по земному шару для гостей из Вселенной», 1958), в которой таинственные природные явления разъяснялись с точки зрения естественных наук.

С 1954 по 1956 год в журналах «Věda a technika mládeži» и «Pionýr» начинают печататься с продолжением романы «Сигналы Вселенной» (Signály z vesmíru) (1954-1955), «Планета трех солнц» (Planeta tří sluncí) (1954-1955) и «Пřátel z Nadonoše» (1956) с иллюстрациями ведущих чешских художников книги Ф. Шкоды и З. Буриана. В 1950-х гг. первые два романа выдержали в общей сложности пять изданий на чешском и словацком языках. В 1963 г., в сокращенном и переработанном виде, эти три романа вышли в виде трилогии под названием «Oceánem světelných roků». Писатель создал также несколько научно-фантастических рассказов и повестей, собранных в книге «Puls nekonečna» (2009). Скончался В. Бабула в 1966 г.

Основная идея первого романа – оживление соратника Р. Амундсена, замерзшего во льдах – была навеяна работами советского физиолога С. С. Брюхоненко (1890-1960), который в одном из интервью обмолвился, что не советовал бы торжественно хоронить Амундсена на родине, если тело исследователя будет найдено: «Пройдет пятьдесят лет, и ученые, пришедшие нам на смену, оживят его». Эти слова Брюхоненко, кстати, были вынесены в эпиграф, предпосланный чешскому изданию «Сигналов Вселенной». Заметим, что поиски тела Амундсена составляли основную интригу романа Г. Гребнева (1902-1960) «Арткантия» (1939), еще в 1940 г. переведенного на чешский язык. Внимательный читатель научной фантастики несомненно заметит также, что мотивы первой книги Бабулы широко обыгрываются в повести Ст. Лема (1921-2006) «Фиаско» (1986).

Как ни странно, вполне «правоверная» трилогия Бабулы никогда не переводилась на русский язык, однако в 1959 и 1968 гг. вышли украинские издания, включавшие первые два романа трилогии в литературной обработке украинского фантаста Н. Дашкиева (1921-1976) – по мнению многих любителей фантастики, сослужившей им добрую службу. Предлагаемый читателю перевод выполнен по этим изданиям; сохранены оригинальные журнальные иллюстрации Ф. Шкоды и З. Буриана. При написании данной справки был использован биографический очерк В. Мильгунова с сайта «Лаборатория фантастики».

Оглавление

Часть первая. Пробуждение

Глава I. Сын Севера	8
Глава II. За жизнь неандертальца!	17
Глава III. Пузырек воздуха	27
Глава IV. Говорит Проксима Центавра	33
Глава V. Пробуждение	38
Глава VI. Письма в прошлое	44
Глава VII. Неторопливая почта Вселенной	51
Глава VIII. Изумление	55
Глава IX. В краю чудес	67
Глава X. Девушка с Луны	82
Глава XI. «Домой, домой!»	86
Глава XII. Возвращение	94
Глава XIII. У источника богатства	103
Глава XIV. Приглашение	108
Глава XV. Смелый проект	114
Глава XVI. Новая профессия Северсона	124

Глава XVII. Прогулка по Луне	131
Глава XVIII. Опасный дождь	136
Глава XIX. Смерть в пустыне	143
Глава XX. Вторая попытка	150
Глава XXI. Праплемянник	156
Часть вторая. Покорители Вселенной	
Глава XXII. «Приветствую жителей планеты Икс!»	174
Глава XXIII. Сквозь Солнечную систему	183
Глава XXIV. Черный бродяга	198
Глава XXV. Коварный вирус	206
Глава XXVI. Детективы	212
Глава XXVII. Прогулка в безвоздушном пространстве	221
Глава XXVIII. Тайна Ватсона	232
Глава XXIX. Хороший слуга – страшный хозяин!	243
Об авторе	263

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.